

РУССКАЯ СТАРИНА

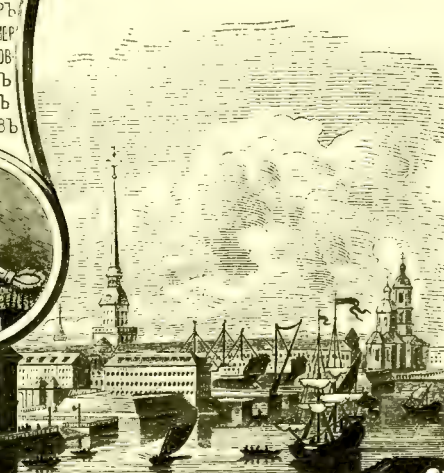
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1918.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIX-й.

Мартъ — Юнь.

1918 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1918 г. и условія подписки	161	VIII. Нурьезы старой Москвы. (Изъ записной книжки „Русской Старины“). Сообщ. <i>С. В. Танъевъ</i>	58
II. Къ портрету Носцюшко	162	IX. Отзвуки далекаго прошлаго. Сообщ. <i>Е. В. Корниъ</i>	59—90
III. И. Г. Головинъ. Императоръ Николай I. Сообщ. <i>Б. Колубакинъ</i>	163—180	X. Указъ императрицы Елизаветы Петровны Правительствующему Сенату въ 1755 г. о бережномъ доставленіи въ Петербургъ священ. Аванасія Иванова, имѣющаго 144 человѣка потомства. Сообщ. <i>З. И. Тилманъ</i>	91—92
IV. Обзоръ Записокъ гр. Матвѣева и вновь открытыхъ вариантовъ ихъ о стрѣльцкомъ полковникѣ Сухаревѣ. Сообщ. <i>А. В. Лонгиновъ</i>	1—28	XI. М. Н. Альбовъ и Д. И. Тихомировъ. (Встрѣчи и столкновения). Сообщ. <i>Р. И. Сементковскій</i>	93—102
V. Последніе дни жизни императора Александра I и его кончина въ Таганрогѣ, по письму камердинера Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкинѣ. Сообщ. священ. <i>Н. Н. Модестовъ</i>	29—40	XII. Дневныя записки генерала Патрика Гордона. Сообщ. <i>П. М. Майковъ</i>	103—116
VI. Дневникъ академ. В. П. Безобразова. 1888 г. Сообщ. <i>М. В. Безобразова</i>	41—46	XIII. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны	117—138
VII. Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII вѣкѣ. (Недоразумѣніе изъ области политическаго сыска старыхъ временъ). Сообщ. <i>В. Шереметевскій</i>	47—57	XIV. Библиографическій листокъ (на обложкѣ).	

Приложеніе. Портретъ Тадеуша Косцюшко.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1918 года.
Подписная цѣна на 1918 годъ — 28 руб., за границу — 32 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч.
до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18.

III — VI книжка „Русской Старины“ вышла 10 іюля 1918 г.

Библиографическій листокъ.

Юлій Гессенъ. Пльнные въ Россіи съ древнихъ временъ.
Вып. I. Выкупъ пльнныхъ. Петроградъ, 1918.

Авторъ многочисленныхъ историческихъ изслѣдованій представляющихъ существенный вкладъ въ русскую историческую литературу, Ю. И. Гессенъ предпринялъ новое обширное изслѣдованіе, на тему: по вопросу о пльнныхъ въ Россіи. Настоящій выпускъ новаго труда г. Гессена посвященъ вопросу о выкупѣ пльнныхъ и подраздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: раннія извѣстія—положеніе вопроса въ первые годы существованія русскаго государства; войны съ татарами и другими восточными народами—отъ половины XV в. до конца XVIII, съ приложеніемъ карты тогдашней Россіи и указаніемъ путей распространенія обмѣна пльнныхъ; войны съ польско-литовскимъ государствомъ и со Швеціей—отъ XV в. до начала XVII в.; полонячныя деньги—отношеніе государства и общества къ вопросу о добровольномъ и обязательномъ сборѣ денегъ для выкупа пльнныхъ. Въ трудѣ Ю. И. Гессена собрано много интересныхъ данныхъ изъ специальныхъ сочиненій и архивныхъ документовъ и, несмотря на специальную научность темы, новая работа его читается съ обычнымъ интересомъ, давая читателю массу любопытныхъ свѣдѣній въ живомъ и ясномъ изложеніи.

С. Я.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Матеріалы для біографіи. Подъ редакціей Влад. Княжнина. Изд. Пушкинскаго Дома при Академіи Наукъ.

Влад. Ник. Княжнинъ съ большой любовью собралъ въ разныхъ петербургскихъ и московскихъ архивахъ матеріалы къ біографіи А. А. Григорьева, объединилъ ихъ своимъ редакторскимъ талантомъ, снабдилъ очень интересными историко-литературными примѣчаніями и другими приложеніями. Такимъ образомъ составилась прекрасная книга о Григорьевѣ, представляющая цѣнный вкладъ въ исторію русской литературы 50-хъ и 60-хъ годовъ. Уже одинъ краткій перечень ея содержанія дастъ представленіе объ интересѣ книги г. Княжнина для читателя. Въ книгу включены слѣдующія произведенія самого Григорьева, имѣющія отношеніе къ его жизнеописанію: Листки изъ рукописи скитающагося софиста, мои литературныя и нравственныя скитальчества, 135 писемъ Григорьева къ Гоголю, Горбунову, Достоевскому, Дружинину, Краевскому, Майкову, Погодину, С. М. Соловьеву, Страхову, Тургеневу, Фету, Шевыреву, Щербинѣ, Эдельсону и другимъ писателямъ; краткій послужной списокъ на память моимъ новымъ и старымъ друзьямъ; отрывки изъ лѣтописи духа—самая ранняя изъ извѣстныхъ рукописей Григорьева. Кромѣ того, въ книгѣ напечатаны неизвѣстныя доселѣ письма Фета, Полонскаго, Страхова, Чубинскаго, имѣющія отношеніе къ жизнеописанію Григорьева, статья г. Княжнина „А. А. Григорьевъ и Л. Я. Визардъ“—исторія первой и единственной настоящей любви Григорьева, многочисленные литературные и архивные документы къ біографіи Григорьева, хронологическая канва къ біографіи его, біблиографія о Григорьевѣ, обширныя примѣчанія ко всему тексту книги, указатель именъ. Еще даны въ видѣ приложеній къ книгѣ многочисленные снимки: портретъ Григорьева по фотографіи конца 50-хъ годовъ, нѣсколько другихъ неизданныхъ портретовъ его, портреты его литературныхъ друзей, виды мѣстностей, относящихся къ біографіи Григорьева, факсимиле автографа перевода изъ Байрона и др. Книга отпечатана, при матеріальномъ содѣйствіи Академіи Наукъ, съ немислимой въ наше время для другихъ изданій роскошью, а всѣ снимки воспроизведены въ высшей степени художественно.

С. III.

Открыта подписка на историческій журналъ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1918 годъ.

Вступая въ 1918 году въ сорокъ девятый годъ своего существованія, редакція журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Кони.**—Отзвуки великаго прошлаго.—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля.“—„Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. **А. И. Савельева.**—Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ. **В. М. Бочкарева.**—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. **В. Евгеньева.**—Неизданныя статьи (1863—64 г.г.). **И. А. Гончарова.**—„День Аксакова“. Письма **П. И. Чайковскаго** къ И. А. Мельникову. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесенія датскаго посланника Гакстаузенна о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г.—Изъ записокъ гр. А. И. Головкина.—Разказы современниковъ объ императорѣ Павлѣ I.—Дневникъ статсъ-секретаря **Гр. И. Вилламова.** **С. В. Танѣева.**—Курьезы старой Москвы. **Ф. I. Сурина.**—Мои встрѣчи съ германскими войсками внутри Россіи, наканунѣ настоящей войны. **С. М. Шницера.**—Отрывокъ изъ неизданнаго письма **Н. В. Гоголя.**—Дневникъ академика **В. П. Безобразова.** **Н. Модестова.**—Послѣдній день жизни императора Александра и его кончина въ Таганрогѣ по письму камердинера Петра Панкова къ московскому коменданту **И. П. Вревкину.** **М. С. Померанцева.**—Гр. Растрелли старшій и его челобитная. **Б. А. Модзалевскаго.**—Дневникъ А. Т. Ярославова. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія (М. Н. Альбовъ, Д. И. Тихомировъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. К. Шильдеръ, И. К. Мердери). Дневникъ **И. И. Скворцова** (Импер. Александръ II, Д. А. Милютинъ, гр. А. А. Шуваловъ, Кауфманъ, Барановъ и др.). **Н. О. Лернера.**—Изъ писемъ профессора **М. П. Розберга.** **Л. И. Созонова.**—Изъ нравовъ минувшаго. **В. И. Мерцалова.**—Мимоходомъ. **Н. И. Соловьева.**—Крестыянскіе бунты въ концѣ царствованія Александра I (по архивнымъ источникамъ). **В. В. Шереметьевскаго.**—Шествіе съ красными флагами въ XVII вѣкѣ. **Д. Фаворскаго.**—Освобожденіе духовенства отъ тѣлеснаго наказанія. **В. П.** Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.—**И. А. Бирюкова.**—Къ біографіи архимандрита Іоакима Бичурнина. **А. А. Половцовой.**—Изъ дневника мирового посредника. **В. Корша.**—Петербургскій университетъ 1868—69 г.г. **А. М. Самбургскаго.**—Изъ жизни прадѣда. **С. Н. Браиловскаго.**—А. Ф. фонъ-деръ Бринкенъ на родинѣ (изъ жизни декабриста). Письмо **фонъ-Визина** генераль-прокурору объ исходатайствованіи ему высшаго назначенія въ виду производства его въ тайные совѣтники. Чернатынскаго. Къ воспоминаніямъ о Т. Г. Шевченко. **Н. П. Модестова.** Пугачевская жалованная грамота на чинъ полковника—**Чеважевскаго.**—Е. Г. Темницына.—Дочь Потемкина и Высокой Особы. **Е. И. Налойченко.** Указъ имп. Елизаветы Петровны въ 1755 г. о бережномъ доставленіи въ Петербургъ свещ. Иванова, имѣющаго 144 чел. потомства. Императоръ Николай I по характеристикѣ его современника, эмигранта публициста **И. Г. Головина** и др.

Кромѣ того будутъ помѣщены воспоминанія участниковъ настоящей войны и восстановлены статьи, вычеркнутыя прежною цензурою.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ 28 руб., за границу—32 руб.

За полгода въ Россіи 14 руб., при условіи подписки въ конторѣ журнала.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка на 5% съ экземпляра.

Подписка принимается: Петроградъ, Фонтанка, 18.

„Русская Старина“, т. CLXXIII. Январь—Мартъ 1918 г.

1

Къ портрету Косцюшко

Редакція „Русской Старины“ прилагаетъ при настоящей книгѣ портретъ извѣстнаго польскаго патріота Косцюшко, извлеченный изъ архива незабвеннаго редактора-основателя журнала М. И. Семевскаго.

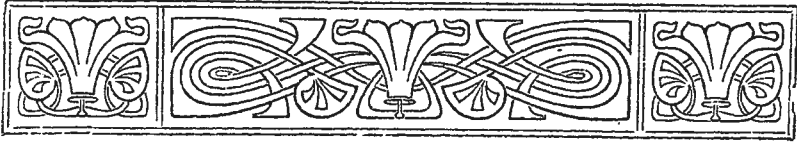
Появленіе этого портрета на страницахъ русскаго историческаго журнала особенно умѣстно теперь, при возстановленіи Польскаго государства, и долгъ русскаго гражданина пожелать нашимъ братьямъ-полякамъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ воодушевленъ такой же пламенной любовью къ своей отчизнѣ, какъ этотъ славянинъ Тадеушъ Косцюшко, и чтобы будущее строеніе жизни славянъ основывалось на полномъ единеніи всѣхъ славянъ, съ забвеніемъ всѣхъ ихъ распрей.

Не будетъ лишнимъ напомнить также, что призывъ къ объединенію всѣхъ поляковъ раздался изъ ставки русскаго верховнаго главнокомандующаго и что русскій императоръ Павелъ I освободилъ Косцюшко изъ заточенія. *Гед.*

ТАДЕУШЪ КОСЦЮШКО.

И. Г. Головинъ.

Императоръ Николай I по характеристикъ его современника,
эмигранта-публициста И. Г. Головина.

Императрица всегда имѣла благотворное вліяніе на своего супруга, умѣряя его бѣшенство и эксцессы, а потому всѣ съ трепетомъ думаютъ, что случится, если по слабости здоровья она умретъ раньше мужа и не произведетъ ли на него ея смерть то же дѣйствіе, какое произвела на Іоанна Грознаго смерть его первой жены. Не обладая выдающимися качествами, она сумѣла сохранить въ той атмосферѣ, въ которой живетъ, всѣ добрыя начала, полученныя ею при прусскомъ дворѣ ¹⁾.

Наслѣдникъ цесаревичъ, по мнѣнію близко его знающихъ, не подаетъ блестящихъ надеждъ. Впрочемъ, случается, что тѣ, на кого возлагаютъ большія надежды, не всегда ихъ оправдываютъ. Николай своимъ способомъ управленія государствомъ облегчить сыну задачу болѣе счастливаго царствованія, да и не трудно быть популярнымъ послѣ такого тяжелаго царствованія.

Но что достовѣрно, такъ это то, что у него несомнѣнно доброе сердце, что говоритъ въ его пользу.

Молодой великій князь Константинъ Николаевичъ — гордость семьи. Говорятъ, что онъ очень уменъ. На первомъ урокъ русскаго языка Плетнева, когда онъ хотѣлъ уходить,

¹⁾ Не посягая на качества императрицы—какъ жены и матери, въ чемъ Александра Федоровна безукоризненна, нельзя однако не признать ея прусскихъ и вообще германскихъ симпатій и тяготѣній ея ко всему нѣмецкому. Мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что она много способствовала въ любви къ нѣмцамъ самого Николая и ея сына Александра и нелюбви Николая I ко многимъ лучшимъ русскимъ дѣятелямъ, какъ къ Ермолову, къ братьямъ Муравьевымъ и т. д. Напомнимъ, что мать ея—извѣстная королева Луиза—была пламенная германская патриотка. *Б. Колюбакинъ.*

великій князь по собственному почину задержалъ его, сказавъ, что хочетъ еще позаняться. Однажды, подойдя къ офицеру кавалергарду, онъ спросилъ: „Скажите мнѣ пожалуйста, почему вы не каждый день носите зеленый мундиръ, вчера были въ красномъ, а сейчасъ въ бѣломъ мундирѣ“? Офицеръ принялся объяснять это переодѣваніе, но Константинъ Николаевичъ его прервалъ, замѣтивъ: „Понимаю, вы продѣлываете, какъ паяцы!“

На своемъ суднѣ, въ качествѣ адмирала, онъ посадилъ однажды подъ арестъ своего старшаго брата—наслѣдника, за что, въ свою очередь, отцомъ былъ подвергнутъ продолжительному аресту.

У великаго князя Михаила Павловича, брата государя, доброе сердце подъ грубой оболочкой; онъ имѣетъ страсть къ каламбурамъ. Говорятъ, онъ въ Польшѣ плакалъ, видя, какъ убивали русскихъ солдатъ, между тѣмъ, какъ братъ его Константинъ, потирая руки, говорилъ: „что вы думаете о моихъ полякахъ?“. Неизвѣстно, плакалъ ли Михаилъ о тѣхъ солдатахъ, которыхъ онъ погубилъ у Браилова, но утверждаютъ, что онъ не хотѣлъ носить Георгіевскаго креста, который былъ ему присужденъ за злосчастную осаду этой крѣпости. Впрочемъ, онъ величайшій въ Россіи царедворецъ. Публично, онъ всегда говорилъ съ братомъ съ явнымъ благоговѣніемъ, то держась на вытяжку, то униженно сгибая спину. Онъ безспорно наиболѣе преданный и первый слуга своего царя. Недавно, на одномъ балу, я слышалъ, какъ онъ произносилъ съ чувствомъ сожалѣнія: „Всѣ мои товарищи обогнали меня по службѣ!“. Случалось, впрочемъ, что между братьями происходили размолвки; тогда Михаилъ уѣзжалъ въ Москву или за границу, дѣлая видъ, что страшно веселится, и искалъ популярности какъ среди дворянъ, такъ и среди офицеровъ. Государь его какъ-то упрекнулъ въ томъ, что онъ якшается съ людьми низшими, на что онъ отвѣтилъ, что не ожидалъ, что братъ къ нему такъ отнесется¹⁾.

¹⁾ Великій писатель нашъ Л. Н. Толстой въ своемъ „Гаджи-Муратѣ“ далъ вѣрную характеристику Михаила Павловича, оставившаго въ исторіи блѣдную, но скорѣе хорошую память, и только его отношеніе къ образованію и воспитанію кадетъ оставляетъ желать многого. Какъ военный дѣятель — это былъ человекъ совершенно невѣжественный, не отличаясь много въ этомъ отношеніи отъ любого фельдфебеля гвардейскаго полка, а потому на занимаемыхъ имъ постахъ онъ не могъ не быть вреденъ, невольно отдавая дань своему столь тяжелому для Россіи вѣку. Но для государя онъ былъ „добрымъ и преданнымъ братомъ“, какъ говорить Л. Толстой.

Б. Колубакинъ.

Великая княгиня Елена Павловна, супруга Михаила Павловича безспорно женщина высокаго ума, чѣмъ навлекла на себя зависть императрицы, что и разрѣшилось мелкими домашними дразгами. Однажды, при возвращеніи великой княгини изъ-за границы, всѣ ея сундуки были тщательно осмотрѣны въ таможенѣ и хотя свѣжестъ ихъ немного и пострадала, но все же не помѣшала ей затмить новизной всѣ остальные при дворѣ туалеты.

Перейдемъ теперь къ министрамъ.

Какъ въ древности семь городовъ Греціи оспаривали между собою честь считаться родиной Гомера, такъ и теперь четыре страны могутъ оспаривать честь назвать графа Нессельроде своимъ подданнымъ. Онъ родился въ виду Лиссабона, на англійскомъ суднѣ, отъ нѣмецкихъ родителей, состоящихъ на службѣ Россіи. Такъ какъ на суднѣ, на которомъ родился будущій дипломатъ, не нашлось лютеранскаго священника, то пришлось его окрестить въ англиканскую вѣру. Великобританія могла бы считать его своимъ, какъ родившагося подъ ея флагомъ и такъ какъ всякое судно считается частью территоріи своей державы. Но Англія достаточно богата своими государственными людьми, а потому можетъ и уступить одного изъ нихъ Россіи, безъ особаго для себя ущерба.

Семья его родомъ изъ Вестфаліи. Нессельроды — графы Священной Римской имперіи, и потому канцлеръ всегда упорно отказывался отъ графскаго титула, предлагаемаго ему не разъ государемъ. Не такъ поступали русскіе, которые, какъ и онъ, раньше были графами Священной имперіи; такъ, ни Головинъ, ни Меншиковъ ни минуты не колебались принять титулъ своего отечества, но г-нъ Нессельроде не достаточно искаательный, чтобы сдѣлаться русскимъ, и считаетъ, что титулъ, дарованный Священной имперіей, куда выше соответствующаго русскаго титула, хотя онъ навѣрно бы поборолъ себя и принялъ бы княжескій титулъ, если бы таковой ему предложили. Теперь онъ терпѣливо выжидаетъ, получивъ въ даръ громадныя земли на югѣ и на востокѣ Россіи, гдѣ занимается разведеніемъ овецъ.

Графъ Нессельроде былъ морякомъ, кирасиромъ, офицеромъ Коннаго полка. Императоръ Павелъ, признавъ въ немъ наружность дипломата, перевелъ его на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что Павелъ не былъ физиономистомъ; сколько разъ онъ ошибался ролями и чисто по своей фантазіи обращалъ барина въ холопа и холопа въ ба-

рина. Сдѣлавшись дипломатомъ по волѣ царя, Нессельроде вышелъ въ люди благодаря женщинѣ, хотя женщина, къ которой онъ обратился, или которая сама къ нему обратилась, не блистала красотой. Пробный его ударъ вышелъ мастерскимъ; онъ игралъ навѣрняка, и условія игры были заранѣе обусловлены. Графиня Гурьева, дочь министра финансовъ, послѣ многихъ и неудачныхъ попытокъ найти себѣ подходящую партію, чему ей мѣшала некрасивая внѣшность, которую не могло искупить никакое богатство, за неимѣніемъ лучшаго, обратила свое вниманіе на Нессельроде. Приданымъ Нессельроде являлась та власть, въ которую будущая жена его обѣщала его облечь. Съ этого времени жена всегда имѣла надъ нимъ огромную власть: кто не заручится ея одобреніемъ, тотъ ничего не добьется. Чтобы угодить графинѣ, нужно потакать ея любви къ искусству; она любитъ картины, статуи, но ничѣмъ не брезгуетъ, ни копіями, ни оригиналами.

Графъ всегда отличался красивымъ почеркомъ; въ школѣ великихъ мастеровъ, въ которой ему пришлось быть, онъ выработалъ себѣ особый слогъ, сообразный своему росту, а ростъ у него ничтожный и самъ онъ очень подвижной. Онъ почти всегда при орденѣ Андрея Первозваннаго и также носить медаль за турецкую кампанію, не для того ли, чтобы льстить герою Варны? ¹⁾ У него страсть къ картамъ; говорятъ, онъ изъ-за нихъ погубилъ свою душу; впрочемъ, это не важно, такъ какъ меринсы ²⁾ его процвѣтаютъ.

Графъ Нессельроде — глава нѣмецкой партіи; двѣ трети личнаго состава министерства иностранныхъ дѣлъ состоитъ изъ нѣмцевъ: Липманъ, Остенъ-Сакенъ, Бекъ, Мольтке, Фурманъ; въ Англіи посломъ — Брунновъ, во Франціи — Паленъ, въ Пруссіи — Мейендорфъ, въ Австріи — Медемъ, въ Стокгольмѣ — Крюднеръ, въ Бернѣ — другой Крюднеръ, въ Гамбургѣ — Струве, въ Копенгагенѣ — Николаи, въ Дрезденѣ — Шредеръ, въ Тегеранѣ — другой Медемъ.

Кто-то посовѣтовалъ Нессельроде назначать за границу русскихъ. „Русскіе всегда дѣлаютъ промахи“, равнодушно сказалъ онъ.

Рѣчь шла о Кокошкинѣ, который въ самомъ дѣлѣ натворилъ въ Туринѣ промаховъ. Но какія же заслуги самого Нес-

¹⁾ Т.-е. императору Николаю I, бывшему при дѣйствующей арміи, когда войска наши взяли Варну.

²⁾ Сортъ испанскихъ овецъ, дающихъ лучшую шерсть.

сельроде? Договоръ 15-го іюля—бравата, которую всѣ осмѣяли. Мы измѣнили политику, которой неизмѣнно придерживались по отношенію къ Турціи?—„Мы теперь такъ поглощены Польшей, что намъ не до Турціи“, отвѣчаютъ русскіе дипломаты.— Наши отношенія съ Франціей испортились?—„Такова добрая воля государя“, отвѣчаютъ они, „и канцлеръ тутъ ни при чемъ“.— Наши интересы плохо поддерживаются въ Англіи?— „Мы такъ поступаемъ изъ любезности“.— Въ Пруссіи недовольны нашими распоряжками?— „Россія прежде всего. Поживемъ—увидимъ“¹⁾, отвѣчаютъ ставленники графа.

Графъ Бенкендорфъ—простоватъ²⁾, онъ такъ же добръ, какъ и ограниченъ. Онъ рисовалъ кораблики въ альбомѣ Павла I, чѣмъ выдвинулся и получилъ флигель-адъютантскіе вензеля. Бенкендорфъ былъ начальникомъ дивизіи при восшествіи на престолъ Николая, который поставилъ его во главѣ тайной полиціи, этого адскаго учрежденія, порожденнаго страхомъ и безуміемъ. Общее мнѣніе утверждаетъ, что на этомъ печальномъ посту Бенкендорфъ сдѣлалъ сколь возможно мало зла и хотя это качество и отрицательное, но все-таки немалое. Но неразумный другъ, говорятъ, хуже умнаго врага: недостатокъ ума графа погубилъ многихъ людей, которыхъ чловѣкъ болѣе проницательный не только бы спасъ, но даже и использовалъ.

Официально Бенкендорфъ занимаетъ должность шефа отдѣльнаго корпуса жандармовъ, по-просту говоря, онъ шефъ шпіоновъ. Въ каждый губернской городъ государь назначалъ жандармскаго штабъ-офицера для наблюденія какъ за администраціей, такъ и за населеніемъ. „Я въ нихъ имѣю драгоцѣннѣйшихъ людей“, сказалъ государь князю Васильчикову. „Почему же вы не дѣлаете ихъ губернаторами?“, спросилъ председатель Государственнаго Совѣта. За одно онъ могъ бы спросить, почему ихъ не назначаютъ въ Государственный Совѣтъ. Когда предателю поручаютъ слѣдить за расточителемъ, они оба входятъ въ соглашеніе и посредствомъ вымогательства увеличиваютъ свои, и безъ того немалые, безгрѣшные доходы. Наблюдатели сговариваются съ наблюдаемыми и скоро входятъ во всѣ сдѣлки съ чиновниками, которые обогащаются на счетъ обывателя“³⁾.

¹⁾ Головинъ писалъ въ 40-ые годы, а въ 1853 его пророчества вполне оправдались: при зарожденіи войны 1853—1855 г.г. Россія оказалась совершенно одинокой.

²⁾ Непереводимая игра словъ: bonhomme—простофиля, а также добрый чловѣкъ.

³⁾ Эта мѣра, прежде всего, дискредитировала губернатора и его обезличивала, и, право, проще было этихъ жандармскихъ полковниковъ и дѣлать гу-

Вотъ что между прочимъ произошло въ Новгородѣ. Новгородскій губернаторъ Суковкинъ совершилъ столько лихонствъ, что это дошло до свѣдѣнiя самого государя. Между тѣмъ преержашiя власти, въ виду родства Суковкина съ Клейнмихелемъ, который въ данное время въ большомъ фаворѣ у государя, не были освѣдомлены объ этомъ. Государь увѣдомилъ Блудова, который, въ свою очередь, сообщилъ объ этомъ Бенкендорфу. Шефъ жандармовъ немедленно сдѣлалъ строгiй выговоръ новгородскому жандармскому полковнику за то, что онъ не донесъ о злоупотребленiяхъ, совершающихся въ сферѣ его наблюденiя. Жандармскiй полковникъ былъ нѣмецъ, и не даромъ въ Россiи говорятъ, что „нѣмецъ и въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ“; онъ бросился въ ноги графинѣ Орловой, которая прiѣхала на богомолье въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей и которую молитвенное настроенiе приводило къ милосердiю. Хитрый полковникъ клялся, что его сгубило доброе сердце, такъ какъ онъ, чисто только по добротѣ сердечной, закрывалъ глаза на злоупотребленiя, творящiяся въ Новгородской губернiи. Графиня написала своему супругу, и прощенiе полковнику было обезпечено.

Въ послѣднее время у графа Бенкендорфа не было ни памяти, ни ревности къ службѣ. Онъ уже не читалъ писемъ, которыя ему писали, забывалъ важныя вещи; забывалъ людей, забылъ и людей въ ссылкѣ и въ темницахъ. Всѣмъ завѣдывалъ у него генералъ Дубельтъ, который бралъ взятки обѣими руками, за что его хотѣли нѣсколько разъ смѣнить, но такъ какъ графъ говорилъ, что въ такомъ случаѣ и онъ моментально уйдетъ со службы, то на все закрывали глаза, ожидая, что самъ графъ скоро навсегда закроетъ свои, а когда онъ умеръ, то ихъ забыли раскрыть. Всѣмъ извѣстно, что графъ Бенкендорфъ былъ директоромъ нѣсколькихъ пароходныхъ и другихъ обществъ, что приносило ему огромныя деньги, а пайщикамъ—протекцiю, болѣе или менѣе законную. Онъ не отказывался и отъ подарковъ, умѣло предложенныхъ. Г-нъ Л. за изумрудное кольцо получилъ орденъ Станислава первой сте-

---

бернаторами. Но Николай никогда бы на это не согласился. Онъ любилъ эту двойственность, не обращая вниманiя на то, что губернаторы уже были обезволены и обезличены и слѣдовательно не могли быть авторитетны и работать на благо губернiи. Чтобы удержаться на посту, надо было ладить съ жандармскимъ полковникомъ, да и этого было мало—надо было ладить и губернатору и его женѣ—и съ женой этого полковника.

Б. Колюбакинъ.

пени; брилліанты, поднесенные ему по случаю одной свадьбы, сохранили за нѣкіемъ графомъ Б.— титулъ, который у него уже сильно оспаривали. „Фамилія эта достаточно богата и могущественна, поэтому неумѣстно лишать ее титула“—сказалъ Бенкендорфъ государю, и на этомъ порѣшили. Я не буду останавливаться на этихъ пустякахъ, столь обычныхъ въ Россіи, гдѣ считаютъ уже добродѣтелью, если берутъ мало и косвеннымъ образомъ.

Графъ Бенкендорфъ умеръ на лонѣ католической религіи, въ которую перешелъ подѣ магическимъ вліяніемъ госпожи Крюденеръ, которой онъ, въ послѣднее время, посвящалъ свое состояніе, время и отдыхъ.

Онъ полюбилъ ее той старческой любовью, которая кончается со смертію, любовью совершенно платонической, несчастной и ускорившей его смерть. Его обращеніе въ католичество стало извѣстно только послѣ его смерти; оно привело въ негодованіе и Николая, и дворъ, но говорятъ, что оно послужило къ спасенію многихъ неповинныхъ католиковъ. Г-жа Крюденеръ находила, что человѣка лучшей души нѣтъ на всемъ свѣтѣ; мнѣніе ея сдѣлалось мнѣніемъ всей Россіи, и потому не буду противорѣчить, но невольно вспоминаю всѣ несправедливости, которыя графъ проявилъ въ отношеніи меня.

Графъ Орловъ, замѣнившій графа Бенкендорфа,—одинъ изъ близкихъ къ Николаю людей; своей карьерой онъ обязанъ 14-му декабрю. Командуя Коннымъ полкомъ, расположеннымъ вблизи дворца, онъ первымъ, во главѣ полка, явился на Исаакіевскую площадь. Съ той поры на графа Орлова посыпались милости и ласки. Однажды фавориту пришла фантазія обидѣться на то, что Николай похлопалъ его по животу; онъ сталъ говорить, что старъ и нуждается въ отдыхѣ. „Зачѣмъ же дѣло стало? уѣзжай, куда хочешь“, былъ отвѣтъ государя. Орловъ всполошился, удвоилъ рвеніе и предупредительность по отношенію государя, который скоро и забылъ этотъ инцидентъ, что не помѣшало ему, впрочемъ, при случаѣ такъ выразиться: „Для меня только Чернышевъ незамѣнимъ“. Когда Орловъ былъ назначенъ министромъ полиціи, онъ глубокомысленно замѣтилъ: „не понимаю пользы всего это учрежденія?“ Хорошо, если бы онъ могъ когда-нибудь постичь всю его бесполезность и посодѣйствовать его уничтоженію.

Военный министръ Чернышевъ обязанъ своей карьерой умѣнію, съ которымъ онъ использовалъ въ 1811 г. французскіе архивы, и тѣмъ, что добылъ планы и проекты кампаніи 1812 г.

Извѣстно, что онъ занялъ съ казаками въ 1813 году Кассель и съ тѣхъ поръ онъ только и говоритъ: „когда я бралъ Кассель!“...¹⁾).

При восшествіи на престолъ Николая онъ проявилъ жестокую энергію въ преслѣдованіи заговорщиковъ. Одинъ офицеръ, неправильно обвиненный, отстаивая свою правоту, вышелъ изъ себя и нагрубилъ Чернышеву, за что съ нимъ было поступлено строже, чѣмъ съ виновными. Онъ лично привелъ въ исполненіе приговоръ надъ графомъ Чернышевымъ съ цѣлью овладѣть его имѣніями. Государь лично представилъ его матери осужденнаго графа, стараясь, чтобы она его усыновила, но почтенная женщина заявила, что готова его принимать какъ генераль-адъютанта его величества, но за родственника не можетъ считать. Тогда дѣло было перенесено въ Государственный Совѣтъ и такъ какъ докладчикъ не могъ найти подходящей статьи закона, которая могла бы оформить переходъ имѣній графа Чернышева къ генералу Чернышеву, благородный и остроумнѣйшій членъ Совѣта ²⁾ сказалъ: „хорошенько поищите, статья должна найтись“, и такъ какъ докладчикъ отстаивалъ свое мнѣніе, то графъ Мордвиновъ прибавилъ: „существуетъ законъ, по которому имущество казненнаго переходитъ къ палачу“, намекая на англійскій законъ, въ силу котораго палачъ получаетъ въ собственность сапоги повѣшеннаго.

Обманувшись въ своихъ расчетахъ, графъ въ женитбѣ искалъ утѣшенія; три раза подрядъ онъ былъ женатъ, и всѣ жены его обогатили. Графскій титулъ его не миновалъ и въплсѣдствіи былъ замѣненъ княжескимъ.

Изъ всѣхъ государственныхъ людей Россіи этого времени только одинъ графъ Канкринъ обладалъ научными познаніями, хотя немного и отсталыми по тому отдѣлу, которымъ онъ вѣдалъ. Онъ былъ прекраснымъ бухгалтеромъ, но химія, ме-

¹⁾ Чернышевъ на фонѣ приближенныхъ Николая I-го рѣзко выдѣлялся своими пороками. Это была по истинѣ темная и мрачная личность, игравшая большую роль при Николаѣ и слишкомъ къ нему подходившая, чтобы онъ съ ней разстался. Человѣкъ очень ловкій и смѣлый, онъ выкинулъ въ Парижѣ, подъ носомъ Наполеона I-го, штуку, которая сдѣлала его извѣстнымъ и открыла ему дорогу. Но эта кража документовъ (составъ арміи Наполеона въ 1812 г.) доказала въ немъ только качества ловкаго сыщика и шпіона, но не военнаго и государственнаго дѣятеля. Подвиги его въ 1812—1813 г. и 1814 г.—были подвигами казаковъ его отряда, но онъ ловко и цинично все приписывалъ себѣ. Оставивъ государю заботу о формахъ, онъ, будучи военнымъ министрмъ, занялся подрядами, это было выгодноѣ. *Б. Колюбакинъ.*

²⁾ Какъ извѣстно, это былъ графъ Мордвиновъ.

ханика, технология были для него совершенно неизвѣстны. Чувство долга однако у него преобладало надъ нѣмецкой національностью; Россіи онъ дѣйствительно желалъ добра, но личныхъ дѣлъ не забывалъ и, благодаря своему посту, могъ ихъ вести удачнѣе, чѣмъ кто-либо. Кольберу ставили въ упрекъ его состояніе; Канкрину дѣлають тотъ же упрекъ, хотя состояніе тратится не имъ лично, а его дѣтьми. Онъ имѣлъ 400.000 годового дохода. „Мои дѣти сумѣють все прожить“, говорилъ онъ.

Онъ былъ горячимъ сторонникомъ запретительнаго режима и въ то же время и промышленной системы; но лихорадочное развитіе, данное имъ фабрикамъ, не окупаетъ всѣхъ мытарствъ, претерпѣваемыхъ земледѣльцемъ, которому онъ отказалъ въ своей поддержкѣ. Русскій человекъ не сдѣлалъ бы подобной ошибки, понимая, что Россія, прежде всего, страна земледѣльческая. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ засталъ врасплохъ научныя познанія министра. Въ своихъ распоряженіяхъ о монетахъ онъ шелъ ощупью, впотымахъ, часто жестоко ошибался, но иногда случалось, что онъ дѣйствовалъ и правильно. Онъ всегда противился расточительности государя съ настойчивостью, которую государь называлъ упрямствомъ, не рѣшаясь, впрочемъ, ее слишкомъ насиловать.

Мазарини оказалъ большую услугу Людовику XIV-му, давъ ему Кольбера; графъ Канкринъ, передавая свой постъ Бронченкѣ, оказалъ Россіи довольно таки плохую услугу.

Графъ Клейнмихель, получившій титулъ по милости Николая, какъ впрочемъ почти всѣ графы и князья, его окружающіе, одна изъ креатуръ графа Аракчеева и, нужно сказать, креатура неблагодарная къ своему бывшему начальнику; онъ первый повернулъ ему спину, когда государь его покинулъ, а потому, когда къ Аракчееву обратились за справками о его бывшемъ адъютантѣ, онъ отвѣтилъ, что не знаетъ его. Но такъ какъ до слуга Аракчеева доходили жалобы на дѣятельность Клейнмихеля, онъ сказалъ: „зачѣмъ вы жалуетесь, я вамъ уступлю своего Петрушку“. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ субъектъ гигантскими шагами идетъ по его стопамъ, столько же въ милости у своего повелителя, сколько въ народной ненависти. Рассказываютъ что Михаилъ Павловичъ сказалъ начальнику путей сообщенія, Клейнмихелю, послѣ того какъ тотъ велѣлъ высѣчь кадетъ и отправить ихъ простыми рядовыми на Кавказъ: „Вы запятнали царствованіе моего брата“. Впервые дворянство громко протестовало; матери возмутились

и взяли обратно своихъ сыновей изъ корпуса. Съ Николаемъ этого человѣка связываетъ не столько общность вкусовъ и характеровъ, сколько то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они взаимно должны оберегать другъ друга: государю приходится оберегать того, кто заботится о его любовницахъ ¹⁾).

Во всей Россійской имперіи нѣтъ чиновника, который былъ бы грубѣе графа Клейнмихеля, а это уже много значитъ, такъ какъ есть много людей, которые именно кичатся своей грубостью ²⁾).

Барварская перестройка Зимняго дворца послужила основаніемъ богатства графа; потолокъ Георгіевскаго зала, обрушившись, все-таки не сокрушилъ этого богатства. „Не тревожься“, сказалъ ему государь, „я одинъ виновень, такъ какъ слишкомъ торопился“. Но такъ какъ у стоявшаго тутъ же рядомъ и смотрѣвшаго на потолокъ полковника изъ-за галстука чуть-чуть открылась шея съ признаками какъ будто не сбритыхъ волосъ, то государь и обрушился на него, сорвавъ на немъ весь запасъ своего гнѣва. Предшественниками графа Клейнмихеля на посту начальника путей сообщенія были Толь и Бетанкуръ, люди хорошіе, талантливые, пользовавшіеся въ обществѣ большимъ уваженіемъ, но они не сумѣли заставить правительство принять ихъ проекты, такъ какъ правительство всегда щедро только для себя и очень скупое для общественныхъ нуждъ. Понимая, что съ восемью милліонами невозможно покрыть Россію сѣтью хорошихъ дорогъ, Бетанкуръ обратилъ всѣ свои заботы на ввѣренный ему кадетскій корпусъ, давъ ему организацію по образцу французской „Ecole polytechnique“; но, къ сожалѣнію, и тутъ нѣмецкій духъ взялъ перевѣсъ надъ французскимъ: принцъ Виртембергскій, вступившій въ управленіе дѣлами послѣ Бетанкура, все повернулъ на старій (въ духѣ муштровки) ладъ. Графъ Толь въ 1829—1830 г. былъ выдающимся начальникомъ штаба у Дибича, какъ въ Турецкой, такъ и въ Польской кампаніяхъ ³⁾).

¹⁾ О слабости Николая I-го къ Клейнмихелю и о причинѣ этой слабости много свидѣтельствуетъ сенаторъ Фишеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, печатавшихся въ „Историч. Вѣстникѣ“.

²⁾ Грубости графъ Клейнмихель болѣе всего выучился все же у Аракчеева, управляя штабомъ военныхъ поселеній, гдѣ грубость была возведена въ своего рода культъ.

³⁾ Карлъ Федоровичъ Толь, крупный дѣятель въ 1812—1813 и 1814 годахъ, извѣстенъ съ похода Суворова въ 1799 въ Изами и Аустерлицкаго сраженія, гдѣ онъ оказалъ личную услугу государю Александру I-му, котораго

Министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ состоитъ въ оппозиціи; онъ либераль и сторонникъ реформъ; но оппозиція его, собственно говоря, не настоящая, либерализмъ только пустой звукъ, а реформы не имѣютъ даже плана: Киселева считаютъ опаснѣйшимъ врагомъ государя, такъ какъ извѣстно, что предлагаемая имъ мѣропріятія неизбѣжно возбуждаютъ недовольство, ведя, яко бы, къ революціи. Умѣренный либераль, не имѣющій мужества стать въ открытую оппозицію, заурядный государственный дѣятель, находящійся подъ давленіемъ противоположныхъ принциповъ, онъ не можетъ идти по строго опредѣленному пути. вмѣсто того, чтобы видѣть въ его неудачныхъ мѣропріятіяхъ извѣстную революціонную подкладку, не проще ли предполагать, что они созданы злой волей его агентовъ? Киселевъ сторонникъ уничтоженія крѣпостного права, что дѣлаетъ ему большую честь; но партія закоренѣлыхъ крѣпостниковъ на это возражаетъ, что у него самого нѣтъ крѣпостныхъ, хотя, казалось бы, что его антагонисты, именно въ силу своихъ огромныхъ имѣній, должны были быть болѣе безкорыстны.

Министръ народнаго просвѣщенія еще не графъ, но скоро будетъ имъ; ему нельзя отказать ни въ знаніяхъ, ни въ умѣ, но сердцемъ онъ не можетъ похвастаться. Самолюбіе и чванство его могутъ быть приравнены къ зависти, съ которой онъ относится ко всѣмъ, кто подвигается быстрѣе его по службѣ. „Я и государь, мы рѣшили“, говоритъ онъ на каждомъ шагѣ и, спохватившись, прибавляетъ: „Государь и я, мы думали“. Націонализмъ и самодержавіе—вотъ девизъ его управленія. Насколько онъ преданъ теперь абсолютизму, настолько онъ раньше былъ преданъ либерализму; можно сказать, даже больше ¹⁾. Уваровъ слишкомъ хорошій филологъ, чтобы имѣть назначеніе въ другихъ отрасляхъ науки, что не мѣшаетъ ему,

---

онъ благополучно вывелъ съ поля сраженія, случайно встрѣтивъ его въ безпомощномъ положеніи. Въ 1812 г., въ чинѣ полковникъ и въ обязанностяхъ начальника штаба у Кутузова, Толь игралъ первенствующую роль, будучи предметомъ недовольствія и Барклая, и Беннигсена.

Послѣ войны 1830—31 г.г. Толь, рѣзко выдѣлявшійся своими знаніями и опытомъ въ военномъ дѣлѣ, не получилъ у Николая никакого хода и оставался какъ бы въ сторонѣ.

Б. Коллюбакинъ.

¹⁾ Уваровъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ харьковскимъ епископомъ Иннокентіемъ (Борисовымъ) приказалъ сжечь диссертацию Костомарова, „О значеніи уни въ западной Россіи“. Литература объ Уваровѣ большая, и особенно характерно мнѣніе историка Соловьева въ его извѣстныхъ Запискахъ.

Б. Коллюбакинъ.

впрочемъ, властно диктовать свои законы какъ медицинѣ, такъ и юриспруденціи. „Напрасно вы хотите читать лекціи по политической экономіи“, говорилъ онъ Ч - - у, „политическая экономія въ сущности не наука; вы бы лучше взялись за исторію“. Нужно все-таки признать, что время управленія министерствомъ Уварова было полезно для народнаго просвѣщенія и, въ особенности, для высшаго образованія.

Впрочемъ, когда министерство получаетъ послѣ Шишкова, то задача дѣлается легкой. Вотъ, что мы читаемъ въ мемуарахъ Шишкова: „Онъ уѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ I. Государь вышелъ изъ экипажа и отошелъ въ сторону. Шишковъ остался одинъ и сталъ смотрѣть на небо; вдругъ онъ замѣтилъ два облака, изъ которыхъ одно имѣло очертанія дракона, какимъ его изображаютъ на бумагѣ, а другое походило на рака. Оба облака стали наступать другъ на друга и вступили въ ожесточенную борьбу; драконъ былъ уничтоженъ. Министръ увидалъ въ этомъ предсказаніе для войны, которая только-что началась (дѣло происходило въ 1812-мъ году); но изъ двухъ воюющихъ сторонъ, которая должна была быть 'ракомъ'? „Очевидно Россія“, повѣствуетъ онъ, „такъ какъ оба слова начинаются на букву р“.

Министръ двора, князь Волконскій, былъ и другомъ и козломъ отпущенія императора Александра, который подъ видомъ фамильярности просто-на-просто третировалъ его. Однажды государю подали невкусный чай, и онъ заставилъ князя выпить цѣлый самоваръ этого чая. Въ другой разъ князь Волконскій съ презрѣніемъ отозвался о польскихъ дамахъ, за что получилъ пощечину отъ рыцаря Александра, увлекавшагося въ то время г-жой Нарышкиной, рожденной княжной Четвертинской. Въ Парижѣ, въ 1814-мъ году, въ самый моментъ отъѣзда, онъ обругалъ князя, какъ простаго конюха за то, что экипажъ былъ дурно запряженъ ¹⁾.

¹⁾ Помимо анекдотической стороны, которая могла быть выдумана, характеристика отношеній Александра къ благородному и знающему свзе спеціальное (службу Генеральнаго Штаба) дѣло, справедлива. Александръ не могъ не признавать достоинствъ Волконскаго и дорожилъ имъ, совмѣщая его близъ себя одновременно съ Аракчеевымъ, представлявшимъ полный антиподъ Волконскаго. Въ сложной и двойственной душѣ Александра совмѣщались и не такія крайности, и сопоставимъ еще напримѣръ Лагарпа и Аракчеева или Балашева, или Строгановъ, Новосильцевъ и Кочубей и тѣ же Аракчевъ и Балашевъ.

Б. Колубакинъ.

Слѣдующій анекдотъ дастъ понятіе объ управленіи министерствомъ княземъ Волконскимъ въ частности и объ общемъ управленіи Россіи. Изъ шкатулки съ драгоценностями исчезло кольцо. У солдата, стоявшаго на часахъ, спросили, не входилъ ли кто-нибудь въ ту комнату, гдѣ находилась шкатулка, и можетъ ли онъ узнать входившаго человѣка. Получивъ утвердительный отвѣтъ, часового стали водить по министерству; онъ скоро указалъ на одного служащаго, который якобы входилъ въ комнату. Князь Волконскій ударилъ несчастнаго, прогналъ со службы и велѣлъ выдать ему свидѣтельство, въ которомъ было сказано, что его уволили за подозрѣніе въ кражѣ. Карьера молодого человѣка была навсегда погублена, и онъ и семья его были на вѣки обезчещены. Къ счастью, отецъ молодого человѣка, отставной генералъ, былъ человѣкъ съ характеромъ и съ принципами. Онъ немедленно написалъ письмо государю, въ которомъ онъ говорилъ, что, не имѣя доказательствъ о виновности сына, онъ не знаетъ, какъ съ нимъ поступить: прогнать ли его съ глазъ долой или горячо прижать къ сердцу, поэтому онъ проситъ государя, не какъ царя, а какъ отца назначить слѣдствіе по этому дѣлу. Генералъ надѣлъ мундиръ и во время смѣны караула лично подалъ Николаю свое письмо. Только послѣ этого выяснилось, что кольцо было украдено однимъ изъ швейцаровъ дворца. Государь велѣлъ опредѣлить молодого человѣка на службу опять въ свою канцелярію, но князь Волконскій сохранилъ свой постъ. Слѣдующій фактъ еще разъ докажетъ, насколько въ Россіи министры нелицеприятны ¹⁾).

Торговецъ персидскими шалими былъ вытребованъ къ императрицѣ во время одного изъ ея пребываній въ Москвѣ.

Императрица выбрала двѣ шали, спросила объ ихъ цѣнѣ и велѣла ихъ купить. Шали были взяты, но купецъ съ трудомъ получилъ часть своихъ денегъ, такъ какъ пришлось согласиться на скидку. Ювелиру Р... тоже пришлось понести убытки, благодаря министру двора.

¹⁾ Здѣсь трудно понять Головина. Вѣдь ошибки свойственны людямъ, и ошибиться могъ и Волконскій, повѣривъ показаніямъ часового солдата. Во всякомъ случаѣ кн. Волконскій одинъ изъ лучшихъ людей своего времени и за нимъ много заслугъ по такъ называемой свитѣ Его Величества, по квартирмейстерской части (Генеральный Штабъ), которую онъ ревниво охранялъ отъ посягательствъ Аракчсева. Помѣщеніе нынѣ Главнаго Штаба въ занимаемомъ имъ зданіи обязано настойчивостью Волконскаго, положившаго основаніе и бібліотекѣ Главнаго Штаба.

Б. Колубакинъ.

Перовскій займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской администраціи; онъ не въ примѣръ своимъ предшественникамъ отличался работоспособностью и стремленіемъ къ добру. Его вступленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ ознаменовалось прекрасными начинаніями. Онъ ополчился на губернаторовъ и многихъ удачно смѣнилъ. Онъ вступилъ въ единоборство съ постыдной петербургской полиціей, но подъ давленіемъ протекціи государя ему пришлось отступить, что въ петербургскомъ обществѣ дало поводъ называть полиціеймейстера Кокошкина *sache-coquin*¹⁾. Агенты министерства обнаружили существованіе въ Петербургѣ шайки воровъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Перовскій требовалъ смѣщенія Кокошкина, но государь ограничился только выговоромъ Кокошкину и отвѣтилъ министру, что только благодаря оберъ-полиціеймейстеру онъ двадцать лѣтъ можетъ спокойно спать. Преступники понесли должныя наказанія; но нашлись интриганы, которые сумѣли внушить государю, что пострадали невинные, чѣмъ сильно подорвали довѣріе къ Перовскому, а также и его энергію.

Изъ всѣхъ назначеній Николая по министерству внутреннихъ дѣлъ — выборъ Перовскаго былъ самымъ удачнымъ. Ланской былъ ничтожество. Закревскій — ограниченнымъ чело-вѣкомъ, который во время холеры въ Москвѣ отдалъ распоряженіе о томъ, чтобы окуривали цыбики съ чаемъ. Ночью его подчиненныхъ будили, доставляя экстренные приказы, въ которыхъ предписывался новый способъ вытиранія перьевъ. Его замѣститель Блудовъ былъ честнымъ и умнымъ министромъ, но безъ системы и энергіи. Кромѣ того, его упрекаютъ въ томъ, что онъ выказалъ излишнюю жестокость при редактированіи отчета комитета, на который было возложено дознаніе о заговорѣ мятежниковъ 1825-го года; работа эта послужила основаніемъ его карьеры. Впослѣдствіи онъ замѣнилъ графа Сперанскаго въ редактированіи свода законовъ; но онъ, конечно, не могъ пополнить пробѣла, внесеннаго смертью этого достойнаго человѣка, единственнаго въ Россіи ученаго законовѣда.

Графа Строганова, назначеннаго на мѣсто Блудова, считали выдающимся по уму чело-вѣкомъ, но онъ оказался ничтоже-

¹⁾ Непереводаемая игра словъ: *sache-coquin* — укрыватель мошенниковъ. По имени этого оберъ-полиціеймейстера называется мостъ близъ Сѣнной. Кокошкинъ положилъ основаніе многимъ злоупотребленіямъ петербургской полиціи и, вѣроятно, его дѣятельность когда-нибудь станетъ достояніемъ печати.

Б. Колубакинъ.

ствомъ. Еще раньше, въ бытность свою харьковскимъ генераль-губернаторомъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, которые прошли незамѣченными, только благодаря протекціи Блудова. Однажды государь указалъ ему на одну изъ улицъ Харькова, сказавъ, что хорошо было бы, если бы она исчезла. Графъ Строгановъ немедленно распорядился о томъ, чтобы на каждомъ домѣ этой улицы вывѣсили объявленіе, въ которомъ было бы указано, къ какому времени домъ долженъ быть снесенъ, или замѣненъ другимъ. Ни жалобы, ни слезы — ничто не помогло, и его распоряженія были буквально исполнены. Слѣдуетъ упомянуть инцидентъ, изъ-за котораго собственно и ушелъ графъ Строгановъ. Нѣкій отставной гвардейскій офицеръ попросилъ великаго князя Михаила Павловича оказать ему свое содѣйствіе для полученія мѣста городничаго. Его Высочество далъ ему рекомендательное письмо къ графу Строганову, который, наведя справку въ своемъ министерствѣ, сказалъ, что у него нѣтъ свободной ваканси. Но офицеръ надежды не потерялъ и обратился къ начальнику канцеляріи, который сказалъ, что за 5.000 рублей найдется подходящее мѣсто. Офицеръ сообщилъ великому князю о результатѣ своего ходатайства, и Его Высочество велѣлъ выдать ему пять тысячъ изъ своихъ собственныхъ денегъ. Великій князь, встрѣтивъ въ тотъ же вечеръ во дворцѣ графа Строганова, рассказалъ ему, при какихъ условіяхъ онъ сталъ его кредиторомъ, а затѣмъ онъ доложилъ государю о случившемся. Его Величество по этому поводу сказалъ, что предпочитаетъ имѣть на своей службѣ людей, которые сами крадутъ, чѣмъ людей, которые позволяютъ себя обкрадывать, не замѣчая того. Государь, видимо, охладѣлъ къ своему министру, который сталъ просить о 4-хъ-мѣсячномъ отпускѣ. — „Пусть беретъ хоть четырехъ-лѣтній отпускъ“, сказалъ государь. Строгановъ сталъ тогда просить о назначеніи его посломъ въ Вѣну, на что Николай отвѣтилъ, что онъ пословъ назначаетъ по самоличному выбору. Строгановъ не старался вникнуть въ смыслъ отказа, достаточно вѣжливаго и остроумнаго, и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ усердно посѣщалъ всевозможные курсы: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Морской министръ князь Меншиковъ, безспорно, и остроумень и богатъ, но не отличается ни глубиной, ни независимостью взглядовъ. Онъ способенъ часами дожидаться графа Клейнмихеля, для того только, чтобы посовѣтоваться о томъ, какую форму назначить морякамъ на слѣдующій день. Графъ

компетентенъ по этой части, и извѣстно, что это слабая струнка государя, и такъ какъ злой языкъ доставилъ Меншикову много враговъ, то немудрено, что онъ ищетъ поддержки у людей сильныхъ міра сего. Графъ Нессельроде — одинъ изъ его главнѣйшихъ антагонистовъ¹⁾.

Графъ Панинъ былъ слишкомъ хорошимъ дипломатомъ, чтобы быть хорошимъ министромъ юстиціи, но если генераль Протасовъ—оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, почему же графу Панину не засѣдать въ Сенатѣ? тѣмъ болѣе, что ни въ способностяхъ, ни въ рвеніи къ труду ему нельзя отказать, а его предшественникъ господинъ Дашковъ этими качествами не обладалъ и старался только о томъ, чтобы не утруждать государя.

Князь Васильчиковъ, получившій княжескій титулъ отъ Николая, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, полный генераль—человѣкъ съ благими намѣреніями, но имѣетъ слабое вліяніе на государя, который, впрочемъ, ни отъ кого не принимаетъ совѣтовъ. „Я царствую уже 15 лѣтъ и мнѣ слишкомъ поздно учиться управлять государствомъ“, сказала однажды Николай Васильчикову, когда тотъ просилъ объ измѣненіи одного постановленія, жестокаго и несправедливаго.

Графъ Новосильцевъ, бывшій одно время попечителемъ Виленскаго округа, оставилъ послѣ себя печальную память: чтобы выслужиться, онъ не боялся губить невинныхъ и провоцировалъ заговоры, которые потомъ самъ же со славой подавлялъ. Графъ Паскевичъ Эриванскій, князь Варшавскій, благодаря своимъ неоспоримымъ великимъ талантамъ, сталъ извѣстенъ всей Европѣ. Его персидская кампанія—превосходная, а кампанія, которую онъ велъ въ Азіатской Турціи, можетъ служить лишь строгой критикой кампаніи, веденной по эту сторону Босфора; нужно, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что въ этихъ двухъ случаяхъ онъ имѣлъ дѣло съ войсками неподготовленными. Конечно, ему страшно везло въ его удачныхъ операціяхъ, но, какъ говорилъ Суворовъ, котораго также упрекали въ томъ, что ему только везетъ,—„должны же быть

¹⁾ Князя Меншикова Головинъ, видимо, пощадилъ, и со времени Головина (40-е годы) на Меншикова возлагали надежды, которыхъ онъ въ 1853 и 1854 гг. далеко не оправдалъ. Ему нельзя отказать въ умѣ и знаніяхъ, но было что-то въ немъ, что дѣлало его, какъ и многихъ другихъ дѣятелей царствованія Николая, совершенно непригоднымъ къ тому дѣлу, во главѣ котораго онъ стоялъ. Трудно болѣе провиниться, какъ провинился „Меншиковъ—нашъ адмиралъ“ въ крымскую кампанію 1854—55 гг.

Б. Колубакинъ.

и заслуги въ послѣдовательныхъ побѣдахъ“. Пришлось прибѣгнуть къ Паскевичу для окончанія польской кампаніи. Ошибки, сдѣланныя поляками, слишкомъ очевидны, но онѣ отнюдь не умаляютъ заслугъ Паскевича, который сумѣлъ исправить и свои ошибки. Сдѣлавшись намѣстникомъ Польши, онъ сумѣлъ на этомъ посту умѣрять жестокости своего властелина ¹⁾).

Ермоловъ — одинъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ. Онъ составилъ планъ Бородинскаго и Кульмскаго сраженій, столь прославившихъ русскія войска. Оттого ли что у него были нелады съ Николаемъ уже въ Парижѣ, въ 1814-мъ году, на парадѣ, которымъ онъ командовалъ, онъ осадилъ великаго князя, вмѣшивавшагося въ его распоряженія, твердо сказавъ ему: „Вы еще достаточно молоды, чтобы учиться, и недостаточно стары, чтобы учить другихъ“. Оттого ли, что войска не его корпуса съ достаточной поспѣшностью присягнули Николаю, или оттого, наконецъ, что послѣ мятежа 1825-го года нѣмецкая партія взяла верхъ надъ русской партіей, во главѣ которой стоялъ Ермоловъ, — но доблестный генералъ попалъ въ опалу. Сначала Паскевичъ былъ посланъ съ одинаковыми съ Ермоловымъ правами, чтобы наблюдать за нимъ. Ермоловъ, желая его погубить (?), послалъ его съ одной дивизіею противъ корпуса Абасъ-Мирзы, слѣдуя за нимъ съ главными силами, чтобы въ случаѣ неудачи своего помощника имѣть возможность исправить ошибку, но не тутъ-то было. Паскевичъ разбилъ персовъ наголо, а Ермоловъ былъ отозванъ ²⁾). Москва съ восторгомъ приняла его, но тутъ у него не хватило такту:

¹⁾ Паскевича Головинъ склоненъ почти восхвалять, въ чемъ мы съ нимъ радикально несогласны. Здѣсь Головинъ является тѣмъ русскимъ обывателемъ, котораго ловко ослѣпилъ бездарный Паскевичъ, отличавшійся еще и многими другими недостатками. Объ обоихъ (Паскевичъ и Дибичъ, Иванъ Федоровичъ и Иванъ Ивановичъ) Ермоловъ, когда они оба шли въ гору, говорилъ: „ну, на Ванькахъ далеко не уѣдешь!“. Особенно не заслуживаетъ похвалы Паскевичъ, котораго тотъ же Ермоловъ величалъ графомъ Іерихонскимъ, намекая на легкость взятія шутовской крѣпости Эривани, которую Паскевичъ въ донесеніяхъ Николаю величалъ „грозной твердыней“.

Б. Коллюбакинъ.

²⁾ Глубокая неправда со стороны Головина, который всю эту исторію, повидимому, слышалъ отъ невѣжды и главное отъ нѣмцевъ, враговъ Ермолова. Ермоловъ послалъ Паскевича со всѣми тѣми войсками, которыя онъ съ великимъ трудомъ отовсюду собралъ, а чтобы бездарный и нерѣшительный Паскевичъ не проигралъ и не потерялся, онъ придалъ ему своего начальника штаба, лучшаго генерала на Кавказѣ да, вѣрнѣе, и въ Россіи, знаменитаго Александра Александровича Вельяминова, пользовавшагося ог-

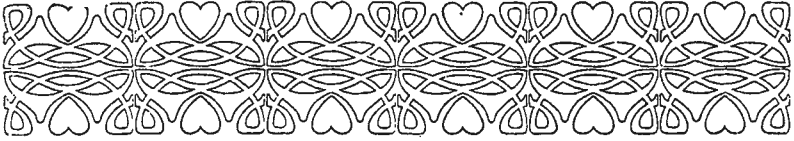
онъ снова облекся въ мундиръ и сразу лишился популярности. Отважный, даровитый, исполненный чувствомъ національности, сдѣлавшійся либеральнымъ вслѣдствіе своего недовольствія въ такой же степени, въ какой раньше былъ деспотиченъ въ своемъ управленіи — Ермоловъ является живымъ укоромъ для государя. Когда былъ воздвигнутъ Кульмскій памятникъ, угрызения совѣсти заставили государя пожаловать ему орденъ Андрея Первозваннаго.

Сообщилъ **Б. Колюбакинъ.**

ромнымъ довѣріемъ войскъ. Этотъ-то Вельяминовъ въ сраженіи подъ Елизаветполемъ и принялъ на себя командованіе, когда растерявшійся Паскевичъ отдалъ приказаніе объ отступленіи. Ермоловскія войска дали славу Паскевичу,—такова была воля Николая I-го прославить ничтожнаго Паскевича и унижить великаго Ермолова. Но гласъ народа почувствовалъ неправду своего монарха, а неумолимая исторія пролила истинный свѣтъ на эти событія на Кавказѣ въ началѣ царствованія Николая I-го. Головинъ въ 40-ые годы да еще за границей, конечно, мало было извѣстно правды о Ермоловѣ и Паскевичѣ.

Б. Колюбакинъ.

Обзоръ Записокъ графа Матвѣва и вновь открытыхъ вариантовъ ихъ о стрѣльцкомъ полковникѣ Сухаревѣ.

Въ началѣ своего изслѣдованія ¹⁾ авторъ дѣлаетъ обзоръ вариантовъ записокъ графа Матвѣва, опредѣляетъ время ихъ появленія въ свѣтъ сравнительно съ другими источниками, разбираетъ участіе Софьи въ заговоръ противъ Петра и описываетъ опозореніе трупа Милославскаго. *Ред.*

Въ жизнеописаніи Артамона Матвѣва читаемъ, что трупъ Милославскаго, указомъ царскимъ, изъ трапезы святыи церкви Николая, зовомой у Столпа, на Покровкѣ, выкопанъ и въ Преображенскій Приказъ, на саянхъ отъ чуцкихъ свиней „везень... голова его и всѣ члены раздроблены, и палачевскими руками подъ дыбами всѣхъ застѣнковъ въ Москвѣ донинѣ раздробленныя находятся²⁾“. По Матвѣву, трупъ Милославскаго, привезенный свиньями, былъ разрубленъ на части топорами, и „во многихъ застѣнкахъ, подъ дыбами, онѣ были закопаны на вѣчную память его кровопролитія“. На жестяномъ листѣ, прибитомъ къ каменному столпу, гдѣ казнь происходила, начертано, что „Цыклеръ съ товарищами по розыску казнены смертью, а воровство ихъ, измѣна и крестопреступство явились въ нынѣшнемъ же 205 (т. е. 7205) году, февраля 29 дня“ ³⁾.

Объективное изображеніе издѣвательства надъ трупомъ Милославскаго навело Аристову на предположеніе объ омер-

¹⁾ „Русская Старина“ январь—мартъ 1918 г.

²⁾ Ср. Голникова: Дѣянія Петра Вел. т. I, 285—286. Perry: Staat von Russland, 224.

³⁾ Туманскій, т. V, 289.

„Русская Старина“, т. CLXXIV. Апрель—Іюнь 1918 г.

зительномъ издѣвательствѣ самого Матвѣева, въ Запискахъ, надъ мертвецомъ, но едва-ли можно поставить Матвѣеву въ укоръ основанное на „вѣрномъ свидѣтельствѣ присутствовавшихъ при томъ зѣло ужасномъ и преестественномъ позорищѣ многихъ знатныхъ особъ“, описаніе обнаруженнаго при вскрытіи гроба. Ничего нѣтъ омерзительнаго и во взглядѣ Матвѣева на экзекуцію: „Понеже онъ, Милославскій, всегда всякого любочестія и властолюбія исполненъ и великимъ желателемъ всякого всемъ зла снабденъ былъ, того ради равною мѣрою себѣ честь и пристойное награжденіе получилъ“... (Мой сп. 1753 г.). Вообще Аристовъ въ обзорѣ сочиненій о стрѣлецкихъ бунтахъ старался ошельмовать графа Матвѣева и подорвать къ нему довѣріе читателей, какъ къ человѣку неблагонадежному, склонному ко лжи. По словамъ Аристова, „Матвѣевъ имѣлъ цѣлью отомстить умершимъ врагамъ своимъ за смерть родителя. Тайная мысль руководила его перомъ—прославить своего отца и всѣхъ приверженцевъ Петра... Онъ пристрастно судилъ о Софѣ, которой нанесъ жестокой ударъ, считая ее виновницей всѣхъ бѣдъ, постигшихъ его лично и его отца“. Но тщетно Аристовъ утверждалъ, что „бывшая правительница ни въ чемъ не была виновна“¹⁾, и питалъ надежду, что „судъ исторіи оправдаетъ Софью отъ ложныхъ обвиненій и сниметъ съ ея памяти тяжелую клевету“. Записки Матвѣева, Желябужскаго, Крекшина, слѣдственные производства о Цыкверѣ и Шакловиномъ съ товарищами, свидѣтельства иностранныхъ резидентовъ и самого Петра, весь образъ дѣйствій Софьи, направленный къ захвату верховной власти²⁾, не внушаютъ сочувствія къ воплямъ Аристова. Напрасно ополчаясь на Матвѣева, онъ привлекаетъ Корба въ свидѣтели. Корбъ, на глазахъ котораго происходили казни бунтовщиковъ, видѣвшій трехъ стрѣльцовъ повѣшенными предъ окнами Софійской кельи въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, передаетъ народную молву, опровергающую Аристова: „Говорятъ, царевна Софья умышляла противъ жизни брата и была причиной многихъ смуть“³⁾.

¹⁾ Москов. смуты. Обзоръ, стр. 23. О бунтѣ Шаклов., стр. 157.

²⁾ Невиль полагалъ, что если бы Софья удовлетворилась управленіемъ и не намѣревалась отдѣдаться отъ своего брата Петра, никто не осмѣлился бы составить партіи противъ нея въ пользу молодого государя (Relation).—Софья имѣла отдѣльный дворъ на Никитской больш. улицѣ, гдѣ, въ 1686 г., были выстроены новыя каменные палаты (Есиповъ: сб. выписокъ изъ арх. бум. о Петрѣ Всл., т. II, 344).

³⁾ Дневн. Корба, изд. Суворина, 187.

Всѣ намѣренія Софьи были извѣстны ся любимцу князю Василию Голицыну. Въ этомъ убѣждаетъ таинственная мѣстами переписка его съ Шакловитымъ¹⁾ и слова Гордона, что Василія Голицына считали укрывателемъ покушенія на государя. Противъ мнѣнія Аристова вопіють и письма самой Софьи Василию Голицыну: „а што, свѣтъ мой, пишешь, что бы я помолилась, будто я вѣрна грѣшная предъ Богомъ и недостойна, однако же дерзаю надѣяться на его благоутробіе, аще и грѣшная... По всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша“²⁾. Софья не столько замаливала какіе-то необыкновенные грѣхи, которые ставилъ ей на видъ Голицынъ, сколько подкупала стрѣльцовъ. Псаломщикъ Антонъ Муромцовъ при разслѣдованіи дѣла Шакловитаго показалъ, что когда Василій Голицынъ посыланъ въ службу (Крымскую), „царевна изволила ходить по всея noci въ соборы и въ монастыри, и по церквамъ, пѣшимъ походомъ, а за нею бывалъ Федка Шакловитый съ стрѣльцами разныхъ полковъ“... при чемъ она раздавала деньги стрѣльцамъ.—Какимъ бы мучительнымъ пыткамъ ни подвергался Цыклеръ, нельзя не повѣрить его показанію предъ казнью, что Софья поощряла его и Шакловитаго на убійство Петра, въ чемъ Шакловитый принесъ письменное признаніе³⁾. Отъ суда исторіи, уже свершившагося, смѣшно ожидать оправданія Софьи. Добросовѣстно предпринимая „сей малый трудъ“, Матвѣвъ, одаренный проницательностью, хорошо знавшій подноготную дворцовыхъ интригъ и „зловредную“ политику Софьи, представилъ съ возможнымъ для него совершенствомъ точную картину бунтовъ и ихъ подготовки. Сахаровъ намекнулъ на пристрастіе Матвѣва къ Ивану и Петру Андреевымъ Толстымъ, но этотъ намекъ есть плодъ недоразумѣнія. Толстые, которыхъ Матвѣвъ привлекаетъ къ участію въ возбужденіи бунта, сообщники Ивана Милославскаго, избѣгли судьбы своихъ преступныхъ единомышленниковъ благодаря родству съ Марѳою Матвѣвною изъ рода Апраксиныхъ, второю супругою царя Ѳедора Алексѣевича (Пекарскій) и, прибавлю, употребляя выраженіе Матвѣва, своимъ пронырствомъ. Впрочемъ, въ повѣствованіи объ Артамонѣ Матвѣвѣ говорится, что возмутитель и воръ Петръ

¹⁾ Устряновъ: Ист. царств. Петра В., т. I, прилож. № VII.

²⁾ Тамъ же, прилож. № 10.

³⁾ Сахаровъ. Зап. Желябужскаго, 49—51. Софья удостоила Шакловитаго за что-то высокой награды пожалованіемъ ему шапки, усыпанной драгцѣнными камнями (Сб. Есипова т. I, стр. 79).

Андреевъ Толстой... „по многихъ лѣтахъ за государственное своего воровства умышление лищенъ всѣхъ чиновъ и чести, и по суду воровскую ту вину свою явно принеся, вмѣсто смерти сосланъ въ Соловецкій монастырь неисходимо, и замурованъ въ вѣчную тюрьму до самаго исхода жизни своей“¹⁾. Не обладая навыкомъ искуснаго историка, побуждаемый „безпокойною совѣстью своей“, дорожа правдой, опасаясь, чтобы въ ухахъ потомства не заглохъ грохотъ отъ „зело ужасной бомбы, вылетѣвшей изъ бунтового мортира“ и обрушившейся на старую кровлю царскаго дома, приведшей въ трепеть весь Великороссійскій Имперій, почтенный патріотъ, вдохновленный государственнымъ интересомъ, принялся за отвѣтственную работу. Аристовъ, разносящій въ пухъ и прахъ автора Записокъ о мятежахъ, забылъ его мольбу: „Если по сродной челоуѣчеству немощи, или по недовольному искусству, недоумѣяй, въ чемъ либо погрѣшилъ, покорно прошу искусныхъ читателей челоуѣколюбиваго разсужденія и надлежащаго исправленія“ (мой сп. 1753 г.). Матвѣевъ чувствовалъ, что иностранцамъ—не по плечу раскрыть причины, домашнія отрасли и подкладку по крайней мѣрѣ перваго бунта, въ такой мѣрѣ, въ какой онъ, самовидецъ 18 лѣтняго возраста, близко по должности спальника²⁾ стоявшій къ Петру и его матери Натальѣ Кирилловнѣ, лишь благодаря своей находчивости не погибшій отъ стрѣлцкой ярости, въ состояніи ихъ выяснить. Авторъ Записокъ допускалъ, что память могла ему отчасти измѣнить, что источники, коими онъ пользовался, не чужды пробѣловъ и противорѣчій и что онъ могъ впасть въ невольное заблужденіе, а потому усердно просить свѣдущаго читателя возстановить истину, буде въ изложеніи его окажутся промахи. Клеветники къ такимъ чистосердечнымъ предосторожностямъ не прибѣгаютъ. Аристовъ слишкомъ поверхностно проштудировалъ литературу предмета, пренебрегъ отзывами о графѣ Матвѣевѣ иностранцевъ, восхвалявшихъ его умъ и знаніе государственныхъ дѣлъ³⁾, и не заглянулъ въ

¹⁾ Сахаровъ: Зап. русск. людей, прилож. 3, со ссылкой на манифестъ 1727 г., стр. 84.

²⁾ Пожалованъ въ спальники 12 мая 1682 г. Въ 1683 г. произведенъ уже въ стольники, а въ 1692 г. въ окольничіи (Записк. кн. Петра и сб. Есипова. т. I, № 535). Своимъ положеніемъ при дворѣ Андрей Матвѣевъ обязанъ заслугамъ отца. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ 31 июня 1672 г. первый поздравилъ Наталью Кирилловну съ рожденіемъ Петра (сб. Есипова, т. II, стр. 342).

³⁾ Корбъ въ 1698 г. посѣщалъ Матвѣева въ Москвѣ, а въ 1721 г. Берхгольцъ посѣтилъ Матвѣева въ Петербургѣ, когда тотъ занималъ постъ пре-

глубину произведеннаго Матвѣвымъ психологическаго анализа душевной бури царевны Софьи, ослѣпленной заманчивымъ блескомъ царской короны. Графа Матвѣва, происшедшаго отъ преданнаго своимъ государямъ древнерусскаго рода, друга дѣтства Петрова, внушавшаго къ себѣ полное его довѣріе, являвшагося его представителемъ въ иностранныхъ державахъ, осѣнила на склонѣ жизни благая мысль очертить всѣ закулисныя детали оборудованія кровавой программы стрѣлецкой смуты, обнажить язвы, подтачивавшія государственный организмъ, и объединить соотечественниковъ силою образныхъ аргументовъ къ огражденію Россіи на будущее время отъ бѣдствій, подобныхъ уготованному освирѣпѣвшю толпою стрѣльцовъ и ихъ тайными подстрекателями. Трудно себѣ вообразить что-либо поразительнѣе „трагедіи“, затѣянной подъ покровительствомъ властнаго члена царской семьи. При справедливомъ разборѣ мотивовъ безкорыстной попытки Матвѣва разоблачить сокровенныя пружины заговора и ярко освѣтить загроможденную мертвыми тѣлами арену мятежей, нельзя отрицать, что онъ приобрѣлъ право на признательность потомства. Въ Запискахъ Матвѣвъ талантливо совокупилъ данныя, благопріятствовавшія первому бунту (злоупотребленія стрѣлецкихъ полковниковъ, избраніе Петра на царство помимо Іоанна, и т. д.) и сложную сѣть уловокъ царевны Софьи и Милославскаго, воспользовавшихся недовольствомъ стрѣльцовъ. По молвѣ, пущенной кѣмъ-то и раздутой не безъ махинаціи московскаго Кромвеля о неестественной смерти царя Ѳедора Алексѣевича 27 апрѣля 1682 г. и объ убійствѣ Іоанна Алексѣевича, стрѣльцы говорили черни, что они „идутъ выводить неправдотворцевъ и губителей царскаго роду“ (Медвѣдевъ). Донинѣ остается въ силѣ заключеніе: „Ничѣмъ яснѣе не является царевнино въ бывшемъ стрѣлецкомъ бунтѣ участіе, какъ обнаруженнымъ, именемъ обоихъ государей, безпредѣльныхъ всѣхъ ихъ дерзостей и смертныхъ убивствъ чрезъ печатной листь прощеніемъ, да еще-жъ и похвалой, якобы всѣ ихъ предпріятія учинились отъ вѣрности къ царскому дому и для возстановленія правосудія и общаго покоя“¹⁾.

Кропотливая повѣрка извѣстій Матвѣва обнаруживаетъ въ нихъ мало фактическихъ погрѣшностей, нисколько не зату-

зидента юстицъ-коллегіи и сенатора, „человѣка довольно пріятнаго, недурного собою и хорошо образованнаго, свободно владѣвшаго французскимъ языкомъ“ (Дневникъ).

¹⁾ См. статью: „Прошеніе стрѣльцовъ въ бывш. ихъ бунтѣ“, напечат. Туманскимъ въ VI т. Зап. и Соч. о Петрѣ Вел., стр. 117.

манящихся основныхъ элементовъ „трагедіи“, воспроизводимой имъ съ такою живостью, словно она разыгрывается предъ глазами читателя. Ошибочное причисленіе Матвѣевымъ къ увѣнчавшимся мученическою смертію сановникамъ боярина Андрея Григорьевича Ромодановскаго (ср. Невиля, Желябужскаго и официальные акты) не подрываетъ довѣрія къ Запискамъ графа въ ихъ цѣломъ. Не уклонился Матвѣевъ отъ истины въ изображеніи душевнаго волненія Софьи, обуявшей ее жажды мщенія подъ вліяніемъ оскорбленнаго чувства. Когда, 8 іюля 1689 г., Петръ во время крестнаго хода упрекнулъ ее, что „ей за необыкновеніе есть при публичной церемоніи быть“, она изъ присущаго ей упрямства, несмотря на суровое назиданіе, „исполнила въ томъ по своей волѣ. Того ради онъ, государь царь Петръ Алексѣевичъ, не пошелъ вмѣстѣ съ нею, царевною, за святыми иконами въ ходъ, но остался и вступилъ въ церковь соборную Архангела Михаила, и потомъ пошелъ въ походъ въ дворцовое село Коломенское. Царевна же о томъ презреніи ея зѣло оскорбилась и впала въ немалое мнѣніе. Рвение же ярости неукротимой и злобы, переменяющей крепость разума, причиною были къ подвигу въ злополучныхъ промыслехъ и ускоряли къ отмщению за вышепоказанныя отъ царскаго величества ей, царевне, противности“¹⁾. Причиненную Софьѣ сердечную рану растравило крайне сухое и пренебрежительное обращеніе Петра съ ея возлюбленнымъ, княземъ Василюмъ Голицынымъ. Матвѣевъ постигъ свойства пылкой и ядовитой натуры царевны, и вотъ, по его разумѣнію, она не устояла противъ порыва мести. Самолюбію Софьи, упоенной властью, нанесенъ былъ страшный уколъ. Отъ нестерпимой боли разсудокъ ея помутился подъ гнетомъ озлобленія и назойливой мысли, что при жизни Петра ей уже не подняться на прежнюю высоту и не задобрить его такъ, какъ удавалось прежде²⁾. Софья стала питать ненависть не къ одному Петру, но и къ его брату Іоанну, который не разъ предлагалъ Петру отрѣшиться се отъ царствованія. „Она же многія правленія царственныя правила безъ совѣта съ великими государями, своею особою“³⁾. Мечта, взлелѣянная Софьей, надѣтъ царскую корону, засвидѣтельствована письмомъ Петра къ брату Іоанну и подтвер-

¹⁾ Мой списокъ 1753 г., л. 112.

²⁾ Напр. въ 1684 г., она поднесла ему драгоценныя „запоны во влягалищахъ“ со множествомъ алмазовъ (Сб. Есипова, т. I, 47).

³⁾ Сахаровъ: Зап. Крекшина, 70.

ждена архимандритомъ Георгіевскаго-Павловскаго монастыря Аѳонской горы Исайей. Василій Голицынъ, въ 1689 г., домогался отъ вселенскихъ патріарховъ благословенной грамоты, „чтобы царевна Софья Алексѣевна могла носить царскую корону“¹⁾. На портретѣ Романовской галереи Зимняго дворца Софья изображена съ царской короной, скипетромъ и державой и названа „самодержицей“²⁾. „Итальянская“ политика Софьи (у Невилля—„Макиавелліевская“) не помогла ей выдержать неравную борьбу съ оперившимся орломъ.—Мнѣнія подавляющаго большинства историковъ о политикѣ Софьи совпадаютъ съ точкой зрѣнія Матвѣва. Мнѣнія эти сгруппированы самимъ Аристовымъ. Дополню ихъ выводомъ Брикнера: „Стрѣльцы дѣйствовали подъ очевиднымъ вліяніемъ составленнаго Софьею плана, что подтверждается всѣми событіями того времени; сомнѣваться въ личной инициативѣ Софьи не позволяютъ также всѣ свидѣтельства современниковъ“³⁾. По словамъ Семевскаго, Софья, обладавшая изворотливимъ, изобрѣтательнымъ и гибкимъ умомъ, съ удивительнымъ равнодушіемъ слушала стоны и вопли жертвъ, ею обреченныхъ кровавымъ истязаніямъ. Она не отступала ни предъ какими средствами, и по трупамъ Матвѣва (Артамона), Долгоруковыхъ, Нарышкиныхъ неуклонно шла къ разъ опредѣленной цѣли“⁴⁾... Позднѣйшія изысканія историковъ не измѣнили сущности выставленнаго Семевскимъ положенія.

Непосредственныя наблюденія графа Матвѣва надъ починомъ и разгаромъ перваго стрѣлецкаго мятежа, вспыхнувшаго 15 мая 1682 г., отразились въ описаніи вторженія стрѣльцовъ въ дворцовые покои для поиска и убійства заранѣе осужденныхъ на смерть Нарышкиныхъ. Приведу изъ моего списка 1753 г. важнѣйшія мѣста этого и нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ моментовъ: „Государыня же царица Наталиа Кириловна, усмотря жестокосердой бунтъ ихъ стрелецкой, взявъ съ собою сына своего,

1) Статейн. кн. у Туманскаго, т. VI, 255.

2) Самодержавную власть Софья, ранѣе „царствовавшая“ по выраженію Гордона (Дневн. подъ 17 сент. 1684), присвоила себѣ съ 1686 г. Это свидѣтельствуется и Матвѣвъ. По моимъ экземплярамъ его Записокъ,—она повелѣла изобразить на монетахъ большнхъ свою персону съ подписью имени ея, о которой умалчиваетъ Сахаровскій текстъ.

3) Ист. Петра Вел., гл. 2.—Валишевскій также полагаетъ, что стрѣльцы дѣйствовали по указаніямъ Софьи и ея совѣтниковъ. „Она такъ искусно управляла движеніемъ, что останавливала его и задерживала, когда ей казалось это необходимымъ“ (Первые Романовы. Петръ первый).

4) Русск. Слово 1859 г. т. XII.

государя царя Петра Алексѣевича, и государя царевича Іоанна Алексѣевича, изволила отъ такого зѣло опаснаго бедства и страха итти въ грановитую палату съ ужасомъ и плачемъ горкимъ. Стрельцы же уже начели съ озорническою наглостью бегать не толко по палатамъ ихъ царскимъ, но и по всемъ внутреннимъ комнатамъ, болшимъ и меншимъ тогда во здравіи еще бывшихъ государынь царевень. Такъ же и по церквамъ, которыя во дворце при комнатахъ, и во святыхъ алтаряхъ, безстыдно входя, Божія престолы и жертвенники нечистыми, убивственными и кровополными ихъ руками безсовестно осязали и копьями своими подъ престолами и подъ жертвенниками шарили, чтобы имъ, стрелцамъ, желасмыхъ сыскать на умертвие... Во дворце жъ тогда, по наглomъ своемъ набеге, ниже царскихъ зазорныхъ лицъ устрамишася, но безстыдно во всѣ дворцовыя комнаты входили со многою дерзостию и мнимыхъ ими, стрелцами, якобы измѣнниковъ искали, не упустя и не минуя ни одной комнаты, ни чулановъ, ниже кроватей и постель ихъ царскихъ. Подъ то же время они, стрелцы, бегая зъ бердыши и съ копьями, вмѣсто комнатнаго столника Афонася Кириловича Нарышкина, не узнавъ, тирански убили столника Федора Петрова сына Салтыкова и, тело его отвезли къ отцу его, боярину Петру Михайловичю, учтиво предъ нимъ въ томъ оговаривалися, будтобы прямымъ своимъ незнаниемъ то учинили“.

Неудовольствовася же еще темъ мерзостнымъ варварствомъ и челоувѣкоубивствомъ, оныя бунтовщики стрелцы и того же числа самовластно ходя везде по всему дворцу, и отъ стороны великия соборныя церкви Успения пресвятыя Богородицы нагло вышедши въ церковь Вознесения Христова, что на сеняхъ, увидели одного комнатнаго служителя, а имянно Государыни царицы Наталіи Кириловны карла, прозвищемъ Хомяка¹⁾, и спросили у него—где онъ знаетъ угаеныхъ ся царицыныхъ братьевъ Нарышкиныхъ. Тотъ же карла Хомякъ имъ, стрелцамъ, сказалъ, яко въ той церкви Воскресения Христова въ олтарѣ подъ престоломъ, схороненъ средней ея, царицынъ, братъ Афонасей Кириловичъ Нарышкинъ, которого онъ, карла Хомякъ, указалъ, какъ совершенной подражатель словомъ и деломъ древнему Иуде Искаріоту, ибо тотъ же карла

¹⁾ Карла Емельянъ Хомякъ еще въ январѣ 1682 г. получалъ годової окладъ жалованья 10 рублей. Карловъ при Іоаннѣ и Петрѣ Алксѣевичахъ состояло 14. Получали они окладъ отъ 4—10 руб. Въ 1699 г. Карлы исполняли въ Семеновскомъ полку обязанности барабанщиковъ.

Хомякъ по предстательству его, Афонася Кириловича, изъ богаделны за нищету свою взять въ комнату царскую, и тому своему высокому благодѣтелю вмѣсто верной и во всю свою жизнь незаслуженной милости явно смертнымъ предателемъ учинися...

Теже кровопивцы стрелцы, какъ сущіе звери, неустыдяся и неужаснуся святыя Божія церкви, наипаче же не убоявся на престолѣ сядящаго Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, всѣхъ Творца и Бога, къ самому Его божественному престолу приступя, агарянски дерзнули исподъ того престола вышешпоименованнаго господина Нарышкина выволочь и, выволокли его на паперть той же церкви, безчеловѣчно разсекли на части и тело его оттуду съ высоты той на площадь предъ соборную церковь ручателски збросили, где онъ, господинъ Нарышкинъ, яко древній пророкъ Захарія отъ жидовъ, убиенъ бысть между церквію и олтаремъ. Того перваго дни бунта ихъ стрелецкаго исъ комнатныхъ людей Иванъ Фомичъ Нарышкинъ¹⁾ въ доме своемъ за Москвою рекою внезапнымъ нападеніемъ отъ техъ бунтующихъ стрелцовъ найденъ и мучительски убиенъ. И съ того своего нечестиваго и лютаго зверства многопролитую невинную кровію еще недовольтвуяся, те злыя крамолники стрелцы яростно и свирѣпо въ великихъ своихъ собранияхъ по вельможескимъ и другихъ многихъ знатныхъ людей домамъ безобразно и безчеловѣчно пьянски ходя, шетались и озорнически многихъ грабили, угрожая всемъ смертнымъ убивствомъ и разореніемъ...

... 16 дня мая о десятомъ или о первомъ надесять часу оныя жъ бунтовщики стрелцы съ такими же ихъ великими окрики и зъ боемъ и въ болшой набатъ, такъ же и по барабанамъ, въ превеликомъ невежестве пришедъ во дворецъ къ самой золотой решетке, которая предъ самыми царскими палатами, весьма нагло. А понеже тогда былъ приѣздъ во дворецъ бояромъ и прочимъ палатнымъ людемъ. И они, бунтовщики, стрелцы, зело безстрашно и свирепо приступая, просили о скорой и безъотлагательной выдаче имъ боярина Ивана Кириловича Нарышкина, крича о томъ съ великою невежливостію и угрозами, что естли де въ будуще потомъ день его, Нарышкина, въ руки ихъ не дадутъ, то де всемъ боярамъ быть отъ нихъ, стрѣлцовъ, побитымъ до смерти

¹⁾ Датскій резидентъ назвалъ его Филимоновичемъ, но это былъ спальникъ Петръ Фомичъ Нарышкинъ, выдачи котораго требовали стрѣльцы. (Разрядн. кн.).

жестокими поражениями и разсечениемъ въ куски. И хотя они, стрелцы, какъ жестоко того не домогались, однакожь того дни по желанію ихъ, стрелецкому, выдачи помянутому господину Нарышкину не учинилось, и послѣ одного часа пополудни они, стрелцы, разставя караулы свои, изъ Кремля вышли, какъ то у нихъ и всегда чинилось...

Помянутой бояринъ Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ въ то время съ своимъ родителемъ и сродники въ те первыя дни бунта ихъ стрелецкаго вмѣстѣ всѣ ухороняися пробыли, а имянно съ комнатными столники съ Васильемъ Федоровымъ сыномъ, съ Кондратьемъ Фоминымъ сыномъ, съ Кириломъ Алексѣевымъ сыномъ Нарышкиными и съ Андреемъ Артемоновымъ сыномъ Матвѣевымъ, укрываяся по разнымъ тайнымъ и неведомымъ местамъ при комнате государыни царевны Наталіи Алексѣвны. Потомъ же всѣ оныя вышеозначенные господа, по бывшему тогда между государынею царицею Наталією Кириловною и царевною Марѳою Алексіевною любовному союзу, сведены были въ дальныя комнаты ея, царевнены, деревянныя покои, которые здѣланы были глухою стеною къ патриаршу двору, о чемъ толко сведома была одна постельница еѣ, царевнина, прозваніемъ Клушкина, ей, царевнѣ, весьма вѣрная, где онъ, бояринъ Иванъ Кириловичъ, всемъ темъ бывшимъ съ нимъ вышепоименованнымъ господамъ для непознания и безопасности, бывшія у нихъ долгія волосы своими руками остригъ. Тогда же приближалася приходу ихъ, стрелецкаго, въ городе Кремлѣ известная година. Въ то самое время вышеименованная постельница хотела ихъ, господъ Нарышкиныхъ, и Матвѣева укрыть въ проходныхъ сеняхъ въ особомъ чулане и замкнуть, къ чему отъ безмернаго того и смертнаго страха желателно всѣ оныя господа склонны были, но одинъ изъ нихъ, молодець Матвѣевъ, семнатцати летъ возраста ево будучи, весьма тому противился, предлагая протчимъ зело опасную и бедственную притчину, что чрезъ те места съ начала бунта своего стрелцы всегда проходили и все ихъ искали и нетолко запертыя, но и въ пустыхъ хоробахъ двери отбивали, естли же они въ томъ замкнутомъ чулане заперты будутъ, то уже инаго болше ожидать нечего кромѣ скорой себѣ погибели. И для того единодушно всѣ оныя господа утвердя себя и полагаяся на милосердіе Божіе—объ нихъ призрѣніе, вшедши въ оной чуланъ, въ которомъ токмо одно было окно, заматаное наглухо постелями и подушками къ заднему дворцу, отчего

такъ тамъ темно было, что никакой стѣни ¹⁾, ни виду ниоткуда означится невозможно было, и во имя Божие на четверть аршина или мало меньше оного чулана дверь влево отворя, сами же все вышеименованныя господа въ правую руку къ углу здрався и утесняяся, стоймя простояли. Въ то же время стрелцы, по приходе своемъ во дворець, чрезъ те помянутые все переходы со многолюдствомъ зѣло яростно и съ великимъ шумомъ такъ скоро перебежали, какъ быстрая вода протекла, и никто изъ нихъ, стрелцовъ, въ тотъ отворенной чуланъ не заглянулъ, токмо дважды или трижды некоторыя изъ нихъ, стрелцовъ, бежали; въ ту левую отворенную дверь съ стороны въ мяхкие подушки, совавъ копьями, безъимянно скверными лаями бранили и кричали, что уже де наши тамъ везде были и изменниковъ де тутъ нѣтъ. И тако Божия сила вседержащею своею десницею техъ неповинныхъ людей чудесно тогда укрыла и отъ смертной сети ловящихъ нечестивыхъ злодѣевъ спасла. И того жъ вечера всѣ те вышеименованныя смертоносныя особы простяся другъ зъ другомъ, съ великою неутешною печалью и зъ горестными слезами розстався, и потомъ другъ отъ друга безвѣстно разлучились, ища каждый своего убежища ко спасенію“ (стр. 65, 70, 73 и др.).

О своемъ окончательномъ избавленіи отъ гибели Матвѣвъ рассказываетъ далѣе: „Убиеннаго же боярина Артемона Сѣргеевича Матвѣва сынъ Андрей на третей день того бунта всемилосердымъ предвѣдѣніемъ Божиимъ изъ дворца последующимъ видомъ сведенъ былъ отъ верного тогда государю царю Петру Алексѣевичу и въ милости его государской бывшаго карлы Никиты по званію Комара ²⁾, сущаго умнаго и догадливаго человѣка, которой ево, Андрея Матвѣва, одель въ простое платье стряпчаго конюха, даннаго въ службу ему, карле, и, утвердя его, Матвѣва, чтобъ отнюдь не боялся, но смело за нимъ, карлю, шель. Потомъ, оной карло Комаръ, вышедъ по дворцовой къ урядной ³⁾ леснице за ворота, селъ на свою лошадь, а ему, Андрею Матвѣву, велелъ за собою итти пешему подъ образомъ якобы ево, карлина, служителя, и проѣхавъ ись Кремля

¹⁾ т. е. стѣни или тѣни. Въ Сахаровскомъ спискѣ ошибочно: „ни одной стѣны не видно“.

²⁾ Карлъ Никиткѣ Комару еще въ 1674 г. велѣно сдѣлать на казенномъ дворѣ царевича Петра Алексѣевича два кафтана киндячныхъ... (Сб. Есип., т. I, 11).

³⁾ Въ другомъ моемъ спискѣ: „по дворцовой свѣтлицной лесницѣ“. У Сахарова: „по дворцовой каретной лѣстницѣ“. У Туманскаго: „по дворцовой куретной лѣстницѣ“.

й изъ Белого города въ Смоленскія ворота по болшей улице, у которыхъ воротъ какъ въ Кремлѣ, такъ и въ Беломъ городе, множество караульныхъ стрелцовъ находилось. Однакожь ни отъ кого изъ нихъ онъ, Матвѣвъ, признанъ не былъ. И потомъ оной карло довелъ ево, Матвѣва, за ворота въ приходъ церкви Сошествія Святаго Духа, въ домъ бывшаго тогда при оной церкви священника, именемъ Матвѣя Тимоѣева, и вручилъ его свойственнику своему, стремянному конюху Кирилу Суворову, объявя ему накрепко тайнымъ указомъ государыни царицы Наталіи Кириловны, дабы оной Матвѣвъ въ тайности и бережно додержанъ былъ. У котораго Суворова онъ, Матвѣвъ, переменя имя свое, назвався Кондратьемъ, до безопаснаго времени пребывая, и между подлыхъ людей въ простомъ сермяжномъ платьѣ странствуя и скитаяся подъ образомъ подлости, никому незнаемъ былъ и себя спасъ“ (стр. 86, 87)¹⁾.

Непосредственныя наблюденія Матвѣва во время перваго бунта, съ такою педантическою пунктуальностью внесенныя въ Записки, дѣлаютъ ихъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ литературу. Не берусь опредѣлить день, когда Матвѣвъ пересталъ быть самовидцемъ печальной трагедіи, превратясь въ свидѣтеля по слуху, и какіе именно матеріалы помогли ему дополнить личныя наблюденія. Записки Матвѣва пользовались огромнымъ успѣхомъ. Если онѣ не были доступны автору Исторіи Петра Вел. до 1700 г. Шафирову, то, кажется, съ ними былъ знакомъ авторъ Исторіи о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣва (изд. Новиковымъ 1785 г.). Поэтому историкъ этотъ воздержался отъ описанія стрѣлецкаго бунта, въ которомъ Артамона убили: „понеже не токмо на россійскомъ, но и на другихъ уже иностранныхъ языкахъ исторіи не токмо письменныя, но и печатныя, съ довольнымъ изъясненіемъ о кровавомъ и ужасномъ томъ бунтѣ, отъ разныхъ авторовъ и списателей достовѣрныхъ обстоятельно собранныя, не въ одномъ Россійскомъ государствѣ, но и по всему уже вселенныя умному свѣту оказываютъ“...

Всѣ открытыя донинѣ многочисленныя списки русскаго сказанія о стрѣлецкихъ бунтахъ можно подраздѣлить на два разряда. Одни сосредоточиваются преимущественно на событіяхъ 1682—1698 г. и обнимаютъ каждый произведеніе какаго-либо автора, или компилятора (Медвѣдевъ, Матвѣвъ, Желя-

¹⁾ Въ изданныхъ спискахъ конецъ сокращенъ.

бужскій, Крекшинъ), другіе входятъ въ составъ Сборниковъ, заключающихъ въ себѣ разнообразныя историческія статьи. Принадлежащій мнѣ Сборникъ первой половины XVIII в.¹⁾ содержитъ статьи: 1. О зачатіи и рожденіи Петра Вел. и о прочемъ; 2. О кончинѣ царя Алексѣя Михайловича; 3. Записки Матвѣва (безъ предисловія); 4. Журналъ путешествія Петра за границу въ 1697 г.; 5) О бѣдственномъ злостраданіи и о благополучномъ восшествіи на престолъ вел. государыни императрицы Елисаветы Петровны 1741 г., ноября 25, и 6. Разсужденіе о древнихъ и новыхъ причинахъ войны съ Швеціей. Въ рукописяхъ XVIII в. тексты зачастую расходятся съ заголовкомъ, или же заголовокъ выставляли такой, что подъ него укладывается любой предметъ. Такъ подъ заглавіе „О зачатіи и рожденіи... Петра перваго, самодержца Всероссійскаго, и о прочемъ“ подводятся: то трудъ Крекшина (у Туманскаго), то Записки Матвѣва, съ какими-либо иными статьями (напр., въ Импер. Публ. Библ.), или безъ нихъ. Во второй моей рукописи, помѣченной 30 декабря 1753 г., скопированной съ книги господина управителя, подполковника Дмитрія Васильевича Гурьева (въ первомъ отдѣлѣ помѣщена статья о зачатіи и рожденіи Петра), послѣ упоминанія о смерти Федора Алексѣевича начертано: „Царствованіе благочестивыхъ и великихъ государей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ“. Затѣмъ выставлено заглавіе, нѣсколько измѣненное сравнительно съ Сахаровскимъ: „Исторія съ совершеннымъ испытаніемъ“... За словами „мѣсяца мая въ 15 день“ добавлено: „На память страстотерпца Россійскаго, благовѣрнаго цесаревича и великаго князя Дмитрія Иоанновича, иже въ городѣ Угличѣ отъ мятежниковъ и воровъ, по наученію бывшаго потомъ царя, похитителя россійской короны, Бориса Годунова убиеннаго“. Добавленіе показываетъ, сколь твердо укоренилась въ народномъ сознаніи увѣренность въ насильственной смерти царевича Дмитрія. Въ моемъ спискѣ Исторіи стрѣлецкихъ мятежей, вошедшемъ въ упомянутый выше Сборникъ, начало изложено такъ: „Въ прошломъ 7190 г., т. е. лѣта Господня 1682, мѣсяца мая 15 числа, въ которой предведение Божіе прежнихъ лѣтъ неповинного въ городе Угличе царевича младенца Дмитрія Иоанновича, сына царя Ивана Васильевича всеа Россіи

¹⁾ Писанъ полевымъ фурулейтомъ Тарасомъ Чефановымъ. Въ 1756 г. достался Аврааму Болотникову, деревенскому жителю Епифанскаго уѣзда (надпись).

убиение промысломъ любочестія бывшаго царя Бориса Годунова и присланныхъ его царедворцовъ изъ фамиліи Битяговскихъ и Качаловыхъ, памятью вечно обновило“. Со взглядомъ историковъ, отрицающихъ наличность передержекъ въ разслѣдованіи, предпринятомъ подъ руководствомъ Василя Ивановича Шуйскаго, не вяжется установленіе во всѣхъ главныхъ русскихъ церквахъ „службы убиеннаго царевича Димитрія“. Къ службѣ приобщалось переписчиками подробное описаніе сего убійства согласно съ хронографомъ, противорѣчащее тому разслѣдованію. Весьма знаменательно, что починъ перваго стрѣleckаго бунта приуроченъ ко дню убійства Димитрія Іоанновича. Комбинація эта, полагаю, придумана не стрѣльцами, но ихъ хитроумными жожаками, заранѣе намѣтившими жертвы, обреченныя смерти. Распустили слухъ объ отравленіи Федора Алексѣевича, принятый стрѣльцами на вѣру. Доктора Даниль фонъ-Гаденъ и Иванъ Гутменшъ были убиты „по вымысламъ ложнымъ и составнымъ, что царя Федора Алексѣевича лекарствами своими отравили“ (Матвѣевъ).

Мой списокъ 1753 г. снабженъ предисловіемъ (обращеніе къ читателю), сходнымъ съ помѣщеннымъ въ сводномъ Сахаровскомъ текстѣ, но не вполне. Въ послѣднемъ сказано: „при времени томъ сей авторъ, какъ самовидецъ, былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ той злосчастной трагедіи и въ оной отца своего лишился“, въ моемъ же спискѣ говорится: „при времени ономъ и сей авторъ, какъ посторонній самовидецъ, вернымъ свидѣтелемъ былъ“. Слово: „и въ оной отца своего лишился“ недостаетъ. Несмотря на превосходство Сахаровскаго списка предъ напечатанными Туманскимъ, мой списокъ исправнѣе Сахаровскаго. Старыя лексическія формы въ немъ лучше выдержаны, напр. пишется не имперія, а имперій, какъ въ Разсужденіи о причинахъ и въ Гисторіи Шведской войны, и почти не встрѣчаются явныя нелѣпости, напр. правильно названъ Юрій Лутохинъ (у Сахарова Лопухинъ). Въ моемъ спискѣ, на-ряду съ нѣсколькими недочетами въ означеніи годовъ, рѣже замѣчаются сокращенія текста. Пропущены лишь два—три слова и фраза въ описаніи заслугъ Артамона Матвѣева: „которыя (достигнутыя честь и боярство) тогда подобны были рангамъ маршаловъ Франціи“. Разнотченія въ рукописяхъ требуютъ большой осмотрительности при анализѣ труда графа Матвѣева. Переписчики заботились о точной передачѣ не столько буквы оригинала, сколько сущности его содержанія, не стѣсняясь вольнымъ своимъ пересказомъ. Иногда они

придавали событіямъ субъективную окраску, вставляя свои соображенія. Напр. въ моемъ спискѣ, изъ котораго ниже приведены выдержки, говорится: „о чемъ (тайныя сношенія Софьи съ стрѣльцами) всякъ благоразумный мужъ по теченію сей исторіи лехко разсудить можетъ, ибо она... во всю жизнь свою николи тако себе благополучной ползы получить отнюдь не дала“ (парагр. 12). Нерѣдко переписчикъ исправлялъ промахи своего предшественника, или пополнялъ повѣствованіе включеніемъ въ текстъ обстоятельствъ, откуда-либо имъ заимствованныхъ побочнымъ путемъ.

Въ одинъ изъ моихъ трехъ списковъ (начало его приведено выше) внесены не попадающіяся въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ данныя о дѣйствіяхъ стрѣлецкаго полковника Лаврентія Панкратьевича Сухарева. Этотъ списокъ разбитъ на параграфы (числомъ 21) и носитъ слѣдующее оглавленіе: „Исторія, бывшая въ Московскомъ государствѣ, о бунте, по кончинѣ блаженные и вѣчнодостойные памяти великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всеа Великіа и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, отъ созданія мира 7190, а отъ воплощенія Христа Спасителя 1682 года, отъ бывшаго тогда русскаго дворянина Федки Щегловитова съ единомышленниками ево, а что имъ, Щегловитовымъ, происходило, значить ниже сего“. Затѣмъ идетъ совершенно отличное отъ Сахаровскаго и моего списка 1753 г. предисловіе: „Въ ней же пишеть о преждебывшихъ Московскихъ непорядкахъ отъ показаннаго Щегловитова и отъ стрелцовъ, о ихъ великомъ и неутолимомъ бунте и о предводителе и зачинателе и всякаго зла исполнителе оного бунта, во всемъ вселукаваго боярина, яко втораго Искаріота, перво Ивана Милославскаго, купно сообщники его, и о убиеніи отъ стрелцовъ неповинныхъ столповыхъ бояръ и прочихъ знатнейшихъ особъ, какъ они, стрелцы, тирански на копья поднимали и на части разсекали и какъ оттого ихъ царское величество коликъ страхъ и ужась и всегорестное отъ стрелцовъ техъ протерпели, съ великимъ невежествомъ и противностию поступали, дабы короновати благочестивыхъ царей и великихъ государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича на царствованіи, съ ними царевны Софіи Алексѣевны, и паки возмущеніи троекратнаго бунта и о зломъ намереніи отъ техъ же вселукавыхъ предводителей, стрелцами, и о великомъ и не постижимомъ издетска разуме и о тщательномъ попеченіи въ воинскихъ делахъ государя царя Петра Алексѣевича, и о утвержденіи его на государство Всероссій-

ского престола, и о рачителномъ промысле и трудолюбіи о исправленіи Россійской Имперіи, какъ въ воинскихъ, такъ и въ политическихъ, и въ посолскихъ дѣлахъ, и о значеніи его добрыхъ порядковъ, о искорененіи воровъ-бунтовщиковъ, и о зломъ намереніи въ злыхъ случаяхъ Цыклера, Соковнина и Пушкина, и о всѣхъ ихъ злыхъ дѣйствахъ, которая творимая ихъ злая дела ужасаеъ человѣческія сердца, какъ всезлюбныхъ и властолобивыхъ Богъ не допускаеъ. И всякъ да разумеетъ чтущей и бывшему да внимаеъ, какъ Всевышни Богъ коварное ихъ зло прекратилъ чрезъ Петра Великаго, нашего всемилостивѣйшаго государя“.

Варианты этого списка Исторіи бунтовъ гармонируютъ съ единогласными отзывами книжниковъ о служебной дисциплинѣ Сухарева полка, не примкнувшаго къ смутѣ, и, въ частности, съ сочиненіемъ Крекшина ¹⁾. По его словамъ, „одинъ стрѣлецкій Сухаревъ полкъ любяше великаго государя. Великій же государь искусства ради ученія любяше оный полкъ, и тѣи при его царскомъ величествѣ всегда пребывали, и во время бунта не быша въ согласіи съ бунтовщиками“ ²⁾... Вечеромъ 7 августа заговорщики, тайно условившіеся на убійство Петра, его матери и прочихъ знатныхъ особъ, собравшись въ Кремль, послали въ Преображенское провѣдать о государѣ и „доколѣ заснеетъ, ожидать“, при чемъ полковникъ Рязановъ командировалъ капитана своего Сапогова съ стрѣльцами караулить около Преображенскаго... „Въ самое то злое время, егда начаша собираться въ Кремль, Сухарева полка стрѣльцы, прибѣжавъ въ Преображенское, возвѣстиша великому государю, что стрѣльцы собираются и намѣрены идти въ Преображенское село и мыслятъ зло на него, великаго государя“ (стр. 81, 86). Далѣе Крекшинъ пишетъ, что въ Преображенскомъ царь разставлялъ частые караулы стрѣльцовъ Сухарева полка. Сомнительно, чтобы Крекшинъ примѣшалъ сюда что-либо изъ

¹⁾ Устряловъ и Аристовъ непристойно глумились надъ Крекшинимъ. Предсмертныя рѣчи царя Алексѣя Михайловича Устряловъ считалъ „выдуманной Крекшина“ (Ист. царств. Петра Вел. т. I, стр. 367 и прим. 21), не зная, что рѣчи эти записаны духовнымъ лицомъ, приближеннымъ къ царю, быть можетъ Симеономъ Полоцкимъ, и вошли въ Сборникъ. Аристовъ обругалъ Крекшина „безсовѣстнымъ обманщикомъ“, упрекая въ лакействѣ, потому что Крекшинъ писалъ по долгу рабства, но вѣдь это—обычная въ то время форма изъявленія вѣрноподаданнической преданности. Ученые должны быть благодарны Крекшину, „самовидцу дѣлъ инокныхъ“ Петра, за обнародованіе ихъ „елико могъ собрать и что видѣхъ и вспомянухъ“.

²⁾ Изд. Сахарова, стр. 61 и 62.

происшествій тѣхъ дней, въ которые производились поджоги съ цѣлью лишить жизни Петра по заговору Суковкина съ товарищами, когда царь по обыкновенію поѣдетъ тушить пожаръ ¹⁾). Соковнинъ совмѣстно съ Цыклеромъ и шайкой стрѣльцовъ собирались Петра на дорогѣ стеречь и, „усмотря случай способный къ тому, его царское величество въ пребываемыхъ переѣздахъ застрѣлить или убить“ (Матвѣвъ). Филиппъ Сапоговъ на розыскѣ объявлялъ, будто Шакловитый подговаривалъ его бросить ручныя гранаты, когда пойдетъ Петръ, или убить его во время пожара въ Преображенскомъ, а стрѣлецъ Петрушка Кривой показалъ, что Федька Шакловитый при немъ говорилъ: „ходить онъ (государь) на пожары не со многими людьми, убить бы его стрѣльцамъ“.

Мой списокъ 1753 г. и большинство иныхъ списковъ труда Матвѣва называютъ Улфова и Мелнова первыми лицами, предостерегшими Петра объ угрожавшей его жизни опасности съ 7 на 8 августа 1689 г., „въ самое глубокое ночное время, когда уже изволилъ его царское величество почивать“. „Стремянного полку знатныя стрелцы четыре человѣка, а имянно: Ипатъ Улфовъ и Дмитрей Мелновъ съ товарищи... съ великимъ поспешениемъ донесли его царскому величеству, что уже разныхъ полковъ стрелцы — во многочисленномъ собраніи въ Кремлѣ, на Лыкове дворе, съ ружьемъ, и по совѣту Шекловитова тотчасъ за ними намѣрены итти въ Преображенское и убить его, государя царя, и мать его, государыню царицу, и супругу его, царицу, и сестру его, царевну Наталию, и всехъ находящихся при его величествѣ знатныхъ особъ“ (стр. 112, 113). Устряловъ (т. II, гл. 3), полагаясь на показанія нѣсколькихъ свидѣтелей при розыскѣ, Аристовъ (о бунтѣ Шаклов., 129) и Соловьевъ (т. XIV, гл. 2) утверждаютъ, что не Улфовъ и Мелновъ, пятидесятники, какъ пишетъ Матвѣвъ, а Мелновъ и десятникъ Ладогинъ Стремянного полка посланы въ Преображенское къ ночи на 8 августа 1689 г., оповѣстить царя объ угрожавшей ему бѣдѣ.

¹⁾ Штелинь: Анекдоты о Петрѣ, т. I, № 18. Соковнина онъ именуетъ Суковкиннмъ. Анекдоты, собственно рассказы, являются далеко не плодомъ досужей фантазіи. По серьезному тону и цѣли автора, они заслуживаютъ вниманія историковъ, какъ пособіе немаловажное. Когда злодѣи собрались у Соковнина 2 февраля 1697 г., Петръ, находившійся у Лефорта, былъ извѣщенъ о заговорѣ пятисотнымъ Ларіономъ Елизаровымъ и пятидесятникомъ Григоріемъ Силинымъ (Зап. Желябужскаго, 49 и письмо изъ Амстердама отъ 30 окт. 1698 г. У Туманскаго т. I—Сравни. Бергманъ: Ист. Петра Вел., т. I, 206 и прим.).

Въ моемъ списокѣ Исторіи бунтовъ (съ важными вариантами) достопамятное событіе спасенія жизни Петра рассказано подробнѣе. Въ немъ центръ тяжести событія передвигается къ подвигу полковника Лаврентія Сухарева. Его крупная фигура заслоняетъ доносителей. Извлекаю изъ этого списка буквальное содержаніе всего касающагося Сухарева полка и самого Сухарева.

„Сперва (по наущенію Ивана Милославскаго и его партіи) оне, выборные стрелцы, начели въ общее свое согласіе къ бунту все стрелецкіе призывать полки, возмущать, сказывая имъ, что бояре несправедно учинили, выбрали меншаго брата на царство, обещеши болшого, и чтобъ такимъ вымысломъ и подъ видомъ сей причины благоприятному бунту заодно склонилися. И, хотя некоторая изъ нихъ часть, а именно Стремянной, Полчевской, Жуковской полки еще отмышлялися (и несклонными себя къ тому бунту являли), однакожь великимъ обещаніемъ—награжденіемъ впредь многой годовой (денежной) имъ, стрелцамъ, дачи и повышеніемъ чиновъ и те прелстятся, обещали все полки во общее согласіе ¹⁾, кроме одного Лаврентья Панкратьева сына Сухарева полку, которой вышеупомянутой полковникъ съ пятидесятникомъ Иваномъ Борисовымъ и пятисотникомъ Васильемъ Бурмистровымъ къ такимъ вымышленнымъ злымъ деламъ къ царской стороне непоколебимо себя въ прямой своей верности тогда утвердили и до конца въ верности содержали со всемъ своимъ вышеупомянутымъ полкомъ, за что они, вышеупомянутые, по окончаніи оногo злаго дѣла, и пожалованы были за свою верность ко отечеству и къ государю... (парагр. 17).

Того-жь августа месяца, противъ самаго осмага числа, внезапно, въ глубокую самую ночь, изъ техъ сонмищъ стрелецкихъ съ Лыкова онаго двора уведавъ изъ полковниковъ, чрезъ своихъ урядниковъ стремяннаго полку ²⁾, полковникъ Лаврентей Панкратьевъ сынъ Сухаревъ, и прибежалъ въ Преображенское къ боярину князю Борису Алексѣевичу Голицыну и объявилъ ему о зломъ намереніи стрелецкомъ, и оной ему вышеупомянутой бояринъ сказалъ: какъ возможно храни здоровье государево, а нашей де уже мочи нсть. И

¹⁾ По другому моему списку, изъ котораго внесено мною взятое въ скобки,—„пристлися и те полки всѣ въ общей съ прочими случение къ бунту преклонились“.

²⁾ Въ официальныхъ актахъ стремяннымъ полкомъ называется полкъ Цыклера. При Петрѣ состояли и стремянные конюхи, называвшіеся также полчанами.

оной Сухаревъ, поворотясь, прибежалъ вскоре во дворецъ съ человекомъ своимъ верхами и вошелъ въ полату и засталъ ихъ величество государыню царицу Наталью Кириловну* и государя царя Петра Алексѣевича въ одномъ полукафтанце зеленомъ отласномъ ¹⁾, и объявилъ имъ, государямъ, злое ихъ стрелецкое намереніе, что уже собираютца стрелцы въ Кремле, на Лыкове дворе, и намерены по совету Щекловитова побить ихъ, государей, и всехъ знатныхъ бояръ, которые были при ихъ величестве, и чтобы оне, государи, ни часу не мешкавъ, гдѣ возможно скрылись. И услышавъ оне, государи, весьма печалны были, и государыня зело не умилно плакала, а государь мужески разъсуждалъ и на волю Божию полагалъ. И государыня, взявъ сына своего, а нашего²⁾ государя царя Петра Алексѣевича, вручила со слезами вышепомянутому полковнику Сухореву въ сохранение здоровья ево, государева, и пожаловала оному Сухареву свой шелковой зеленой таётяной платокъ. И оной вышепомянутой Сухаревъ, принявъ государя за ручку, и вывелъ изъ полаты и привелъ къ своимъ лошадямъ, а человека отослалъ яко-бы за какимъ деломъ, и его, государя царя Петра Алексѣевича, посадя на свою лошадь, а самъ селъ на человѣка своего лошадь, и поехали въ глухую полночь съ государемъ, безъ ведома всехъ бояръ ближнихъ и комнатныхъ изъ Москвы, чрезъ оныхъ злыхъ умышленныхъ стрелцовъ, въ Троицкой монастырь. И оной полковникъ Сухаревъ своему полку приказалъ итти къ Троице за государемъ. И оные стрелцы оного Сухарева полку, ихъ величеству верныя, съ поспешениемъ великимъ за ними пошли, и не во многія часы въ оной же монастырь прошли. И многія бояра и ближнія люди уедавъ о томъ, въ самой скорости за ихъ величествомъ въ тотъ Троицкой монастырь изъ Москвы пришли.... Царевна Софья Алексѣевна, уедавъ о незапномъ шествии его, царскомъ, но и паче тѣшко совестию своею утесняема попремного, начала быть во многомъ смущении, а ближние ея люди и стрелцы—въ великомъ страхе, видя та тайная ихъ бывшая намеренная объявилася, и изъ того имъ последованіе зело уже злополученное... (парагр. 140—141).

¹⁾ Вѣроятно, полукафтанецъ надѣвалъ Петръ, когда ложится спать.

²⁾ Выраженіе это обличаетъ современную записку, сдѣланную вскорѣ по усмирении бунтовъ, не позже пачала XVIII в., которая и была использована переписчикомъ соч. Матвѣева.

По томъ же времени въскоре къ ней, царевне, присланы были два полковника стрелецкихъ полковъ, одинъ вышепомянутой полковникъ Лаврентей Панкратьевъ сынъ Сухоревъ, а другой оныхъ же стрелецкихъ полковъ полковникъ Иванъ Нечаевъ, чтобъ она, Царевна, ничемъ не отговаривалася, отдала вора Щекловитова. Когда оные полковники стали у нее, царевны, просить онаго Щекловитова, и оная царевна въ то время на его; полковника Сухорева, разгневалась и сказала ему: ведаешь ли, что я тебе велю голову отсечь; и онъ ей на то отвѣтствовалъ: воля вашего царьскаго величества, я вашъ общей холопъ верной, и не причина мне за верность мою къ вамъ, государямъ моимъ, голову свою потерять; а государь же мне велитъ за неисправность мою приказу ево голову же отсечь; того ради его величество приказалъ у васъ просить, чтобъ ево, Щекловитова, ѳтдать, а государь въ винѣ его прощаетъ, токмо бы принесъ извинение. И особливою приказъ былъ чрезъ оныхъ же полковниковъ государя царя Іоанна Алексѣевича... Хотя она, царевна Софія Алексѣевна, всяческими отговорками выручая его, Щекловитаго, якобы онъ невиненъ и ложно на него нанесено, — тогда везде въ своихъ хоромахъ тайно ево, Щекловитова, укрывала, однако же велела въ запасъ всехъ христіанскихъ тайнъ его сподобить... Въ тотъ же самой часъ отъ его, государя царя Іоанна Алексѣевича, присланъ былъ къ ней, царевне Софіи Алексѣевнѣ, дятка его, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, въ крепкихъ словахъ говорить ей, чтобы она болше не отговаривалася отнюдь ничемъ, того Щекловитого присланнымъ полковникамъ Сухореву и Нечаеву отдать велела вместе зъ другими стрелцами, воровству тому сообщники; ибо де онъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, ни для ея самой царевны ни о чемъ съ любезнымъ своимъ братомъ государемъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ ссоритца не будетъ, а нетокмо для такого вора Щекловитаго... (парагр. 149—151).

Тогда видевъ она, царевна, прямую стороны своей упадлую слабость и крайнѣе безмощество и что никакими уже меры у себя его, Щекловитаго, болше удержать ей было невозможно, принуждена была она съ великими слезами его, Щекловитаго, и сообщниковъ ево въ руки вышеименованнымъ полковникамъ ѳтдать. По малыхъ дняхъ оне, полковники его, вора Щекловитого, и сообщниковъ его воровъ же, полковника Семена Юрьева сына Резанова да выборныхъ стрелцовъ Оброску Петрова и Куску Чермнаго съ протчими въ монастырь тотъ

за крепкимъ карауломъ привезли, въ которой день и въ тотъ монастырь у воротъ безчисленное собрание народу было, и пыль такая стала, что едва возможно было отъ той пыли одному другому увидеть, и та встреча была ему, Щекловитому, отъ народа съ великими укоризнами и ругательствомъ (парагр. 149—153).

... И тако до конца весь тотъ злой и строптивый родъ и чинъ ихъ стрѣлцкой ищесь, по пророческому и збывающемуся тогда прямо отца пророка Давыда глаголу: плодъ ихъ отъ земли погубяши и семена отъ сыновъ чelовѣческихъ. Токмо одинъ полкъ стрѣлцкой Лаврентя Панъкратьева сына Сухорева, который прежде и после не былъ въ техъ заговорахъ, (не былъ) разосланъ по городамъ и роскасованъ по салдацкимъ полкамъ. А съезжие ихъ стрелецкие все были сломаны, токмо одна оставлена полковника Сухорева заверную ево къ его величеству службу въ роды родовъ, на которой ныне—школы“ (парагр. 186).

Очевидно, переписчикъ-компиляторъ разумѣлъ здѣсь заведеніе математическихъ и навигацкихъ искусствъ ученія, учрежденное указомъ 14 января 1701 г. и переведенное 23 іюня изъ мастерскихъ палатъ (Полотняный дворъ въ Кадашевѣ на Замоскворѣчьи) въ Срѣтенскую или Сухареву башню, которая устроена и отведена подъ заведеніе, со всѣми бывшими при ней строеніями и землею. Сухарева башня находилась въ сѣверной части Москвы, на окружавшемъ столицу земляномъ валу. Во время стрѣлцкихъ бунтовъ тамъ расположенъ былъ полкъ Лаврентя Сухарева. По имени его урочище получило названіе „Сухарево“. Устряловъ, подъ 1682 г., выразился, что „у Живоначальной Троицы въ Листахъ была послѣ воздвигнута Сухарева башня“¹⁾. Въ книгѣ Приказа Большого Дворца за 1701 г. упоминается полкъ стольника и полковника Лаврентя Сухарева за Срѣтенскими воротами Земляного города, при церкви Живоначальныя Троицы²⁾. Судя по надписи на башнѣ, сооруженіе ея завершено въ 1695 г. Въ третьемъ ярусѣ ея помѣщались классныя комнаты навигаціонной школы и рапирный залъ, гдѣ ученики занимались фехтованіемъ. Планъ школы составлялъ самъ Петръ и приглашенный имъ на русскую службу профессоръ Абердинскаго университета Фарварсонъ. Школа состояла въ вѣдѣніи Оружейной Палаты. Учите-

¹⁾ Ист. царств. Петра Вел., т. I, 19.

²⁾ Сб. Есипова, т. II, 182.

лями были, кромѣ Фарварсона, Гринъ и Грейсъ. Наблюдалъ за школой Леонтій Магницкій. Къ 1703 г. учениковъ всѣхъ числилось 200 ¹⁾). Съ учрежденіемъ въ Петербургѣ (1715 г.) Академіи для ученія гардемариновъ, она ввѣрена была главному начальству автора Записокъ о стрѣльцкихъ бунтахъ, Андрея Матвѣева. Сухарева башня служитъ до сей поры безмолвной свидѣтельницей постоянной преданности царю Лаврентію Сухареву и его полка.

Удостовереніе моего списка о наградахъ, пожалованныхъ Сухареву и его подчиненнымъ, подтверждается официальными актами. Вслѣдъ за подавленіемъ бунта 1689 г. Сухаревъ и его подчиненные были осыпаны щедрыми царскими милостями. 13 сентября 1718 г. полковникъ Лаврентій Сухаревъ получилъ въ подарокъ „портище обьяри“, и „достальныя (матеріи) посланы въ с. Преображенское“, вѣроятно для раздачи разнымъ чинамъ полка. Указомъ 16 сентября велѣно выдать полковнику Лаврентію Панкратьеву сыну Сухареву въ награду по случаю Троицкаго похода 100 рублей ²⁾). 31 октября того же года государи... Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ пожаловали стольника и полковника Лаврентія Сухарева и его полка подполковника, нынѣ полковника Ивана Спѣшнева, капитановъ, пятисотныхъ, пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ за ихъ многую вѣрную и радѣтельную службу. Въ прошломъ 197 (т.-е. 1717) году, августа 8, въ селѣ Преображенскомъ они стояли на стѣнномъ караулѣ, и ночью противъ того числа изъ села Преображенскаго шли они, Лаврентій съ полчанами и съ стрѣльцами, за великимъ государемъ... Петромъ Алексѣевичемъ, какъ ему учинился походъ отъ воровъ-измѣнниковъ, отъ Федьки Шакловитаго съ товарищами, безвременно, до Троицкаго монастыря, пѣшими скоро, и въ Троицкомъ монастырѣ были до его указу и его здоровье оберегали и повелѣніе его исполняли, и во всемъ многую свою вѣрную службу показали, и къ ворами и измѣнникамъ не приставали, и воровскихъ ихъ прелестныхъ словъ не слушали, велѣли имъ дать: полковнику Лаврентію Сухареву бархатъ венецейскій, мѣрою 10 аршинъ, обьярь двойную, мѣрой 5 аршинъ, атласъ, мѣрой 10 аршинъ“. Остальнымъ пожалованы менѣе дорогія матеріи ³⁾). Кромѣ того, указомъ 27 октября, бывшимъ въ походѣ за Петромъ изъ с. Преображенскаго до

¹⁾ Сольевъ: И. т. Рос. т. XV, гл. 2. Ср. очерки Веселаго.

²⁾ Сб. Еспова т. I. № 367, стр. 90 и т. II, стр. 346.

³⁾ Тамъ же, т. I, № 396, стр. 97.

Троицкаго Сергіева монастыря 8 августа стремяннымъ конюхамъ Армаметову, Корскову и Борисову пожаловано по 5 рублей да стадному конюху Андрееву 2 рубля. Въ числѣ лицъ, которымъ дано жалованье 11 марта 1690 г. „для всемирныя радости рожденія царевича Алексѣя Петровича“, значится „полковникъ на Москвѣ“ Лаврентій Сухаревъ ¹⁾.

Указъ отъ 30 декабря 1689 г., изданный чрезъ 3½ мѣсяца послѣ казни Шакловитаго, устанавливаетъ, что полкъ Лаврентія Сухарева сопровождалъ Петра отъ Москвы до Преображенскаго, а оттуда въ Троицко-Сергіевскую лавру. Документъ гласитъ, что государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, при объѣздѣ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, священникамъ и причетникамъ, въ приходѣ церкви св. Троицы, въ пожалованіе московскихъ стрѣльцовъ стольника и полковника Лаврентія Сухарева полка, велѣли выдать денежные и хлѣбныя руги и сукна. Награда получена „за ихъ отмѣнную и радѣтельную службу“, за то, что они „пошли въ походъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь за нимъ, великимъ государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, съ Москвы, съ поспѣшеніемъ, для обереганія его и всего его государскаго дому здоровья. Потому извѣстно ему учинилось отъ подлинныхъ людей, что воры и измѣнники умышляли надъ нимъ, великимъ государемъ, и надъ его государскимъ домомъ воровское и злое дѣло, и былъ тотъ полкъ весь при немъ въ пути отъ Москвы до монастыря и въ монастырѣ неотступно“ ²⁾. Теперь ясно, откуда съ самаго начала полкъ Лаврентія Сухарева направился въ Троицко-Сергіевую лавру, чего Устряловъ не могъ объяснить ³⁾. Въ продолженіе всего похода Сухаревъ полкъ со своимъ командиромъ находился при Петрѣ въ качествѣ охранной стражи. Явившіеся въ Преображенское съ донесеніемъ о движеніи бунтовщиковъ Мелновъ и Ладогинъ иначе не могли оповѣстить Петра какъ чрезъ полковника Сухарева. Естественно, что Сухаревъ тотчасъ же позаботился отвезти Петра въ безопасное мѣсто. Изъ показанія псаломщика Антона Муромцова и др. Погодинъ заключилъ, что по бѣгствѣ Петра послано было распоряженіе звать стрѣльцовъ Сухарева полка въ походъ къ Троицѣ ⁴⁾.

¹⁾ Сб. Есипова, т. I, № 391, стр. 95 и № 436, стр. 107.

²⁾ Тамъ же, т. I, № 418, стр. 103—104.

³⁾ Ист. царств. Петра В., т. II, стр. 60.

⁴⁾ Перв. 17 лѣтъ жизни Петра, ч. 2, стр. 185.

Показаніе Муромцова не хорошо понято Погодинымъ. По словамъ Муромцова: „А какъ де великій государь изволили итти изъ села Преображенскаго скорымъ походомъ (въ одной сорочкѣ) и той ночи Лаврентьева полку Сухарева пятидесятникъ Алексѣй Севастьяновъ въ слободѣ (Нѣмецкой) ночевали, и поутру въ той слободѣ начали кликать остаточныхъ (остальныхъ) и спусковыхъ (отпускныхъ) стрѣльцовъ, чтобы шли въ походъ“... Нѣмецкая слобода находилась близъ села Преображенскаго. Тамъ и оставался ночью на 8 августа Севастьяновъ съ небольшимъ отрядомъ, вѣроятно для караула. Узнавъ о бѣгствѣ царя, онъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ присоединиться къ полку. Погодинъ довѣрялъ извѣстію проживавшаго въ Нѣмецкой слободѣ генерала Гордона о существовавшемъ намѣреніи скрыть до поры бѣгство Петра и объ обстоятельствахъ самаго бѣгства: „Узнавъ о сборищѣ стрѣльцовъ въ Кремлѣ для движенія, по повелѣнію, съ оружіемъ на Преображенское съ цѣлью убить Нарышкиныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ, Петръ вскочилъ съ постели и бросился раздѣтый въ конюшню. Тамъ осѣдлали ему коня и онъ отъѣхалъ въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ, одѣвъ принесенное ему платье, поскакалъ опроретью, въ сопровожденіи тѣхъ, кто могъ и готовъ былъ слѣдовать за нимъ, въ Троицкій монастырь. Туда Петръ прибылъ утромъ 8 числа въ 6 часовъ совершенно изнеможенный отъ утомленія и рассказалъ обо всемъ со слезами настоятелю монастыря, прося защиты¹⁾. На предложенный чрезъ два дня Софьѣ вопросъ она отвѣтила, что собрала около себя стрѣлецкую стражу, желая отправиться на богомолье. Историки вообще дорожатъ Гордоновою записью. Она не утрачиваетъ значенія и поддается развитію при помощи замѣчательныхъ мелочей, сохраненныхъ приведенною выдержкою изъ моего списка соч. Матвѣева. Тотъ же дневникъ Гордона удостовѣряетъ, что Сухаревъ полкъ порывался и испрашивалъ позволеніе Петра двинуться на мятежниковъ въ Москву, но государь удержалъ его при себѣ²⁾. И такъ, рассказъ Соловьева о бѣгствѣ Петра съ постельничимъ Гаврилою Головкинымъ, карлою и однимъ изъ извѣтниковъ стрѣльцовъ подлежитъ исправленію, какъ и рассказы остальныхъ историковъ. Въ приговорѣ отъ 11 сентября о

¹⁾ Тамъ же, стр. 183—185.

²⁾ Матвѣевъ аттестуетъ Гордона какъ мужа цѣломудреннаго, бывшаго всегда вѣрнымъ царскимъ слугою.

казни Шакловитаго и его сообщниковъ означено, что Шакловитый, „сбравъ стрѣльцовъ на Лыковъ дворъ и въ иныхъ мѣстахъ скрытно, посылалъ по вел. государя въ другомъ часу ночи противъ 8 августа къ Преображенскому селу провъдывать и ожидать вѣдомости“. Передъ тѣмъ „приказывалъ стрѣльцамъ, для убійства государя и царицы Натальи Кирилловны, нарочно произвести пожаръ“. Обстоятельства изложены въ приговорѣ довольно небрежно, но несомнѣнно, что попытки убить Петра повторялись неоднократно—„по многія времена московскими стрѣльцами, которые у него жъ вора были на такое дѣло приготовлены,—(Шакловитый) приказывалъ по ночамъ быть въ Кремлѣ на площади въ иныхъ мѣстахъ съ саблями, вскрытѣ, поблизку Краснаго крыльца“. Пребывая въ Троицкомъ монастырѣ, стрѣльцы Сухарева полка исполняли экстренныя распоряженія Петра. Одно изъ нихъ занесено въ книгу. Пятидесятникъ названнаго полка Аверкій Ивановъ на лошади стрѣлецкаго капитана Фильки Сапогова изъ Троицкаго объѣзда, по государеву указу, посылался къ Москвѣ ловить вора Демку Лаврентьева, надорвалъ лошадь и она подъ нимъ пала, за что ему выдано 10 рублей¹⁾. По годинъ недоумѣвалъ—почему въ жалованной грамотѣ 1689 г. не упомянуты въ числѣ награжденныхъ за службу Сухарева полка пятисотный Василій Бурмистровъ и пятидесятникъ Иванъ Борисовъ²⁾, упустивъ изъ виду, что они могли получить награды въ силу особыхъ указовъ. Подобный указъ былъ данъ 1 марта 1691 г. „стольника и полковника Лаврентьева полку Сухарева пятисотному Василю Бурмистрову—камки да атласу по 10 аршинъ. Апрѣля 1: Василю Бурмистрову—пара соболей, цѣною въ 10 рублей³⁾“, и т. д.

Благоволеніе Петра къ нѣкоторымъ стрѣльцамъ Стремяннаго полка Цыклера за похвальное рвеніе къ обнаруженію заговора на жизнь царской семьи знаменуютъ высочайшіе указы 29 октября и 12 декабря 1689 г. о выдачѣ по тысячѣ, всего 7000 рублей, пятисотному Ларіону Елизарову, пятидесятникамъ Ипату Улфову, Дмитрію Мелнову и десятникамъ Федору Турку, Якову Ладогину, Михаилу Феоктистову и Ивану Троицкому; деньги выданы въ два пріема, по 3500 р., вмѣсто торговыхъ помѣщеній, отведенныхъ имъ по ихъ ходатайству

¹⁾ Сб. Есипова т. I, стр. 104.

²⁾ Перв. 17 лѣтъ жизни Петра, стр. 34 и прим. 55.

³⁾ Сб. Есипова, т. I, стр. 289.

и взятыхъ въ казну. Награждены были денежными выдачами также стрѣльцы, содѣйствовавшіе поимкѣ Селивестра Матвѣва, Никиты Гладкаго и др. единомышленниковъ Федьки Шакловитаго ¹⁾. — Имя Лаврентія Сухарева послѣдній разъ встрѣчается подъ 1695 г.: 23 сентября того года въ числѣ разныхъ воинскихъ частей являлись князю Федору Юрьевичу Ромодановскому шесть командъ стрѣлецкихъ. Съ четвертой командой шелъ полковникъ Лаврентій Сухаревъ. Изъ Москвы Сухарева команда вмѣстѣ съ прочими пошла подъ Кожухово по Тверской улицѣ, чрезъ Тверскія ворота, съ Тверской, чрезъ Неглинную, въ Воскресенскія ворота, отъ Воскресенскихъ воротъ въ Никольскія ворота, а отъ Никольскихъ воротъ чрезъ Боровицкій каменный мостъ. 27 апрѣля, когда Петръ изъ Преображенскаго выступилъ со всюю пѣхотою, то начальными людьми шли стрѣлецкіе полки, первымъ шелъ полкъ во главѣ съ Лаврентіемъ Сухаревымъ ²⁾. Ранѣе же, при нарядахъ на дворцовую церемонію въ 1686 г., полкъ Сухарева занималъ шестое мѣсто, хотя еще въ 1683 г. „изъ хоромъ вел. государя Петра Алексѣевича стольникъ Василій Алексѣевъ сынъ Соковнинъ выдалъ полку образцовое знамя, писанное золотомъ и серебромъ“ ³⁾. Знамя это хранится въ Московской оружейной палатѣ.

Любопытныя свѣдѣнія, сообщаемыя моимъ экземпляромъ Записокъ Матвѣва о подвигѣ, ночью на 8 августа 1689 г., полковника Лаврентія Сухарева внушаютъ къ себѣ симпатію по ихъ искренности, простотѣ и отсутствію въ нихъ претензіи на мишурныя прикрасы, или слѣдовъ пристрастія къ Сухареву. Если благодаря его неусыпнымъ заботамъ молодой Петръ былъ избавленъ отъ смерти, на которую, по собственному признанію царя, его обрекли бунтовщики, то спрашивается, почему же объ этомъ умолчали Желябужскій, Гордонъ и др. современники? Думаю,—потому, что Сухаревъ, сначала повинувшись инструкціи хранить тайну побѣга (Гордонъ), потомъ изъ скромности или инымъ уважительнымъ причинамъ, избѣгалъ разглашенія непосредственнаго своего участія въ спасеніи государя, а знали о подвигѣ немногіе, окружавшіе государя, также какъ и объ арестованіи Сухаревымъ совмѣстно съ полковникомъ Нечаевымъ измѣнника Шакловитаго. Однако, у всѣхъ сложилось убѣжденіе, что „злодѣйство не далече было отъ самаго

¹⁾ Сб. Есипова, т. I, стр. 93—96 и 102.

²⁾ Сахаровъ: Зап. Желябужскаго, стр. 16 и 21.

³⁾ Сб. Есипова, т. I, № 302 и 183.

крайняго дерзновенія¹⁾, и что оно было предотвращено самоотверженными усиліями оставившихся вѣрными Петру стрѣльцкихъ чиновъ. Сухаревъ поступалъ по совѣту князя Бориса Алексѣевича Голицына (см. выдержки изъ моего сп.). По словамъ Гордона, князь Голицынъ былъ главнымъ распорядителемъ у Троицы по прибытіи туда. Къ скорому походу изъ Преображенскаго въ Троицко-Сергіевъ монастырь подбили вел. государя князь Борисъ Алексѣевичъ да бояринъ Левъ Кирилловичъ²⁾. Исключительныя данныя о Сухаревѣ могли быть извлечены компиляторомъ-переписчикомъ изъ случайно забытаго имъ письменнаго либо устнаго источника. Къ прискорбію, Петру не суждено было дождаться „Гисторіи“ своей отъ ребяческихъ потѣхъ до начала войны съ Швеціей. Будь эта Гисторія написана до его кончины, то вѣроятно онъ занялся бы съ такою же любовью ея исправленіемъ и дополненіемъ, съ какою исправлено и дополнено имъ Разсужденіе о причинахъ войны съ Швеціей, и раскрылъ бы намъ всѣ обстоятельства внезапнаго бѣгства своего изъ Преображенскаго въ Троицко-Сергіевъ монастырь.

Страдавшій болѣзненною горячностью Петръ Великій слишкомъ поторопился преклонить на плаху заносчивую голову Петра Павловича Шафирова, оказавшаго ему незабвенныя услуги на поприщѣ политическомъ (напр. Прутскій договоръ) и литературномъ (Разсужденіе о причинахъ войны съ Швеціей)³⁾. Доброе имя Шафирова Петръ омрачилъ унизительной карой за дерзновенное нарушеніе закона (имя Шафирова красуется въ зеркалахъ судебныхъ мѣстъ). Хотя по царскому снисхожденію голова Шафирова уцѣлѣла, но самъ Петръ уже не могъ бы извлечь изъ нея ничего для „Гисторіи“ полезнаго. Лишь Екатерина I, въ ея кратковременное царствованіе, при могучей помощи Сената, возстановила репутацію выдающагося государственнаго дѣятеля, довѣрительно обявавъ Шафирова описать

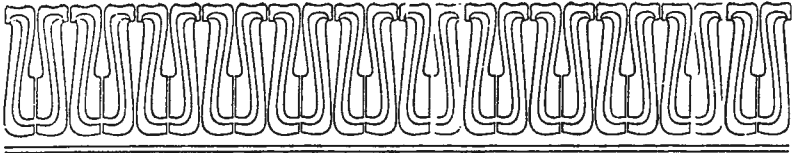
1) Мой списокъ Ист. Петра Вел. 1725—1727 г., стр. 190.

2) Слѣдств. произв.: Показ. Оброски Петрова со словъ Шакловитаго.

3) Галемъ писалъ: „Заслуги и достоинства Шафирова были всѣмъ извѣстны. Его благоразуміемъ отвращена была опасность, угрожавшая Петру и Россіи при Прутѣ. Его стараніямъ и удачнымъ дѣйствіямъ въ Константинополь обязано было государство сохраненіемъ заключеннаго съ турками мира. Въ опытности по дѣламъ дипломатическимъ съ восточными народами и въ знаніи россійской торговли, какъ свидѣтельствовали о томъ находившійся въ Москвѣ турецкій посланникъ и голландскій резидентъ Вильде, не было ему равнаго“ (Жизнь Петра Вел., изд. 1813 г., ч. III, стр. 54).

тревожныя событія юношескихъ лѣтъ покойнаго супруга. — Пусть имя Шафирова, несмотря на его происхожденіе, напоминаетъ всѣмъ и каждому одного изъ лучшихъ мужей Русской земли XVIII вѣка. Что же касается полковника Лаврентія Панкратьевича Сухарева, воодушевившаго свой стрѣлецкій полкъ на „вѣрную и радѣтельную службу“, то онъ своею непоколебимою преданностью царю и отечеству стяжалъ себѣ славу, увѣковѣченную Петромъ пощадой стѣзжей избы Сухарева полка, созданіемъ ему памятника изъ главной части этой избы, донинѣ носящей названіе Сухаревой башни, и обращеніемъ ея въ разсадникъ доблестныхъ русскихъ моряковъ.

Сообщилъ **А. В. Лонгиновъ.**

Послѣдніе дни жизни императора Александра I и его кончина въ Таганрогѣ, по письму камердинера Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину.

„Еще важнѣе было бы предъявленіе документа отъ кого-либо изъ лицъ, находившихся въ Таганрогѣ“.

(В. Г.—„По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I“).

7 апрѣля 1915 года въ архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи было передано ея дѣйствительнымъ членомъ— Д. Н. Соколовымъ письмо Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину. Письмо это, по словамъ Д. Н. Соколова, пожертвовано г-жею Е. А. Эверсманъ и написано царскимъ камердинеромъ.

„Перечитайте документы, говоритъ князь В. В. Барятинскій, относящіяся къ роковому утру 19-ноября, и вы не сможете отвѣтить даже на слѣдующіе три (казалось бы важные) вопроса:

1. При какихъ обстоятельствахъ скончался Александръ—спокойно или въ мученіяхъ? Въ сознаніи или безъ сознанія?

2. Кто присутствовалъ при кончинѣ? Одна ли императрица или еще кто-нибудь? и если кто-нибудь, помимо ея, присутствовалъ, то кто именно?

3. Какъ держала себя императрица послѣ кончины ея супруга? Спокойно или нѣтъ? Плакала или нѣтъ? Ушла-ли она изъ комнаты сама или съ ней сдѣлался обморокъ и ее вынесли?

Къ этимъ тремъ вопросамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ: когда точно скончался государь въ 10 ч. 45 мин. или въ 10 ч. 50 м.“¹⁾

¹⁾ Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I—Федоръ Козьмичъ)“, кн-во „Прометей“, стр. 58.

Такъ какъ письмо Папкова — прямо или косвенно даетъ отвѣтъ, за исключеніемъ перваго, на всѣ остальные поставленные вопросы, то уже этимъ однимъ достаточно опредѣляется его историческая цѣнность и научный интересъ. Но кромѣ того въ письмѣ Папкова имѣются еще и другія подробности, которыя не были извѣстны ранѣе и которыя, быть можетъ, помогутъ уясненію запутаннаго вопроса о таинственной кончинѣ императора Александра I...

Что же касается подлинности письма, т. е. принадлежности его тому лицу, которому оно приписывается, то сомнѣваться въ этомъ, кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній. Написано письмо 23 ноября 1825 года, т. е. подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти государя Александра I, и на бумагѣ, имѣющей такіе водяные знаки: „У. Ф. Л. П.“ (на первой половинѣ листа) и „1825“ (на второй половинѣ). Какъ камердинера, автора интересуесть преимущественно, — когда государь былъ въ одномъ мундирѣ и когда надѣлъ шинель, когда онъ потребовалъ мѣхъ подъ ноги и когда надѣлъ мѣховую шинель, когда выпилъ пуншу и сколько было поставлено ему пѣявокъ и т. п. Стилъ письма и правописаніе автора изобличаютъ въ немъ человѣка малограмотнаго и непривыкшаго къ литературному изложенію своихъ мыслей, какъ это и свойственно человѣку того положенія, которое занималъ авторъ. Въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ московскому коменданту Веревкину, — сказать не беремъ опредѣленно, но, какъ можно догадываться, между ними существовала какая-то дружба, и письмо отъ 23 ноября не было первымъ...

Почеркъ письма ровный, близкій къ канцелярскому¹⁾, и безъ помарокъ. Подчистокъ тоже нѣтъ. Чернила выцвѣли и пожелтѣли, но не настолько, чтобы затруднить чтеніе письма²⁾. Кто-то попытался было впослѣдствіи, на что указываетъ сравнительная свѣжесть чернилъ, восполнить пунктуацію автора, но благодаря примитивности изложенія, такъ запутался въ этомъ, что не довелъ дѣло до конца и бросилъ свою попытку, какъ совершенно непосильную и бесполезную... При копиро-

1) Авторъ письма, повидимому, прежде, чѣмъ поступить въ царскіе камердинеры, служилъ полковымъ или какимъ-нибудь другимъ писаремъ. За это говорятъ отчасти причудливыя завитки на большихъ буквахъ и нѣкоторыя вычурныя выраженія, которыя встрѣчаются въ письмѣ Папкова и которыми онъ, очевидно, нѣсколько щеголяетъ.

2) Владѣльцы письма, какъ видно, очень дорожили имъ и тщательно берегли его.

ваніи письма мы намѣренно выпустили всѣ эти новые, совсѣмъ несвойственные автору, знаки препинанія и возстановили прежнюю его простоту и безыскусственность.

Вотъ оно во всей своей первоначальной цѣлости и неприкосновенности.

„Московскому Коменданту Веревкину

Таганрогъ 23 Ноября.

Ужасная вѣсть о кончинѣ Государя дошла уже до васъ любезныя мои Николай Никитичъ и Аграфена Ѳедоровна, то мнѣ остается теперь сказать ¹⁾ Вамъ о некоторыхъ подробностяхъ сего постигшаго насъ нещастія такъ судьбѣ угодно было, что Государь на убѣжденія согласился и отправился въ крымъ ²⁾ 27 октября въ Горахъ близъ Алуштъ ³⁾ Государь проѣзжая верхомъ безпрестанно долженъ былъ или опущатся съ Горъ или подниматся на Горы у подошвъ Горъ было очень жарко, а выше очень холодно и чемъ выше холоднѣе; была же къ тому жестокая буря. Государь безпрестанно внизу снималъ фурашку и обтирался; какъ чрезъ минуту поднявшись на Высоту чувствовалъ противное въ тотъ же день чрезъ байзарскую (sic) долину ⁴⁾ проѣзжая въ Севастополь остановился надорогѣ и отправился въ Георгіевской Монастырь верхомъ съ 2 Татарами и переводчикомъ въ 5 верстахъ отъ дороги—Уже смеркалось и было уже очень холодно ⁵⁾; Спрашивали не-

¹⁾ Это слово было пропущено авторомъ и вставлено послѣ надъ строкой, повидному, кѣмъ-либо изъ читателей письма.

²⁾ По словамъ кн. В. В. Барятинскаго, государь Александръ Павловичъ „уѣхалъ сперва въ Землю Войска Донскаго (съ 11 по 15 октября), а затѣмъ въ Крымъ по просьбѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа (впоследствии свѣтл. князя) М. С. Воронцова“. („Царственный мистикъ“, стр. 23—24).

³⁾ Алушта—дер. на южн. берегу Крыма, въ 30 верстахъ отъ Ялты.

⁴⁾ Очевидно, чрезъ Байдарскую долину. „Побывъ у Воронцова въ Алупкѣ, пишетъ кн. Барятинскій, Александръ верхомъ поѣхалъ въ Байдары, гдѣ сего ожидалъ экипажъ и обѣдъ“. („Царственный мистикъ“, стр. 25).

⁵⁾ „Изъ Балаклавы, пишетъ Н. К. Шильдеръ, императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до мѣста, откуда идетъ дорога въ Георгіевскій монастырь. Тамъ онъ опять сѣлъ на лошадь, въ мундирѣ, безъ шинели, отпустилъ свиту въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдъегеря Годафроя, отправился въ монастырь въ сопровожденіи одного татарина.

Это было 27 октября (8 ноября) въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ и настала чувствительный холодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевскій монастырь, и такимъ образомъ утомительные переѣзды 27 октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельнаго недуга“. (Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, С.-Петербургъ 1897 года, т. IV, стр. 370).

угодно-ли надѣтъ Шинель или бурку ненада и отправился отсюда возвратился чрезъ 2 Часа вставъ съ лошади и сказалъ очень холодно и что онъ озябъ; надѣлъ Шинель, Селъ въ коляску и отправился въ Севастополь куда уже прибылъ въ 9 часовъ вечера, на другой день такъ же въ одномъ мундирѣ былъ припорадѣ, при спускѣ Судна на Александровской батарее потомъ на морѣ И все сіе очень поздно кончилось замѣтили перемѣну въ лицѣ онъ не жаловался на балъ непоѣхалъ а отказался¹⁾ въ бакчисараѣ²⁾ назововѣ³⁾ иперекопѣ⁴⁾ замѣтили, что онъ такъ сказать очень не посебѣ; въ Ореховѣ⁵⁾ уже самъ сказалъ, что немного нездоровъ, а въ Мариуполѣ⁶⁾ за 125 верстъ дотаганрога недоѣзжая наночлегѣ позвалъ вилліе⁷⁾ сказалъ, что чувствуетъ ознобъ, и что намеренъ выпить пуншу, чтобъ пропотеть выпилъ пуншу укутался, но не успелъ⁸⁾. 5 Ноября подъ ноги потребовалъ мѣхъ и надѣлъ мѣ-

1) „День 28 октября, пишетъ д-ръ Тарасовъ, государь посвятилъ осмотру укрѣплений, флота, морского госпиталя и казармъ; затѣмъ былъ большою объѣдъ у Императора, и въ наружности Императора не было замѣтно никакой неблагоприятной перемѣны“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 27).

2) „На другой день, 29 октября, говоритъ тотъ же д-ръ Тарасовъ, Александръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣлъ тамъ укрѣпленія и затѣмъ проѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ“. (Тамъ же).

3) Что нужно разумѣть подъ этимъ,—мы затрудняемся сказать. Такого названія мы нигдѣ не нашли.

4) Перекопъ—уѣздный городъ Таврической губерніи. „2 ноября онъ (Императоръ Александръ), пишетъ д-ръ Тарасовъ, ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 28).

5) Орѣховъ—безуѣздный городъ Таврической губерніи. „На слѣдующій день 4 ноября, говоритъ д-ръ Тарасовъ, Государь принималъ въ Орѣховѣ вызванныхъ имъ туда екатеринославскаго гражданскаго губернатора и архіепископа Феофила“. (Тамъ же, стр. 31).

6) Мариуполь—портовый и уѣздный городъ Екатеринославской губерніи. „Сдѣлавъ обоимъ (екатеринославскому гражданскому губернатору и архіепископу Феофилу), пишетъ д-ръ Тарасовъ, соответствующее внушеніе, онъ (государь) выѣхалъ въ Мариуполь, куда и прибылъ въ 7 часовъ вечера“. (Тамъ же).

7) Яковъ Васильевичъ Вилліе, баронетъ и лейбъ-медикъ императора Александра I.

8) 4-го ноября „въ 10-мъ часу вечера“ въ Мариуполѣ государь, по словамъ д-ра Тарасова, потребовалъ къ себѣ лейбъ-медика Вилліе, который нацель его „въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма. Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ

ховую Шинель¹⁾ на станціи за обѣдомъ сказалъ, что чувствую лихорадку крымскую: 125 верстъ дотаганрога онъ все засыпалъ и послѣднюю станцію Эдва двигались такъ тяжело ему ѣхать, что онъ безпрестанно спрашивалъ сколько верстъ осталось? но наголову не жаловался, приѣхалъ въ 7 часу вечера²⁾ никого не принималъ на другой день началъ было одѣваться ходить пешкомъ но немогъ³⁾ потомъ хужѣ и хужѣ 8-го числа Коротинское письмо написалъ Въ С:П: бургъ къ Императрице⁴⁾ даліе все хужѣ но какъ неуговаривали лекарство не принималъ⁵⁾ 15 рано по утру принялъ предложеніе Императрицы

крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложили его въ постель и покрыли сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 31).

¹⁾ „5-го ноября, пишетъ тотъ же д-ръ Тарасовъ, послѣ сильнаго пароксизма, по утру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятому утра въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьей полостью въ теплой шинели, отправился изъ Маріуполя“. (Тамъ же).

²⁾ „Приѣздъ въ Таганрогъ, говоритъ князь В. В. Барятинскій, состоялся въ 7-мъ часу вечера 5-го ноября“. (Тамъ же, стр. 32).

³⁾ „Относительно ночи съ 5-го на 6-е (ноября) Вилліе въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Ночь прошла дурно. Отказъ принять лѣкарство. Онъ (государь) приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій“. (Тамъ же, стр. 33).

⁴⁾ За 8-е ноября кн. П. М. Волконскій пишетъ въ своемъ дневникѣ, „Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государинѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ, запретивъ писать о его болѣзни“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 34).

⁵⁾ За 14-е ноября тотъ же кн. Волконскій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и его величество дѣлалъ весь свой туалетъ и брился, какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея къ головѣ замѣтно покраснѣла, почему г. Вилліе и Стоффрегенъ (другой лейбъ-медикъ) предложилъ его величеству поставить за уши пиявки; но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но совсѣмъ отказалъ, отсылалъ даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы и безъ того разстроены, которые бы должны стараться успокаивать и не умножать раздраженіе ихъ пустыми лѣкарствами. Въ 8 часовъ вечера, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели, отъ чего сдѣлался ему сильный обморокъ; видя его упрямство, я при ея величествѣ сказалъ докторамъ, что почитаю однимъ средствомъ склонить государя на принятіе лѣкарства и приставленіе пиявокъ — предложить его величеству причащеніе св. тайнъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣ-

исповѣдывался и приобщился когда священникъ приобщилъ то вставъ на колени сказалъ что онъ уврачевалъ душу и просилъ отъ церкви и отъ народа, чтобъ онъ согласился врачевать тело Есть ли надобно то я согласенъ отвѣчалъ и тутъ сказалъ теперь я вижу, что опасно буленъ (sic); пустили 50 пѣявокъ сдѣлалось полѣгчѣ¹⁾ но потомъ опять хужѣ горчица неспособила²⁾ 16 былъ безъ чувствъ приложилъ у затылка мушку было полѣгчѣ, проговорилъ³⁾ 18-го почти не

стѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе пѣявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство отъ лихорадки почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковыя преложенія. Государыня, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его величеству приобщиться..... Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильный потъ, почему доктора положили повременить причащеніемъ, пока потъ будетъ продолжаться, я между тѣмъ занялся наставленіемъ священника соборной здѣшной церкви, отца Алексѣя Ѳедотова*. (Тамъ же, стр. 47).

¹⁾ Въ дневникѣ кн. Волконскаго за 15-е ноября записано: „Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 6 часовъ сдѣлалось его величеству хуже, о чемъ я немедленно сообщилъ ея величеству, которая, пришедши къ государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Вилліе объявилъ государю, что онъ въ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ исповѣди, обратился къ императрицѣ, сказалъ: „Il faut me laissez seul“. Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи приказалъ духовнику призвать императрицу, съ коею вошелъ опять и я съ ген.-ад. Дибичемъ и съ докторами: Вилліе, Стоффрегеномъ, Тарасовымъ и камердинерами; государь изволилъ приобщиться Св. Тайнъ, послѣ чего духовникъ, поздравляя его величество, просилъ его не отказывать помощь медиковъ и совѣтовалъ по обычаю здѣшнему приставить пѣявки. Умоляя государя не терять времени, сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни. Государь сказалъ: „встаньте“, и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не ощущалъ большаго удовольствія, какъ на сей разъ; обратился къ императрицѣ, взявъ ея руку и, поцѣловавъ оную, сказалъ: „Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous remercie beaucoup“.

Какъ жаръ не убавлялся, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять пѣявки; его величество, не отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблялъ всѣ лѣкарства, какія были ему подносимы; началъ съ пѣявокъ, коихъ поставили за уши 35 по обѣимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго и крови довольно было вытнута; жаръ хотя и уменьшился, но не надолго, и къ ночи было уже хуже. Прикладывали синапизмы къ рукамъ и бедрамъ“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 49—50).

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ Въ дневникѣ кн. Волконскаго за 16-е ноября говорится: „Ночь проводилъ худо и все почти въ забытіи; въ 2 часа ночи попросилъ лимоннаго мороженаго, котораго откушалъ одну ложечку, потомъ во весь день ему

открывалъ глазъ¹⁾ 19 числа въ 10 часовъ 50 Минуть кончилъ жизнь²⁾ Императрица была безъ отлучно³⁾ при немъ 5 сутокъ не спала и не кушала, когда сталъ кончатся начали читать отходную⁴⁾. Императрица все держала Его за руку а когда испутилъ духъ то она закрыла глаза перевязала платкомъ подбородокъ сложила руки поцеловала поклонилась и сказавъ прощай мой другъ обратилась къ образу помолилась и пошла въ свою половину, Эдва къ себѣ вошла зарыдала какъ потомъ вскорѣ сказала Господи прости моей слабости ободрившись приказала при тѣлѣ служить панихиду⁵⁾ взяла Свечу и неплакала но скорбь ужасная была на лицѣ ея на другой день перевезли тело въ другой домъ⁶⁾ но вчера была тамъ на панихидѣ, а со вчерашняго дня начала говѣть⁷⁾. Императрица но (не?) человекъ, но Ангелъ воплоти чудо переносить съ величіемъ души но очень слаба, ужасное здѣсь положеніе плачь видимъ тѣло и все Еще неопомнися, все намъ кажется не воснелъ видимъ по вскрытіи тела все нашли въ наилучшемъ видѣ но когда черепъ вскрыли то вылилось

было худо; къ вечеру положили еще къ ляжкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже, въ забытіи и ничего не говорилъ“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 51). А Тарасовъ за то же число пишетъ: „Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала“. (Тамъ же, стр. 52).

¹⁾ За 18-е ноября Вилліе пишетъ: „Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и кн. Волконскаго и Дибича, которые находились—первый у себя, а послѣдній—у камердинеровъ“. (Тамъ же, стр. 54).

²⁾ 19-го ноября Вилліе отмѣчаетъ: „Государь оставался въ забытіи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испутилъ послѣдній духъ. Императрица закрыла ему глаза и, подержавъ челюсть, подвязала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ“. (Тамъ же).

³⁾ Въ актѣ кончины императора Александра сказано: „Все сіе, къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи Е. И. В. Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно“. (Тамъ же, стр. 77).

⁴⁾ Объ этомъ никто не говоритъ, кромѣ Папкова.

⁵⁾ Объ этомъ никто не сообщаетъ, кромѣ Папкова.

⁶⁾ Тоже. Напротивъ, кн. В. В. Барятинскій говоритъ: „Тѣло (императора) оставалось во дворцѣ съ 19-го ноября до 11-го декабря; затѣмъ было перенесено въ соборъ Александровскаго монастыря“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 67).

⁷⁾ Объ этомъ никто не сообщаетъ, кромѣ Папкова.

до 50-ти золотниковъ воды¹⁾ ждемъ Сюда изъ варшавы цесаревича²⁾ прощайте вашъ Преданный.

Петръ Папковъ “.

Сопоставляя письмо Папкова со свѣдѣніями, помѣщенными нами въ примѣчаніяхъ, нельзя не признать того, что Папковъ былъ очень добросовѣстнымъ корреспондентомъ и точнымъ хроникеромъ. Онъ не только почти съ эпическимъ безстрастіемъ передаетъ о событіяхъ въ Таганрогѣ, но и устанавливаетъ ихъ строгую хронологическую послѣдовательность, при чемъ иногда дѣлаетъ очень важныя и интересныя дополненія. Благодаря этой особености письма Папкова, мы можемъ на основаніи только его одного представить себѣ болѣе или менѣе подробную картину какъ послѣднихъ дней жизни государя Александра Павловича, такъ и его казавшейся тогда загадочной кончины.

Папковъ начинаетъ свое описаніе съ 27-го октября 1825 года. Это онъ дѣлаетъ не даромъ, а потому именно, что считаетъ день 27-го октября начальнымъ моментомъ смертельной болѣзни государя, который простудился, какъ нужно догадываться изъ письма, во время восхожденія на горы близъ Алушты, когда была „жестокая буря“ и когда „у подошвъ горъ было очень жарко, а выше холодно, и чѣмъ выше—холоднѣе“. Но какъ самъ государь, такъ и окружавшіе его не сразу догадались о начавшейся болѣзни. Только въ Бахчисараѣ, какомъ-то Зосовѣ и Перекопѣ стало замѣтно, что государь чувствуетъ себя „очень не по себѣ“, а въ Орѣховѣ онъ „уже самъ сказалъ, что немного нездоровъ“. На ночлегѣ же въ Мариуполѣ государь позвалъ лейбъ-медика Я. В. Вилліе и сознался, „что чувствуетъ ознобъ и что намѣренъ выпить пуншу, чтобы пропотѣть“. Однако, несмотря на то, что пуншъ не произвелъ желаемого дѣйствія, государь 5-го ноября потребовалъ мѣхъ подъ ноги, надѣлъ мѣховую шинель и отправился далѣе—

¹⁾ „Александръ скончался 19-го ноября около 11 часовъ утра. Вскрытіе тѣла сдѣлано 20-го числа въ 7 часовъ вечера, т. е. тридцать два часа спустя послѣ смерти“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 67). Въ протоколѣ вскрытія тѣла говорится, между прочимъ: „При извлеченіи мозга изъ своей полости, на основаніи черепа, равно, какъ и въ желудочкахъ самого мозга, найдено прозрачной сукровицы (sezositas) до двухъ унцовъ“. (Тамъ же, стр. 80). О томъ, что при вскрытіи черепа „вылилось до 50-ти золотниковъ воды“, сообщаетъ только одинъ Папковъ.

²⁾ Т. е. Константина Павловича, которому было послано извѣщеніе о болѣзни императора 11-го ноября. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 61).

въ Таганрогъ, до котораго оставалось, по словамъ Папкова, 125 верстъ. Во время этого пути за обѣдомъ на какой-то станціи государь самъ сказалъ, что чувствуетъ крымскую лихорадку... Бхать ему было очень тяжело... и онъ все засыпалъ дорогой. Послѣднюю станцію еле двигались, и государь постоянно спрашивалъ: „Сколько верстъ осталось“? *Но ни олову*, почему-то добавляетъ Папковъ, *не жаловался*... Въ Таганрогъ прибыли въ 7-мъ часу вечера того же 5-го ноября. Никакихъ пріемовъ по пріѣздѣ сюда государь не дѣлалъ. На другой день, т. е. 6-го ноября онъ началъ было одѣваться для прогулки („ходить пѣшкомъ“), но не могъ уже... и съ тѣхъ поръ болѣзнь все прогрессировала: ему становилось все „хуже и хуже“. Впрочемъ, 8-го ноября онъ еще былъ въ силахъ написать коротенькое письмо въ С.-Петербургъ къ своей матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Какъ ни уговаривали государя принять лѣкарство, онъ этого не дѣлалъ, и положеніе его становилось, поэтому, совершенно безнадежнымъ. 15-го ноября онъ былъ уже настолько плохъ, что охотно, по предложенію государыни Елизаветы Алексѣевны, исповѣдывался и пріобщился св. Таинъ, послѣ чего духовникъ государя (соборный священникъ о. Алексѣй Ѳедотовъ) всталъ на колѣни и сталъ просить его отъ лица церкви и народа, чтобы онъ, ухвачавъ душу, согласился и на врачеваніе тѣла. Государь отвѣтилъ на это полнымъ согласіемъ и тутъ же добавилъ: „Теперь я вижу, что опасно болень“... Этимъ сейчасъ же воспользовались и поставили ему 50 пиявокъ, но было уже поздно... Правда, сначала сдѣлалось было лучше, но потомъ наступило ухудшеніе, и 16-го ноября государь находился уже безъ чувствъ... Поставили мушку „у затылка“, и государь пришелъ на нѣкоторое время въ сознаніе: что-то проговорилъ... 18-го ноября государь „почти не открывалъ глазъ“, а *19-го въ 10 часовъ 50 минутъ (утри)* его и совсѣмъ не стало...

Всѣ послѣднія 5 сутокъ жизни Александра Павловича государыня Елизавета Алексѣевна находилась безотлучно при умирающемъ супругѣ („не спала и не кушала“) и держала его за руку во время кончины. При ней же была прочитана и т. н. отходная, т. е. „Канонъ молебный при разлученіи души отъ тѣла“. Сдѣлано это, конечно, тѣмъ же самымъ духовникомъ, который исповѣдывалъ и пріобщалъ государя и который, какъ слѣдуетъ заключить, *присутствовалъ при кончинѣ ея*. Государыня ни на минуту не теряла самообладанія и, какъ

только государь испустилъ духъ, сама закрыла глаза ему, перевязала платкомъ подбородокъ, сложила руки, поцѣловала, поклонилась и, сказавъ: „Прощай, мой другъ!“, обратилась къ образу, помолилась — и только *тогда ушла на свою половину*. Здѣсь она дала, было, полную волю своему скорбному чувству и зарыдала, но вскорѣ опомнилась, сказала: „Господи, прости моей слабости“... и, „ободрившись, приказала при тѣлѣ (умершаго супруга) служить панихиду“. Во время панихиды государыня взяла свѣчу и не плакала... *„но скорбь ужасная была на лицѣ ея“*... На слѣдующій день тѣло почившаго государя было перевезено въ другой домъ и тамъ же, какъ можно судить по ходу рѣчи Папкова, было произведено медицинское вскрытіе тѣла. „По вскрытіи тѣла, какъ говоритъ Папковъ, все нашли въ наилучшемъ видѣ, но когда черепъ вскрыли, то *вылилось до 50-ти золотниковъ воды*“.

22-го ноября, т. е. наканунѣ того дня, когда Папковъ писалъ свое письмо, государыня снова присутствовала на панихидѣ при тѣлѣ почившаго государя, которое еще и въ это время находилось „тамъ“;—въ другомъ домѣ. Съ того же дня государыня начала говѣть, и этимъ самоиспытаніемъ разрѣшились тѣ душевныя волненія, которыя она переживала въ послѣдніе тяжелые дни...

Такое поведеніе государыни, такое необычайное присутствіе духа въ слабомъ тѣлѣ вызвало даже восторгъ въ Папковѣ, который пишетъ съ восхищеніемъ: „Императрица — не челоувѣкъ, но ангель во плоти, чудо: переносить (скорбь) съ величіемъ души, но, добавляетъ Папковъ, очень слаба“...

Весьма характерны и слѣдующія слова Папкова: „Ужасное здѣсь положеніе, плачь: видимъ тѣло и все еще не опомнимся, все намъ кажется, — не во снѣ ли видимъ? Ждемъ сюда изъ Варшавы Цесаревича“...

Какъ видно, письмо Папкова ни на минуту не даетъ читателю права сомнѣваться въ дѣйствительности смерти государя Александра Павловича... Но мало того: нужно сказать, что своими случайными обмолвками и дополненіями оно проливаетъ даже совсѣмъ новый свѣтъ на нѣкоторые темные факты таганрогской трагедіи. Такъ, напримѣръ, Папковъ сообщаетъ, что тѣло почившаго государя было перевезено на слѣдующій день въ другой домъ. Эта маленькая, повидимому, подробность весьма важна и цѣнна. Ею вполне достаточно объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что медицинское вскрытіе тѣла государя оттянулось *до 7 часовъ вечера*

20-го ноября ¹⁾). Дѣло объясняется очень просто. Врачи пожалѣли больную государыню и, чтобы сберечь ея разстроенные нервы, надумали произвести крайне тяжелую для окружающіхъ, грязную и сложную операцію вскрытія и бальзамированія тѣла не во дворцѣ, не рядомъ съ покоями государыни, а въ какомъ-то другомъ домѣ. Пріисканіе этого-то дома и заняло немало времени, такъ какъ изъ чувства брезгливости далеко не всякій могъ согласиться уступить свой домъ для той цѣли, для которой его пріискивали... А замедленіе въ вскрытіи тѣла въ свою очередь достаточно объясняетъ и то, что наиболѣе пораженная часть тѣла — голова не дождалась вскрытія и почернѣла... Возможно даже, что и самое возникновеніе легенды о подмѣнѣ тѣла государя тѣломъ кого-то другого было обязано своимъ происхожденіемъ именно сравнительно быстрому перевезенію тѣла государя въ другой домъ и, конечно, частнаго владѣльца. Для простецовъ, непосвященныхъ въ тогдашнія дворцовыя тайны, казалось загадочнымъ это скорое перевезеніе тѣла умершаго государя изъ дворца не въ храмъ, не въ соборъ, а въ какой-то частный домъ, и вотъ они дали свое, казавшееся имъ вполнѣ удовлетворительнымъ, объясненіе непонятному для нихъ факту... Сколько времени оставалось тѣло государя въ найденномъ частномъ домѣ,—Папковъ не говоритъ, но во всякомъ случаѣ оно не тотчасъ послѣ вскрытія и бальзамированія было взято оттуда, а только спустя нѣкоторое время. Тотъ же Папковъ отмѣчаетъ, что 22-го ноября государыня была на панихидѣ не во дворцѣ, а „тамъ“, т. е. въ другомъ домѣ.

Если къ этимъ указаніямъ Папкова присоединить еще упоминаніе о чтеніи отходной, самообладаніи государыни, ея говѣніи и т. п., то будетъ вполнѣ справедливо признать, что въ письмѣ Папкова мы имѣемъ весьма важный въ историческомъ отношеніи документъ, который говоритъ далеко не въ пользу очень распространенной, но мало вѣроятной, легенды о тождествѣ таинственнаго томскаго старца Ѳедора Козьмича съ императоромъ Александромъ I-мъ.

Въ виду этого-то и рѣшились мы предложить письмо Папкова просвѣщенному вниманію всѣхъ тѣхъ, кого почему-либо интересуеетъ вопросъ о кончинѣ императора Александра I-го въ Таганрогѣ. По нашему мнѣнію, письмо Папкова не поте-

¹⁾ Эта дата указана въ протоколѣ вскрытія тѣла. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 79).

рять своей исторической цѣнности даже и тогда, когда, по суду компетентныхъ лицъ, оно окажется не оригиналомъ, а только копіей... Пусть будетъ это и копія, но, во всякомъ случаѣ, копія довольно близкая къ самому оригиналу какъ по тексту, такъ и по времени!

Священникъ **Николай Модестовъ.**

Г. Оренбургъ.
15 іюня 1915 г.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1888 годъ.

4 марта. Эти дни самое главное событіе—воцареніе императора Фридриха III. Вслѣдствіе моего нездоровья я никого не вижу и не знаю, что думаютъ другіе. Но по моему манифесту Фридриха и въ особенности рескрипту его Бисмарку—съ прямымъ выраженіемъ либеральныхъ государственныхъ воззрѣній утѣшительный проблескъ среди мертвящей реакціонерной и обскурантской, милитаристской эпохи. Это свѣтлый лучъ, но надолго ли, такъ какъ говорятъ, что дни его сочтены.

Вчера вел. кн. Сергѣй Алек. прислалъ мнѣ мерзость, написанную обо мнѣ (въ „Москов. Вѣд.“) вслѣдствіе моей статьи въ „Наблюдатель“ о земскихъ учрежденіяхъ. Тутъ нелѣпость доходитъ до того, что меня называютъ Робеспьеромъ. Меня обвиняютъ въ томъ, что я хотѣлъ ограничить самодержавную власть, устроивъ конституцію въ Россіи, и т. д. Я отвѣтилъ тотчасъ вел. кн. Сергѣю Алек., и эти слова здѣсь запишу, что не въ первый разъ случается мнѣ слышать клевету на мой счетъ и всякій разъ удивляться, что при всемъ ничтожествѣ моихъ силъ я возбуждаю такъ много противъ себя вражды недобросовѣстныхъ людей. Не могу потому не утѣшаться мыслью, что во мнѣ есть что нибудь доброе, возбуждающее противъ меня такъ много вражды. Недобросовѣстность и значить дрянность моихъ враговъ положительно доказывается для меня лживымъ искаженіемъ всѣхъ моихъ мыслей въ „Гражданинѣ“. Я тутъ могу опять сказать: „fais ce que dois, advieune que rogha“. Эта критика меня Мещерскимъ просто новый на меня доносъ. Я могу имъ только гордиться.

8 марта. Третьяго дня провелъ у меня вечеръ вел. кн. Дмитрій Конст. Рассказывалъ много интереснаго. Онъ былъ на завтракѣ у государя, который сообщилъ, что наслѣдникъ пи-

шесть изъ Берлина, какъ уладилось примиреніе. Присяга конституціи имп. Фридрихомъ III (была прочитана его письменная присяга, потому что онъ не можетъ говорить).

Вчера завтракалъ у вел. кн. Сергѣя Алек. То былъ одинъ изъ его непріятныхъ моментовъ—онъ былъ несообщителенъ и капризенъ. Со мной обычное въ такіе моменты обращеніе—своеравное и мнѣ крайне антипатичное. Уже очень онъ избалованъ.

19 марта. Много грустныхъ и непріятныхъ впечатлѣній всѣ эти дни. 16 марта экономическій обѣдъ. Тернеръ, который долженъ былъ предсѣдательствовать, отказался, потому что я хотѣлъ предложить вопросъ о кредитныхъ билетахъ. Т. говоритъ, что какъ я могу допустить этотъ вопросъ, когда мы заставили цензуру запретить обсужденіе этого вопроса въ печати. Это онъ, Тернеръ, говоритъ мнѣ весьма беззащитно! Вотъ времена. Я просилъ предсѣдательствовать Вешнякова, который оказался въ гражданскомъ мужествѣ неизмѣримо выше Тернера и настоялъ на назначеніи вопроса на слѣдующій обѣдъ.

Между тѣмъ я очень смущенъ неприглашеніемъ меня къ государю, хотя давно записался (для представленія книги о Литке) и кромѣ того говорилъ съ кн. Долгорукимъ (оберъ-церем.), и онъ обѣщалъ сейчасъ мнѣ сообщить, когда я запишусь. Сегодня заѣзжалъ въ экспедицію цер. дѣлъ узнать, что такое лакей говоритъ, что „неизвѣстно, какую книгу я хочу представить государю?“ Курьезны эти разговоры сенатора съ лакеемъ. Я прибавилъ въ записной книгѣ: „книгу о гр. Литке“. Я, кажется, попалъ въ импассу и теперь не знаю, что мнѣ дѣлать? Какъ добраться до государя? Можетъ быть, я сдѣлалъ ложный шагъ, но не противъ совѣсти.

Вчера завтракалъ у вел. кн. Сергѣя Алекс. Онъ былъ очень милъ. Я просилъ его передать это все государю. Не знаю, что изъ всего этого выйдетъ. Всего труднѣе, когда не знаешь, что дѣлать.

21 марта. Идетъ ужасная путаница съ моимъ представленіемъ государю. Кажется, чиновники мнѣ дѣлаютъ шиканье. А можетъ высшіе хотятъ испортить мои отношенія. Что будетъ, то будетъ!

25 марта. Ничего не клеится. Скверная полоса. И здоровье не хорошо. Я очень мраченъ. Работа идетъ скверно. Съ представленіемъ государю что-то очень не ладно.

Я просилъ третьяго дня С. А. передать государю книгу, чтобы съ этимъ покончить. Онъ совѣтоваль подождать. Ничего, кромѣ обиды, изъ всего этого для меня не выйдетъ.

30 марта. Наконецъ, былъ сегодня у государя, съ книгой о Литке (добился приглашенія только благодаря вмѣшательству вел. кн. Сергѣя Алекс.). Государь былъ очень милостивъ, пригласилъ въ кабинетъ (меня одного). Было впрочемъ очень мало представляющихся. Разговоръ съ государемъ.

Г.: Кончили, наконецъ, книгу?

— Очень счастливъ, что наконецъ кончилъ. Много неприятностей было для меня связано съ этимъ. Всѣ бумаги гр. Литке сданы мной въ Государственный Архивъ на другой день послѣ приказанія Вашего Величества. Я счастливъ, что избавился отъ нихъ, и теперь не можетъ быть никакихъ indiscretions въ печати.

Г.: Да уже теперь Богъ знаетъ что позволяютъ себѣ съ этой гласностью журналы: „Старина“, „Русскій Архивъ“, и всѣ эти записки современниковъ односторонни, и исторія ничего не выигрываетъ! (Тутъ проявляется доброта и либеральность государя! Онъ возмущается, а не считаетъ себя въ правѣ запретить. Онъ либераленъ, хотя его царствованіе не либерально).

— Я, какъ ученый, противъ этихъ преждевременныхъ скандальныхъ оглашеній; нужно время, чтобъ подвергнуть все это исторической критикѣ. Притомъ не хорошо печатать, пока есть близкіе, живые родственники. А извлеченія изъ записокъ ихъ искажаютъ.

Г.: Есть записки важныя для исторіи, напр., Н. Н. Муравьева.

— Хотя и онъ очень рѣзокъ и, можетъ быть, несправедливъ въ своихъ отзывахъ.

Г.: Онъ былъ вообще рѣзокъ. Записки гр. Литке будутъ очень важны. И въ особенности всѣ его разговоры съ Николаемъ Павловичемъ. Чувствуется, что все это истина и добросовѣстно. Очень любезно со стороны сыновей, что они мнѣ это отдали.

— Но они обязаны были это сдѣлать.

Г.: А какъ Константинъ Николаевичъ отнесся къ этому? Вы ему показывали книгу?

— Константинъ Николаевичъ былъ очень доволенъ и благодарилъ меня. Я былъ обрадованъ, потому что прежде онъ

былъ недоволенъ, что это шло мимо него. Онъ меня благодарилъ, что я такъ тепло говорю о гр. Литке. Но какже я могъ говорить иначе о моемъ другѣ и покровителѣ?

Государь, прощаясь со мной, сказалъ: „Я вамъ очень благодаренъ за эту книгу. Мнѣ больше ничего не нужно“.

Послѣ того я поѣхалъ къ вел. кн. Сергѣю Александровичу, который былъ особенно нѣженъ и говорилъ, какъ онъ много хлопоталъ, чтобъ меня приняли.

Вечеромъ у меня былъ вел. кн. Дмитрій Конст. и рассказывалъ съ энтузіазмомъ, какъ наслѣдникъ былъ на ужинѣ въ Конногвардейскомъ полку и какъ онъ прекрасно себя держалъ. Эти отзывы о наслѣдникѣ я теперь постоянно слышу. Дай Богъ!

3 апрѣля. Третьяго дня пришлось неоднократно говорить въ общемъ собраніи Сената и противъ административнаго произвола и въ особенности за евреевъ.

Сегодня былъ у вел. кн. Александры Іосифовны. Давно ее не видѣлъ. Она была больна всю зиму; много рассказывала о своей болѣзни.

7 апрѣля. Въ прошедшій понедѣльникъ завтракалъ у вел. кн. Сергѣя Алекс. Вели переговоры объ устройствѣ у меня вечера, который великіе князья, мои ученики, непременно хотятъ у меня имѣть.

5-го же апрѣля обѣдалъ у ученаго еврея, друга Соловьева (В. С.) съ Соловьевымъ. Еврейскій обѣдъ не очень вкусный. Потомъ поѣхалъ въ Мраморный дворецъ, чтобы рѣшить порядокъ вечерка.

Во вторникъ 6 апрѣля былъ на литературномъ обѣдѣ. Были пренія о статьяхъ Соловьева. Я говорилъ въ его похвалу рѣчь, которой апплодировали. Пришлось говорить противъ проф. Модестова, который сочувствуетъ, какъ и увѣряетъ, статьямъ Соловьева и недоволенъ ими только потому, что онѣ имѣютъ блестящій успѣхъ. Тутъ лишь зависть, разъѣдающая литературный міръ и весь міръ!

Третьяго дня я разстался съ грустью съ Влад. Соловьевымъ, который жилъ у меня болѣе 3-хъ недѣль. Это прелестнѣйшій и благороднѣйшій челоуѣкъ. Я съ нимъ очень сошелся. Такъ рѣдко приходится встрѣчать такихъ людей.

Вчера у меня обѣдали гр. А. В. Литке, Стрепетова и Свободинъ. Гр. Литке много плакала, и тяжело мнѣ видѣть эти

печальныя семейныя руины Э. П. Литке. Онъ возвысилъ свое имя изъ ничтожества, а его дѣти опять уронили его до ничтожества.

Такъ впрочемъ движется общественная жизнь. Поддержать ли мои сыновья нашу фамилію, поднятую моимъ отцомъ? Я часто объ этомъ думаю.

12 апрѣля. Мои записки совсѣмъ нейдутъ. Не хочу только совсѣмъ ихъ бросить, а интересны онѣ не будутъ. Записывать нѣтъ времени: накопится и забывается.

9 апрѣля вечеромъ собрались у меня вел. кн. Сергѣй и Павелъ Алекс., Константинъ и Дмитрій Конст., никого кромѣ нихъ и Арсеньева, Зеленаго и Лакость—старыхъ воспитателей. Вдругъ сдѣлала мнѣ сюрпризъ и пріѣхала вел. кн. Елизавета Федоровна (прелестнѣйшая—я всякій день все болѣе ея увлекаюсь) и Елизавета Мавр. Объ этомъ мнѣ утромъ сообщилъ вел. кн. Константинъ Конст. Я пригласилъ Олю, которая держала себя прекрасно. И устроилъ домашній фейерверкъ. Все отлично удалось, также и ужинъ. Шалили. Мои августѣйшія были въ восторгѣ и оставались до 2 ч. ночи. Сегодня я у нихъ всѣхъ былъ, и они много говорили, какъ имъ было весело.

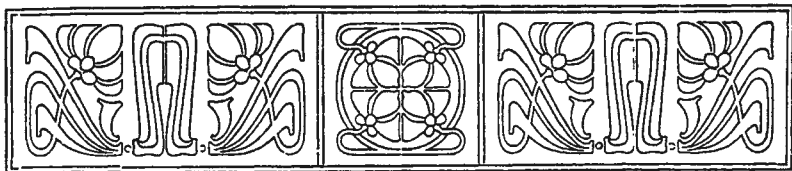
14 апрѣля. Вчера былъ экономическій обѣдъ. Было многолюдно. Пріѣхалъ Бунге, заявившій мнѣ желаніе вернуться къ обѣдамъ. Я былъ не совсѣмъ удовлетворенъ. Новаго ничего не могло быть сказано. Я хотѣлъ только, чтобъ была демонстрація въ пользу крайней необходимости регулированія нашего бумажнаго денежнаго обращенія. Въ этомъ отношеніи обѣдъ отчасти удался. Затѣмъ пошли разногласія относительно мѣръ—главнѣйше относительно девальвации, за которую я стоялъ. Говорили я, Ламанскій, Кауфманъ, Закъ, Куломзинъ, немного гр. Палень. Это разногласіе, о которомъ будутъ говорить, какъ о разногласіи самыхъ знающихъ людей, вредно. Всѣ мнѣ дѣлаютъ со всѣхъ сторонъ упреки, что я веду себя не такъ, какъ слѣдуетъ, „Faites mieux“, могу я только сказать. Но всѣ меня постоянно терзающіе на обѣдахъ—всячески критикующіе,—знаютъ, что безъ меня эти обѣды не могутъ существовать, а между тѣмъ желаютъ ихъ продолженія. Это не больше какъ русская манера все критиковать и не поддерживать своихъ. Я это знаю. Смиряюсь. Но сколько нужно терпѣнія, чтобъ служить этому отечеству.

18 апрѣля. Мнѣ особенно тяжело это время. Всѣ косо на меня смотрятъ, всѣ недовольны и дѣлаютъ упреки. Да я и не могу никого удовлетворить, ибо ни съ кѣмъ не согласенъ

и доканчиваю идти своей дорогой, по которой никто не ходитъ. Я совсѣмъ на ней одинокъ. Она трудная. Сохранить бѣдному человѣку самостоятельность и ни въ комъ не искать. Многіе этому завидуютъ, и я имъ непріятенъ. Осталось жить слишкомъ мало, чтобы перемѣнить путь.

Сообщила М. В. Безобразова.

Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII вѣкѣ.

(Недоразумѣніе изъ области политическаго сыска старыхъ временъ)¹⁾.

Въ двѣнадцати верстахъ на сѣверъ отъ Твери стоитъ большое село Васильевское. Около него на самыхъ близкихъ разстояніяхъ, не болѣе 1— $\frac{1}{2}$ версты, расположены селенія: Михайловское, Яковлево, Орудово и Стрѣльниково. Въ этихъ пяти селеніяхъ болѣе 5.000 жителей, и на долю одного Васильевского приходится половина этого числа. Въ этой мѣстности издавна развилось кузнечное производство, главнымъ образомъ, выдѣлка гвоздей.

Во второй половинѣ XVII вѣка Васильевское, Михайловское, Орудово и Яковлево, съ несуществующей теперь деревней Подсосеньемъ, составляли вотчину стольника Никиты Борисовича Пушкина. Вотчина Пушкина была и по тому времени изъ населенныхъ, „всего за нимъ было 80 дворовъ крестьянскихъ, людей (мужескаго пола) въ нихъ 311 человекъ, 4 двора бобыльскихъ, въ нихъ 10 человекъ, въ томъ числѣ 3 вдовы, да солдатъ съ сыномъ“. Вотчина пользовалась самоуправленіемъ; по словамъ Пушкина, хозяйство „въ тѣхъ его деревнишкахъ было приказано выборнымъ крестьянишкамъ, и прикащичишка не было“. Среди крестьянъ и тогда попадались имѣвшіе прозвище „Кузнецъ“; въ вотчинѣ былъ какъ-будто и инородческій элементъ, вѣроятно, черезъ поселеніе въ ней „людей Литовскаго полону“, такъ какъ встрѣчались крестьяне съ прозвищами „Полякъ“ и „Хохоль“.

У богомольнаго Пушкина, который на склонѣ лѣтъ (онъ умеръ на 95-мъ году отъ рожденія въ 1715 году) принялъ монашество съ именемъ Нифонта, въ вотчинѣ были двѣ церкви:

¹⁾ Источниками послужили хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи столбецъ Приказнаго стола Разряда № 524 и Переписная книга по Твери № 16060.

въ Васильевскомъ церковь Василя Великаго, съ придѣлами Сергія Радонежскаго Чудотворца до Великомученицы Парасковей, „нареченныя Пятницы“, въ Михайловскомъ — церковь Архангела Михаила.

Вотчина Пушкина была смежна съ вотчиной стряпчаго Алексѣя Михайловича Блохина, которому принадлежали деревни Стрѣльниково и Лодыгино. У сосѣдей-помѣщиковъ была „ссора во многихъ статьяяхъ“, и они не бывали другъ у друга.

Можно поэтому думать, что Пушкинъ былъ очень удивленъ, когда 6 марта 1666 года, во вторникъ второй недѣли Великаго поста, на его Московскій дворъ явился Блохинъ. „Того жъ часу“ къ Пушкину пришелъ и села Михайловскаго попъ Ѳедоръ Кондратьевъ. И сосѣдъ и попъ принесли Пушкину недоброя вѣсти. Попъ сообщилъ только, что „крестьянишки“ Пушкина „завели дурно, а какое дурно, того не объявилъ и на письмѣ не далъ“, какъ того просилъ Пушкинъ, а „сказывалъ, будто онъ писать не умѣетъ“. Вѣсти, полученные отъ Блохина, носили опредѣленный характеръ и были такъ тревожны, что на другой же день, 7 марта, Пушкинъ явился въ Разрядный приказъ „извѣстить“ про „воровство“ своихъ Тверскихъ крестьянъ и привелъ туда же для допроса и самого попа Ѳедора.

Въ Разрядѣ Пушкинъ заявилъ, что, по сообщенію Блохина, „крестьянишки“ тверскихъ „деревнишекъ“ Пушкина „завели невѣдомо какое воровство и, выбравъ межъ себя невѣдомого начальнымъ человѣкомъ и называя его висока, ходили съ нимъ нынѣшней сырной недѣли въ субботу и всполохи (набать, бунтъ) чинили съ знаменъ и съ барабанъ, и съ ружьемъ“. Попъ Ѳедоръ добавилъ, что крестьянъ было „съ 50 человѣкъ“ и они ходили „съ пищальми и съ топорками и съ кольемъ, навязавъ на шести фаты красныя и иныхъ цвѣтовъ вмѣсто знаменъ“; попъ не говорилъ неопредѣленно о „высокомъ“ начальномъ человѣкѣ, но прямо заявилъ, что крестьяне избраннаго ими „атамана“ Перфилку Яковлева „называли межъ себя высокимъ человѣкомъ — царемъ“. На другой день, 8 марта, былъ вызванъ въ Разрядъ Блохинъ и показалъ, что „начальныхъ людей“ было два, сначала Митька Демидовъ, а потомъ Першка¹⁾ Яковлевъ, и что того и другого крестьяне называли „высокою рѣчью — царемъ, и

¹⁾ Другое уменьшительное стъ имени Перфилий.

Демидова кромѣ того „несли сквозь село Васильевское на носилкахъ, а на головѣ у него была воронка“. И попъ, и Блохинъ показывали, что они не рѣшились „на себѣ такого дѣла держать“, чтобы имъ „въ томъ крестьянскомъ воровствѣ какого дурна не было“; но, „очищая себя“, они, по ихъ словамъ, заботились и о Пушкинѣ, чтобы онъ „отъ того остерегся“.

Роковое слово „царь“ произвело переделоухъ въ Разрядѣ. Правительство, напуганное цѣлымъ рядомъ самозванцевъ, не шутило съ подобными дѣлами. Въ тотъ же день въ Тверской уѣздъ былъ посланъ голова Московскихъ стрѣльцовъ Кузьма Григорьевичъ Хомутовъ, были вручены строгія инструкціи и даны большія полномочія: указано „сыскивать тѣхъ сель и деревень крестьянами и окольными людьми накрѣпко, кто такое дѣло и для чего затѣялъ и учинилъ и по какому умыслу“.

Это была своего рода флигель-адъютантская командировка командира одного изъ гвардейскихъ полковъ.

Къ Тверскому воеводѣ была послана „послушная“ грамота о томъ, чтобы онъ оказалъ всевозможное содѣйствіе командированному головѣ, „сыщику“, какъ его называли въ официальномъ актѣ; между прочимъ, воевода долженъ былъ снабдить его и „заплечными мастерами“ (палачами), какъ необходимой принадлежностью предстоящаго розыска. Тотчасъ послѣ отъѣзда Хомутова, Пушкинъ, которому „изъ тѣхъ его деревнишекъ вѣсти послѣ сырной недѣли ни о чемъ не бывало“, получили наконецъ „грамотку“ изъ Васильевскаго отъ „старостишки съ выборными“. Къ удивленію Пушкина, изъ первыхъ же строкъ „грамотки“ онъ только и узналъ, что въ селѣ Васильевскомъ съ деревнями, „далъ Богъ, здорово“. Выборные извѣщали своего боярина, что воевода править на нихъ „Государевъ подымный хлѣбъ за два года“, но, что они снесли, кому слѣдовало „почестъ—колачиковъ и рыбки“, и, хотя отъ нихъ „сѣна и овса“ не приняли, но „за нынѣшній годъ дали сроку“. Съ масляничнымъ „воровствомъ“ имѣло связь только сообщеніе о томъ, что „на первой недѣлѣ поста пріѣхалъ Алексѣй Блохинъ въ село свое Лодыгино и призвалъ къ себѣ попа Ѳедора нись (не вѣсть) на какую думу и ночевалъ только одну ночь“ и, „подговоря“ попа, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Москву. Впрочемъ, и этотъ поступокъ попа Ѳедора [выборные рассматривали исключительно съ точки зрѣнія приходскихъ интересовъ, жалуясь на то, что попъ уѣхалъ, „не сказався своимъ прихоженямъ“; а „нынеча, государь, писали они, Бо-

жіею волею—оспою младенцы лежать и всякіе люди, а священнику Ивану (Васильевскому) не приказался (т. е. не поручалъ ему исправлять требы въ Михайловскомъ приходѣ), и тѣ боли (больныхъ) привозятъ къ нему, Ивану, а въ его приходъ вѣзжать—не смѣемъ архіепискупа“. Для характеристики отношеній между попомъ Ѳедоромъ и крестьянами важно сообщеніе выборныхъ о томъ, что „на сплошной недѣлѣ¹⁾ въ торговый день середь ряду при посадскихъ людѣхъ тотъ попъ Ѳедоръ учалъ бранить крестьянъ матерны и всякою неподобною бранью и ворами называлъ: нѣту де у Микиты Борисыча добраго человѣка, все воры; да и съ помѣщикомъ своимъ, съ бояриномъ, за которымъ живете, я де его не боюсь, не за нимъ живу“. Этимъ и ограничивались всѣ свѣдѣнія о масляничномъ происшествіи, и „грамотка“ заканчивалась сообщеніемъ о незначительномъ деревенскомъ пожарѣ и о пропажѣ шубы у одной бабы.

Напуганный Пушкинъ 9 марта представилъ эту „грамотку“ въ Разрядъ и привелъ туда же привезшаго ее крестьянина дер. Яковлевой Медвѣдова, отъ котораго въ Приказѣ добились только того, что „на сырной недѣлѣ въ субботу въ селѣ Васильевскомъ играли робята молодые сукою²⁾ на улицѣ“, о чемъ онъ, не бывшій въ тотъ день въ селѣ, слышалъ „отъ своей братьи“.

Между тѣмъ Хомутовъ въ Тверскомъ уѣздѣ дѣйствовалъ быстро и энергично. Онъ немедленно арестовалъ („переймалъ“) крестьянъ, причастныхъ къ дѣлу, и спрашивалъ ихъ „порознь накрѣпко“; „лучше заводчики“ были пытаны, иные „вдругорядъ“ (два раза) и „огнемъ жжены“. Уже 15 марта сыщикъ представилъ въ Разрядъ результатъ своего розыска.

Отписка Хомутова и приложенныя къ ней „распросныя“ и „пыточныя“ рѣчи крестьянъ даютъ возможность возстановить во всѣхъ подробностяхъ происшествіе, имѣвшее мѣсто въ Тверской вотчинѣ Пушкина на масляницѣ 1666 года, 252 года тому назадъ.

Въ субботу, 24 февраля, въ зажиточной вотчинѣ Пушкина масляничный разгулъ достигъ крайнихъ размѣровъ. Послѣ жирныхъ масляничныхъ яствъ мірянъ потянуло на пойло; и старые и молодые разбрелись по гостямъ „пива пить“; самъ попъ Ѳедоръ отправился въ Михайловское въ гости къ попу

¹⁾ За двѣ недѣли до масляницы. (Въ 1666 году съ 4 по 10 февраля).

²⁾ Играть сукою—гонять чурку клюкою (кочережки).

Ивану, а попадаья безъ хозяина также поила пивомъ гостей; толпа молодежи шаталась по улицѣ „пива прошать“, и развеселившіеся домохозяева охотно выносили гулякамъ братины и ведра съ пивомъ.

Въ деревнѣ Орудовѣ у крестьянина Дмитрія Демидова, человѣка уже не первой молодости, вдоваго и имѣвшаго жившаго отдѣльно сына, собралась веселая компанія все также— „пить пиво“. Выпивъ „пива братину“, хозяинъ и гости, „пьянскимъ дѣломъ“, отправились въ село Васильевское. Подгулявшимъ „робятамъ“ тутъ-то и пришла въ голову несчастная мысль устроить шутовскую масляничную процессію. Бойкій парень Дмитрюшка Варгазинъ¹⁾ мигомъ „навязалъ на коль снопъ соломы“, можетъ быть, замѣнявшій чучело масляницы, которое обыкновенно дѣлается изъ соломы, и торжественно понесъ впереди процессіи; другой парень, Оброска Скворцовъ, схватилъ лукошко и „по лукошку билъ“, какъ по барабану; кто схватилъ „драницу“, кто „палку маленькую“; гостеприимнаго хозяина провозгласили „атаманомъ“ и повели подъ руки не столько изъ уваженія къ его новому сану, сколько потому, что атаманъ „былъ пьянъ“ и не подавалъ надежды на то, что самостоятельно доберется до Васильевского; откуда-то появился „варенецъ“, который понесли передъ атаманомъ; впрочемъ, несли не долго, такъ какъ съ пьяна „тотъ варенецъ“, несучи, вылили въ снѣгъ“.

На дорогѣ въ Васильевское процессія встрѣтила уже первое небольшое препятствіе. Ей попался навстрѣчу отецъ одного изъ веселившихся „робятъ“ Овдокимъ Ворыхаловъ. Родитель шелъ въ Орудово тоже „пива пить“ и, по собственному признанію, уже „былъ пьянъ“; несмотря на это, онъ не одобрилъ легкомыслія своего сына Пимки, и „Пимку на дорогѣ билъ и голову ему прошибъ“, но парень, увлеченный заманчивой выдумкой, отца „не послушалъ“, даже несмотря на столь чувствительныя родительскія внушенія.

Миновавъ это препятствіе, пьяное шествіе торжественно вступило въ Васильевское и прослѣдовало „сквозь“ это село. Всѣ свидѣтели, однако, показали, что Демидова при этомъ „на носилкахъ не нашивали“ и опровергли опасное для Демидова показаніе Блохина о томъ, что злосчастный атаманъ имѣлъ въ то время на головѣ „воронку“, изображавшую, очевидно, царскую шапку. Впрочемъ, самъ Демидовъ чистосердечно

¹⁾ Варгасить значитъ болтать. У Варгазина былъ уже сынъ 4 лѣтъ.

признавался, что „не упомнить, была ль у него на головѣ воронка или нѣтъ, потому что былъ пьянъ“! Въ Васильевскомъ къ Орудовскимъ парнямъ „присталъ“ крестьянинъ Артюшка Варгазинъ и на шесть со снопомъ „навязалъ фату“, по другимъ показаніямъ, „выбойку“. Съ этимъ знаменемъ процессія двинулась въ деревню Яковлево (отъ Васильевского съ версту).

Въ Яковлевѣ „робята“ „отставили“ своего атамана Митьку Демидова, потому что къ нимъ „присталъ въ атаманы“ болѣе затѣйливый и, повидимому, менѣе пьяный гуляка.

Вступивъ въ деревню, процессія остановилась передъ дворомъ зажиточнаго крестьянина Якова Михайлова Дурѣева, и парни стали по обычаю „прошать пива“. Сынъ Дурѣева, Першка, парень уже женатый и имѣвшій двоихъ дѣтей, сначала вынесъ веселой компаніи „ведро пива“, а затѣмъ скоро опять вышелъ изъ избы, „нарядясь“, чтобы принять самому участіе въ масляничномъ шествіи.

Першка былъ въ зеленомъ кафтанѣ, черезъ плечо онъ повѣсилъ серебряную кованую перевязь (бывшую у Дурѣевыхъ въ закладѣ), а на голову надѣлъ „дѣвичью лисью шапку“. Великолѣпіе костюма Першки и его бойкія манеры произвели такое впечатлѣніе на гулявшихъ парней, что они тутъ же выбрали его своимъ начальникомъ и нарекли уже болѣе громкимъ именемъ „воеводу“.

„Воевода“ тотчасъ расширилъ программу увеселеній: сдернувъ съ сестры „фату“, онъ „велѣлъ навязать“ эту фату на другой шесть и велѣлъ взять другое лукошко—барабанъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Першка подъ сѣнью двухъ знаменъ, „краснаго да бѣлаго“, „взявся за руки“ съ тверскимъ стрѣльцомъ Давыдомъ Сокуровымъ и съ Васильевскимъ крестьяниномъ Ивашкою Скворцовымъ, двинулся со своей компаніей въ село Михайловское; по другимъ показаніямъ — и „воеводу“, какъ прежде „атамана“, также вели подъ руки.

Въ это время уже вполне опредѣлился составъ и характеръ процессіи.

Изъ Орудова атаманъ Демидовъ пошелъ, по показаніямъ свидѣтелей, „не со многими людьми“; всего ихъ шло „человѣкъ съ десятка съ два большихъ и малыхъ робятъ“, при чемъ „маленькихъ робятъ шло 11 человѣкъ“, изъ которыхъ 8 человѣкъ было моложе 10 лѣтъ. Само собой разумѣется, что диковинное шествіе, двигаясь по деревнямъ, возбуждало общее любопытство. Иные, увлекаясь необычной потѣхой, „приставали“ къ процессіи, а въ Васильевскомъ даже самъ предста-

витель полиціи, десятскій Митька Степановъ, забывъ свое званіе блюстителя порядка, „за ними пошелъ, ухватя драницу, и догналъ ихъ среди поля“. Но большинство были простые зрители, „смотрять ходили“, нѣкоторые не могли догнать процессіи, „шли позади“ и „ничего не слышали“ изъ дурачествъ Митьки и Першки съ товарищи; нѣкоторые уставали мѣсить снѣгъ, какъ крестьянскій сынъ Игнашка Романовъ, который „былъ пьянъ и шелъ позади ихъ, дошелъ до села Михайловскаго и отъ нихъ отсталъ, пошелъ къ сестрѣ въ гости“. Вообще же ядро процессіи состояло не болѣе, какъ изъ 30 человекъ. Блохинъ и попъ старались представить болѣе или менѣе внушительнымъ вооруженіе участниковъ процессіи, упоминая о „ружьѣ“, „пищальяхъ“, „бердышахъ“, „топорахъ“ и „кольѣ“. Но было установлено сыскомъ, что съ „робятами“ были только „пищаль да пистоль маленькая да ложе пищальное“, а „пороху и свинцу съ ними не было“; одинъ парень Елушка Тихоновъ несъ „вмѣсто пищали нагалище пищальное (чехоль)“, а прочіе, „поимали вмѣсто ружья драницы“; нѣкоторые свидѣтели показывали, что парни шли „строемъ“, „положа на плеча“ свое невинное оружіе; другіе утверждали, что Першка съ товарищи приходили въ Михайловскую безпорядочною толпою, „ворохобою“.

Въ Михайловскомъ Першка объявлялъ всѣмъ, что „онъ идетъ въ царское имя воеводишкою“, и всѣ участники процессіи, „ходя по селу, пили пиво“.

Пьяная компанія пришла и ко двору попа Федора „подъ окно прошать пива“; попадья расщедрилась на двѣ братины, и бывшій у попа въ гостяхъ человекъ Блохина Абросимъ Павловъ „имъ въ окошко подаль братину пива“.

При этомъ у Павлова съ Першкой завязался слѣдующій шуточный разговоръ: „Какой ты человекъ, спросилъ Павловъ Першку, и много ль съ тобою силъ и кто именно и куды идете и въ какой полкъ?“— „Мы военные людишка-казачишка, отвѣчалъ Першка, а я у нихъ воеводишко. Я воеводишко не пошлой (незаурядный), вралъ расшутившійся съ пива Першка, а силы со мною человека съ полтора, а идемъ бить челомъ Великому Государю послужить въ полкъ къ Аггею Шепелеву“¹⁾. На-ряду съ этими неосторожными рѣчами, въ которыхъ вмѣстѣ съ шутками и прибаутками стояло имя Вели-

¹⁾ Известный „выборный“ солдатскій полкъ генерала Аггея Алексѣевича Шепелева.

каго Государя, которое каждый вѣрноподанный долженъ былъ держать „честно и грозно“, былъ допущенъ еще и неосторожный поступокъ. „Казачишки“ пришли ко двору крестьянина Кондратія Дороеева и „учали прошать пива“. Самого Дороеева не было дома, но сынъ его Васька „имѣ пива даль ведро“. Въ то время, какъ Васька „побѣжалъ загонять животина“, „воевода“ почему-то „опалился“ на крестьянина с. Васильевского Мартышку Ѳедорова и рѣшилъ наказать его „батоги“. Разыгравшіеся парни начали на дворѣ Дороеева бить Мартышку „вмѣсто батовъ шапками и рукавицами и соломою, что у кого было въ рукахъ“. Можетъ быть, Мартышкѣ и на самомъ дѣлѣ было больно, или, можетъ быть, онъ дурачился, но во время наказанія онъ громко кричалъ такъ, что слышно было на улицѣ, „атаманъ казачій пощади!“. Такъ говорили всѣ свидѣтели, но одному крестьянину деревни Яковлева Ѳекулкѣ Кондратьеву показалось, что Мартышка кричалъ „Государь Царь, пощади!“, и онъ имѣлъ неосторожность сообщить это попу Ѳедору. Попъ запуталъ и Мартышку, и Ѳекулку, и это обстоятельство дало поводъ къ особому розыску, при чемъ и Мартышка и Ѳекулка были пытаны „накрѣпко“.

Этимъ закончились походы Першки и его товарищей. „Напився допьяна“, они „тѣ фаты отъ шестовъ отодрали“ и изъ Михайловскаго „разбрелися розно безъ знаменъ“. Отставной „атаманъ“ Митька Демидовъ, кое-какъ дотащившійся до Михайловскаго, еще до эпизода съ Мартышкой покинулъ своихъ „козаковъ“ и поплелся „къ сыну своему къ Сидоркѣ“.

Во время сыска вполнѣ выяснилась некрасивая роль, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ попъ Ѳедоръ.

У попа „чинился споръ“ съ оговоренными имъ Мартышкой и Ѳекулкой; на очной ставкѣ съ Кондратьевымъ попъ „слался на Ѳекулкину кожу“, т. е. требовалъ, чтобы Кондратьева подвергли пыткѣ; но и Ѳекулка и Мартышка и съ пытки „говорили прежнія рѣчи“ и въ свою очередь „слались на попову кожу“. Но кожа поповская была дороже. Это обстоятельство затрудняло сыщика; „а попа, Государь“, писалъ онъ въ Москву, „мнѣ, холопу твоему, пытать не указано, и безъ твоего, Великаго Государя, указу попа пытать не смѣю“. Между тѣмъ духовный отецъ оговаривалъ встрѣчнаго и поперечнаго, не опасаясь за цѣлость своей собственной освященной кожи. Такъ, попъ заявилъ, что крестьянскій сынъ Дмитрюшка Максимовъ слышалъ, какъ Першку называли

„Государемъ“; онъ просилъ Дмитрюшку пытать. „Противъ попова челобитя“ Дмитрюшка былъ пытанъ, но оказался выносливымъ и „съ пытки не винился“; попъ Ѳедоръ не удовольствовался истязаніемъ этой своей несовершеннолѣтней духовной овцы и билъ челомъ, чтобы „Великій Государь указалъ того малаго пытать вдругорядъ, и онъ де скажетъ“; малый снова былъ пытанъ „накрѣпко“, но и „съ другія пытки ни въ чемъ не винился“ и утверждалъ, „что тѣмъ де его попъ поклепалъ“; въ заключеніе Дмитрюшка Максимовъ, подобно другимъ оговореннымъ, тщетно „слался на попову кожу“. На очной же ставкѣ съ оговоренными имъ крестьянами Никитинымъ и Аванасьевымъ попъ самъ беззащитно признался, что на нихъ „сказалъ напрасно, забывся“.

Открылось также, что попъ Ѳедоръ давалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ деньги взаймы; самая ссора попа на „всеѣдной недѣлѣ“ съ крестьянами стольника Пушкина возникла изъ того, что попъ пришелъ „прошатиъ долговыхъ денегъ“ у крестьянина Жукова. Обстоятельства этой ссоры не свидѣтельствовали въ пользу пастырскихъ добродѣтелей попа Ѳедора и его хорошихъ отношеній къ прихожанамъ; изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что попъ на торгу съ крестьянами „промежъ себя бранились матерны, и съ той брани крестьянинъ Петрушка Рыченокъ учалъ на попа метаться бить, и тотъ попъ учалъ ему бранить, что де ты мнѣ, Петръ, грозишь бить, мнѣ де ты и съ бояриномъ своимъ грошь“!

Сыскъ не оставилъ сомнѣній въ томъ, что все случилось „пьянскимъ дѣломъ“, что ни Митьку, ни Першку „высокою рѣчью“ не называли, что у крестьянъ Пушкина „сполоху (бунта) не было“ и „умыслу у нихъ о томъ ни съ кѣмъ не бывало, и никто ихъ на такое дѣло не научалъ“. Но приказной мнительности того времени это „пьянское дѣло“ однако казалось важнымъ политическимъ преступленіемъ, и не закончившись въ Приказѣ, въ Министерской канцеляріи того времени, перешло въ Государственный Совѣтъ, т. е. было внесено изъ Разряда въ Боярскую Думу, гдѣ было спѣшно рассмотрѣно и уже 19 марта состоялся приговоръ.

22 марта этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ селѣ Васильевскомъ, „села Васильевского и села Михайловскаго, деревни Орудова и деревни Яковлева при крестьянѣхъ и при стороннихъ при многихъ людѣхъ“. Главнымъ преступникамъ были сказаны ихъ „вины“, до смѣшного ничтожныя.

Першкѣ Яковлеву было поставлено въ вину лишь то, что „назывался воеводою“, а Митькѣ Демидову лишь то, что „назывался атаманомъ“; но оба они были „биты кнутомъ на козлѣ¹⁾ нещадно“, и у cadaго изъ нихъ было „отсѣчено по два перста“ на правой рукѣ. Стрѣлецъ Давыдъ Сокуровъ и крестьянинъ Иванъ Скворцовъ оказались виновными въ томъ, что „водили Митьку и Першку подъ руки“, Дмитрюшка и Артюшка Варгазиновы и Оброска Скворцовъ въ томъ, что несли „вмѣсто знаменъ фаты“ и „вмѣсто барабановъ лукошки“; всѣ пятеро были „биты на козлѣ кнутомъ нещадно“. Демидовъ, Яковлевъ, Сокуровъ и Иванъ Скворцовъ, съ семействами, въ качествѣ „пушихъ заводчиковъ“ были отправлены въ Москву для ссылки въ Сибирь на пашню. „Достальные всѣ, которые за ними ходили, oprичъ малыхъ робятъ, которые лѣтъ по 10 и меньше, 24 человекъ были передъ сѣзжимъ дворомъ биты батоги нещадно“; при этомъ „малые робята 5 человекъ батоги не были биты потому, что они малы меньше 10 лѣтъ“, да кромѣ того изъ этихъ виновныхъ „малыхъ робятъ три человекъ лежали больны“.

Не одоброваль, впрочемъ, и самъ попъ Ѳедоръ. „Пытаному“ крестьянскому сыну Митькѣ Максиму „на попѣ Ѳедорѣ, что онъ, Митька, пытанъ по его, попову, оговору, было доправлено безчестья и увѣчья пять рублей“, а попа указано было „привезть къ Москвѣ и для правильнаго вины (для отвѣта передъ духовной властью) отослать на Патріарховъ Дворъ“.

Переписная книга 1677 года даетъ указанія на дальнѣйшую судьбу нѣкоторыхъ участниковъ этой масляничной трагикомедіи. Прошло болѣе 10 лѣтъ. Попъ Ѳедоръ, вѣроятно, не возвратился въ Михайловское съ Патріархова Двора: въ 1677 году въ Васильевскомъ по-прежнему священствовалъ тотъ же попъ Иванъ Никифоровъ, но въ Михайловскомъ былъ уже другой попъ—Іаковъ.

„Битые кнутомъ нещадно“ Митька и Артюшка Варгазины жили въ Васильевскомъ и были обстоятельными мужиками, имѣвшими одинъ четверыхъ, другой двоихъ сыновей.

Въ Яковлевѣ здравствовалъ Якушка Михайловъ сынъ Дурѣевъ, отецъ злополучнаго Першки; при немъ жили сыновья Степка и Ивашка, имѣвшіе каждый по сыну, и „сына его Першкинъ сынъ Якушка двухъ лѣтъ“, неизвѣстно какъ попавшій изъ Сибири въ Яковлево. Упоминается и дворъ Ивашки

¹⁾ Деревянная подставка, на которую клали наказываемаго.

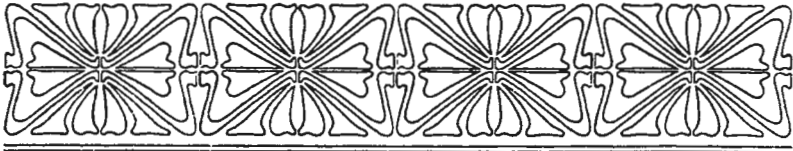
Андреева Скворцова, повидимому, того, который былъ въ 1666 году сосланъ въ Сибирь. „Малый“, храбро перенесшій пытку „по челобитью“ попа Ѳедора, Митька Максимовъ, жилъ при отцѣ своемъ Максимѣ Тимоѳеевѣ Живулинѣ и самъ уже имѣлъ троихъ сыновей¹⁾).

Были живы и пытанный Ѳекулка Кондратьевъ сынъ Кручининъ, имѣвшій четверыхъ сыновей, и Петрушка Рыченокъ, тотъ самый, который „метался бить“ попа Ѳедора. Только Мартышка Ѳедоровъ, битый самозваннымъ „воеводою“ и потомъ пытанный настоящимъ сыщикомъ, не выдержалъ этихъ мытарствъ; о немъ Переписная книга говоритъ: „дворъ пусть—Мартышки Ѳедорова,—сбѣжалъ“.

Сообщилъ **В. Шереметевскій.**

---

¹⁾ Въ виду того, что старшему сыну Митьки въ 1677 году было пять лѣтъ, можно думать, что Митькѣ, женившемуся по тогдашнему обычаю рано, было лѣтъ 13—14 въ то время, когда онъ былъ пытанъ.

Нурьезы старой Москвы.

(Изъ записной книжки „Русской Старины“).

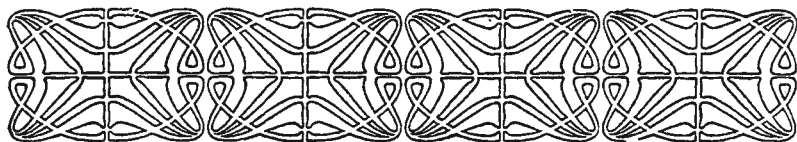
Лѣтъ около 70 назадъ изъ устъ въ уста передавался въ Москвѣ анекдотъ, что оберъ-полиціймейстеръ собралъ какъ-то къ себѣ всѣхъ частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей и, сдѣлавъ имъ замѣчаніе, что изъ частей обо всемъ доносится несвоевременно, какъ на примѣръ о метеорѣ, пролетѣвшемъ въ то время и взволновавшемъ всю Москву, и приказалъ доносить обо всемъ заблаговременно, даже о метеорахъ. Въ то время трудно было бы найти москвича, не знавшаго объ исторіи съ метеоромъ. Затѣмъ передавали, что будто этому оберъ-полиціймейстеру пришлось быть въ Петербургѣ и посѣтить одного изъ хорошо знакомыхъ ему генераловъ. Тотъ, радостно встрѣчая его въ передней, будто бы проговорилъ:

— Какъ я радъ васъ видѣть: вѣдь вы появляетесь у насъ, какъ метеоръ.

— Это неправда, ваше превосходительство, это про меня только все вздоръ рассказываютъ, отвѣчалъ будто бы приѣзжій.

Въ Москвѣ былъ одинъ полицейскій приставъ въ городской части Х . . . . , къ которому могли обращаться всѣ обокраденные громадами, и въ большинствѣ случаевъ, при уплатѣ нѣкоторой суммы для сыска, вещи пропавшія находились.

Сообщилъ **С. В. Танѣевъ.**

ОТЗВУКИ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

С.-Петербургскій университетъ.

(1868—69 годъ).

Я поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Въ университетъ тогда принимали окончившихъ гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ послѣ повѣрочнаго испытанія по русскому языку, математикѣ, или латинскому языку, смотря по тому, на какой факультетъ поступалъ предъ-явитель аттестата. Повѣрочное испытаніе заключалось въ письменной работѣ на заданную тему, исполненной въ аудиторіи, гдѣ были собраны аспиранты. Имъ раздавались чистые листы сѣрой бумаги, на одномъ углу которыхъ значилась фамилія аспиранта, а по серединѣ — заголовокъ темы. Листы выдавалъ инспекторъ студентовъ, Н. В. Озерецкій, въ присутствіи назначенныхъ для производства повѣрочныхъ экзаменовъ профессоровъ, которымъ и сдавалась экзаменующимся оконченная работа. Изустныхъ вопросовъ не предлагалось.

Къ пяти часамъ дня всѣ работы были сданы, и повѣрочный экзаменъ былъ объявленъ оконченнымъ. Два—три дня спустя, въ сборной студентовъ и въ канцеляріи правленія былъ вывѣшенъ списокъ вновь принятыхъ въ число студентовъ лицъ, которые и приглашались въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ внести плату за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи и, кому это нужно, явиться въ канцелярію инспекціи за получениемъ вида на жительство въ Петербургѣ. Этотъ видъ нуженъ былъ всѣмъ одинокимъ студентамъ, жившимъ въ меблированныхъ комнатахъ, и онъ выдавался, независимо отъ того, просилъ ли видъ внесшій уже плату, или нѣтъ. Взноса денегъ ждали два мѣсяца, затѣмъ, въ сборной вывѣшивался списокъ не внесшихъ плату, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ непоступленія отъ нихъ денегъ, или ходатайства объ

освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, они черезъ двѣ недѣли будутъ сочтены „выбывшими изъ числа студентовъ университета“ и исключены изъ списковъ. замѣтите деликатность: „выбывшими“, а не „исключенными за невзносъ платы“, какъ объявлялось позднѣе и объявляется нынѣ. Другое время, другіе нравы.

Увидавъ свою фамилію въ списокѣ принятыхъ въ студенты, я поспѣшилъ внести плату и началъ ждать начала лекцій.

На первомъ курсѣ юридическаго факультета мнѣ предстояло слушать слѣдующихъ профессоровъ: маститаго П. Г. Рѣдкина (энциклопедія юридическихъ наукъ), немолодого уже М. М. Михайлова (исторія русскаго права), молодыхъ: А. Д. Градовскаго (русское государственное право), Л. Б. Дорна (исторія римскаго права) и священниковъ: М. И. Горчакова (церковное право) и В. П. Полисадова (богословіе).

Лекціи началъ П. Г. Рѣдкинъ. По традиціонному обычаю, маститый профессоръ каждый годъ читалъ новымъ студентамъ такъ называемую „вступительную“ лекцію на общую тему. Намъ онъ прочелъ о значеніи права для государства и человѣка. Характерная, плотная фигура Петра Григорьевича, съ большой, остриженной подъ гребенку головой, длинными, „малороссійскими“ усами и небольшими баками, производила пріятное впечатлѣніе благообразнаго, умнаго старца. Онъ спокойно, медленно прошелъ на каѳедру, вынулъ изъ кармана виць-мундира небольшую, согнутую пополамъ тетрадку и началъ читать. Огромная XI аудиторія, самая помѣстительная въ университетѣ, была переполнена: слушатели сидѣли на скамьяхъ, на окнахъ, на возвышеніи для каѳедры, многіе стояли. Читалъ Рѣдкинъ хорошо, нѣсколько съ малороссійскимъ акцентомъ, но это не мѣшало ясности его рѣчи. Лекція была очень содержательна и прослушана многочисленными слушателями съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Когда профессоръ кончилъ, сложилъ обратно въ карманъ свою тетрадку и направился къ двери, раздались шумныя, единодушныя рукоплесканія всей аудиторіи. П. Г. Рѣдкинъ остановился, повернулся лицомъ къ студентамъ и сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно, что моя лекція была прослушана вами безъ скуки, съ интересомъ, и вызвала въ васъ желаніе выразить мнѣ ваше сочувствіе. Я искренно цѣню добрые порывы молодости, но обязанъ напомнить вамъ, что университетскія правила безусловно воспрещаютъ студентамъ выражать профессорамъ знаки одобренія или порицанія за чи-

таемыя ими учебныя лекціи. Правила эти составляют наше университетское „право“, которое мы, юристы, обязаны знать и исполнять. Нарушеніе нашихъ правилъ можетъ и должно повлечь за собой непрятное всегда возмездіе, вмѣшательство инспекціи, которая обязана слѣдить за соблюденіемъ студентами установленнаго въ университетѣ порядка и неуклонно преслѣдовать нарушителей послѣдняго. Исторія нашего и другихъ университетовъ сохранила грустныя подробности такъ называемыхъ университетскихъ беспорядковъ, начинавшихся съ пустяковъ и кончавшихся закрытіемъ университета. Помните это и берегите университетъ.

Сказавъ это, почтенный старецъ повернулся и пошелъ къ выходной двери подъ громъ новыхъ рукоплесканій всей аудитории, продолжавшихся, пока профессоръ не скрылся за дверью.

Понятно, послѣ такого впечатлѣнія отъ вступительной лекціи, студенты не переставали наполнять XI аудиторию, въ которой читалъ свой курсъ захватившій ихъ сразу профессоръ. Охотно также посѣщались лекціи профессора Градовскаго по русскому государственному праву. Минимальное количество слушателей собирали лекціи М. М. Михайлова, который вслухъ читалъ намъ свой печатный курсъ, и читалъ скучно, вяло, не интересно, какъ читаетъ въ церкви Апостола плохой дьячекъ.

Къ концу перваго полугодія, новые студенты узнали, что всѣ лекціи стенографируются, просматриваются профессорами и затѣмъ литографируются, что, затративъ три—четыре рубля, можно имѣть полный курсъ Дорна, Горчакова, Градовскаго; одинъ Рѣдкинъ отказался просматривать стенограмму его лекцій, но и его курсъ все-таки тщательно записывался нѣсколькими студентами, которые сличали свои записи, вывѣряя, такимъ образомъ, собственными средствами текстъ лекцій несговорчиваго профессора, и затѣмъ сдавали стенограмму въ литографію. Словомъ, все было приспособлено къ наибольшему приготовленію къ экзамену безъ траты времени на посѣщеніе профессорскихъ лекцій. Да, большое зло было это, официально разрѣшенное и санкціонированное профессорами изданіе дешевыхъ литографированныхъ курсовъ. Готовые, вывѣренные профессорами, доступные по цѣнѣ, продаваемые тутъ же въ университетѣ курсы быстро отучили студентовъ посѣщать и записывать лекціи, свели къ нулю значеніе всей лекціонной системы преподаванія. Литографированные курсы замѣняли студентамъ все: профессоровъ, научныя пособія, спеціальную литературу, памятники, и вся умственная работа

молодежи сводилась исключительно къ работѣ памяти, къ простому заучиванію университетскаго курса, какъ заучивались въ гимназіи катехизисъ Филарета и учебники Ободовскаго и Иловайскаго. Послѣдствіемъ такой постановки университетскаго преподаванія было такое, на примѣръ, явленіе: экзаменуясь на кандидата, одинъ бывший студентъ, слушатель уже оставившаго университетъ проф. Михайлова, подробно описалъ профессору Градовскому, экзаменовавшему, за неимѣніемъ въ данный моментъ отдѣльнаго профессора (В. И. Сергѣевичъ пріѣхалъ поздне), изъ исторіи русскаго права, внѣшній видъ „Русской Правды“.

— Вы видѣли „Русскую Правду“? Гдѣ?—спросилъ изумленный Градовскій.

— Да, видѣлъ; ходилъ для этого нарочно въ Публичную бібліотеку,—отвѣтилъ экзаменуемый.

— Очень радъ. Прекрасно. Довольно. И восхищенный профессоръ поставилъ любознательному молодому человѣку 5. И это было понятно, если я скажу, что на томъ же экзаменѣ, происходившемъ совмѣстно со студентами второго курса, державшими переводное испытаніе, были экземпляры, не знавшіе не только годовъ, когда царствовала Екатерина II, но даже столѣтія. Завѣряю честнымъ словомъ, что передаю истинный фактъ, а не анекдотъ. Многіе мои товарищи не знали буквально ничего, кромѣ записокъ, а въ печатномъ курсѣ Михайлова—указанія на время царствованія Екатерины Великой не было. Помнить же гимназическую учебу считалось необязательнымъ, и на вопросъ Градовскаго смотрѣли какъ на недостойную профессора придирку, а на поставленную имъ неудовлетворительную отмѣтку, какъ на явную несправедливость. Вотъ къ какому извращенію понятій, къ какой дѣйствительно недостойной притязательности приводили студентовъ литографированныя записки. За профессоромъ отрицалось право требовать отъ студента даже общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ, если эти факты не упоминались въ запискахъ по тому предмету, по которому производилось испытаніе. Много лѣтъ спустя, довелось мнѣ говорить по этому поводу съ покойнымъ А. Д. Градовскимъ, и почтенный профессоръ не могъ не согласиться, что литографированіе университетскихъ лекцій, весьма выгодное группѣ студентовъ-издателей, значительно понизило умственный уровень студенчества и убило въ молодежи послѣдній интересъ къ научному занятію и къ самостоятельному труду по приобрѣтенію знаній.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Рождественскіе праздники 1868 года прошли. Насталъ новый 1869 годъ. Постепенно приближалось время переходныхъ экзаменовъ. Я все усерднѣе и усерднѣе читалъ записки тѣхъ профессоровъ, у которыхъ предстояло экзаменоваться, и по недѣлямъ не заходилъ въ университетъ и не зналъ, что тамъ дѣлается.

Между тѣмъ, въ университетѣ шли бурныя сходки, на которыхъ обсуждались текущіе вопросы студенческой жизни. Сходки происходили и въ зданіи университета, и въ студенческой столовой, открытой на имя нѣкоей Козловской. Зашедшій ко мнѣ случайно товарищъ вывелъ меня изъ блаженнаго невѣдѣнія университетской современности.

Я устыдился, бросилъ чтеніе записокъ и пошелъ на другой день на сходку, назначенную въ университетскомъ актовомъ залѣ, отпертомъ потому, что въ немъ профессора Градовскій и Ивановскій читали лекціи одновременно для обоихъ разрядовъ юридическаго факультета. Организаторы сходовъ думали воспользоваться огромнымъ актовымъ заломъ и назначили его мѣстомъ той сходки, на которую пришелъ и я.

Но въ залъ проникнуть студентамъ не удалось: двери, въ него ведущія, инспекторъ предусмотрительно приказалъ запретить, ибо соединенной лекціи въ этотъ день по расписанію назначено не было. Собравшіеся на сходку, по необходимости, рассыпались по корридору, занявъ, кстати, и большую парадную лѣстницу, на верхней площадкѣ которой появились, тотчасъ же ораторы: Степанъ Езерскій, Илья Шрагъ и знаменитый впослѣдствіи Нечаевъ, числившійся въ университетѣ вольнослушателемъ. Первые двое представляли элементъ умѣренный: они убѣждали студентовъ ограничить свои домогательства мелкими, но существенными нуждами всего студенчества: кассой, правомъ сходовъ, столовой, библіотекой. Эти желанія—говорили Езерскій и Шрагъ—понятны, реальны, опредѣленны и вполне осуществимы; никто не посмѣетъ сказать, что мы волнуемся не своимъ, студенческимъ дѣломъ.

Нечаевъ, наоборотъ, призывалъ сходку къ широкому, безпредѣльному протесту противъ насилій администраціи, допущенныхъ въ тогдашней медико-хирургической академіи, гдѣ студенты за вполне мирныя, безусловно академическія домогательства подвергнуты исключенію изъ академіи, арестамъ и высылкѣ изъ Петербурга. „Маниловщиной—кричалъ Нечаевъ—заниматься поздно, чортъ съ ней, съ казенной наукой, если

она готовить студентовъ на службу самодержавному безправію, создаетъ насильниковъ права и свободы. Подлецы пусть изучаютъ эту науку, а мы, честные люди, чуткая молодежь, отстранимся отъ зла и сотворимъ благо, пойдемъ всѣ гуртомъ и громко скажемъ подлецамъ, что они подлецы, что наука ихъ, одобренная III-мъ отдѣленіемъ, не наука, а подлая мерзость, которая учитъ подлому холопству, унижающему и профессоръ и студентовъ. Наша задача—всѣми средствами бороться за свою свободу, за свободную науку, за свободное студенчество“.

Много еще красивыхъ, возбуждающихъ фразъ произнесъ будущій агитаторъ, но не достигъ успѣха: большинство сходки раздѣлило доводы Езерскаго и Шрага, отрицательно отнеслось къ туманному призыву Нечаева. Озлобленный вышелъ онъ изъ университета, бросивъ сходкѣ: „Труссы, подлецы“.

Сходка продолжалась весь день, до 6—7 часовъ вечера. Инспекція успѣла, конечно, записать всѣхъ, извѣстныхъ ей участниковъ сходки, съ ораторами во главѣ. На другой день, въ сборной висѣло объявленіе о созывѣ университетскаго суда и о преданіи этому суду, помнится, 70 студентовъ, названныхъ въ объявленіи „зачинщиками и виновниками безпорядковъ“. Всѣмъ имъ входъ въ университетъ былъ тогда же воспрещенъ. Это объявленіе вызвало новое волненіе, новыя сборища студентовъ въ шинельной, въ буфетѣ, въ сборной, въ корридорѣ и на лѣстницѣ. „Среди насъ нѣтъ зачинщиковъ; если есть виновные, то всѣ виноваты одинаково. Идемъ къ ректору!“ Такіе возгласы раздавались дружно во всѣхъ углахъ скопленія студентовъ. „Толпой идти неловко; лучше послать депутацію!“— „Сюда пригласить ректора“. Возникаютъ споры, шумъ, галдѣніе; инспекторъ Озерецкій и его помощникъ Пальминъ суетятся, убѣждаютъ сходку разойтись; ихъ никто не слушаетъ, они подъ шумокъ переписываютъ студентовъ.

Наконецъ, группа въ 10—12 студентовъ отдѣляется и идетъ въ правленіе бесѣдовать съ ректоромъ отъ имени сходки. Толпа утихла, ждетъ. Проходитъ $\frac{1}{4}$ часа. Дверь помѣщенія правленія открывается, изъ нея выходитъ депутація и за ней ректоръ К. Э. Кесслеръ. Спокойно, твердо ректоръ объявляетъ сходкѣ, что правленіе университета не можетъ оставить безъ вниманія нарушеніе скопомъ университетскихъ правилъ; виновники въ созывѣ сходки извѣстны инспекціи, они и преданы университетскому суду, вмѣстѣ съ главными ораторами сходки.

Судить всѣхъ правленіе не считаетъ справедливымъ, ибо на сходкѣ несомнѣнно было не мало любопытныхъ, непричастныхъ къ недопустимымъ возгласамъ, раздававшимся съ незаконной трибуны; это — жертвы обстановки, и судить ихъ наравнѣ съ созвавшими сходку и ораторами правленіе никогда не согласится; вотъ неугомонныхъ буяновъ, не унявшихся послѣ преданія суду первыхъ зачинщиковъ безпорядковъ, переписанныхъ инспекціей вчера и сегодня, правленіе, конечно, предастъ суду, образовавъ изъ нихъ вторую группу.

Этимъ К. О. Кесслеръ и ограничилъ свои объясненія съ студентами и ушелъ со сходки.

— Что же теперь дѣлать?—загудѣла толпа. Раздались совѣты и планы, одинъ смѣлѣе и рѣшительнѣе другого. Спорили долго, горячо, искренно ища способа выручить своихъ товарищей, преданныхъ суду, хотя и университетскому, но все-таки грозному; въ числѣ этихъ товарищей были и наши лучшіе благоразумные коноводы: Езерскій, Шрагъ и другіе, популярные студенты. Наконецъ, рѣшили на сегодня разойтись и ждать ближайшихъ событій—рѣшенія суда относительно первой группы привлеченныхъ къ отвѣту и тогда выработать способъ и форму протеста противъ репрессій начальства.

Нѣсколько дней прошло безъ сходовъ, пока судъ дѣлалъ свое дѣло. Наконецъ, стало извѣстнымъ, что всѣхъ, привлеченныхъ къ суду, постигло исключеніе изъ университета, многихъ безъ права поступленія навсегда въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе, другихъ—безъ права поступленія, тоже безсрочно, въ столичные университеты, третьихъ—опять безъ срока, безъ права возвращенія въ Петербургскій университетъ; послѣднюю категорію, наиболѣе многочисленную, составляли приговоренные къ исключенію на разные сроки.

Узнали дальше, что списки исключенныхъ и ихъ документы тотчасъ же были отосланы университетскимъ начальствомъ въ III отдѣленіе, которое распорядилось выслать всѣхъ исключенныхъ изъ Петербурга, кого на родину, къ родителямъ, кого—въ отдаленныя губерніи, подъ надзоръ полиціи.

Тотчасъ же опять начались сходки, совѣщанія, но уже менѣе многолюдныя, сравнительно тихія: главные ораторы ушли въ ссылку, Нечаевъ перебрался въ Москву, новыхъ вожаковъ, способныхъ увлечь студенческую массу, не находилось. Всѣ склонны были стать на защиту пострадавшихъ товарищей, но какъ это сдѣлать—никто указать не могъ, и волненіе постепенно замирало.

Наступилъ май мѣсяць, а объ экзаменахъ забыли и студенты, и начальство. Послѣднее все еще занималось окончательной ликвидаціей „исторіи“. Инспекція представила ректору запоздавшій, третій списокъ „дѣятельныхъ“ участниковъ сходовъ, происходившихъ въ университетѣ послѣ объявленія рѣшеній университетскаго суда, и требовала ихъ непремѣннаго наказанія. Ректоръ передалъ списокъ и требованіе инспекціи на усмотрѣніе правленія. Судъ уже былъ закрытъ, и созывать его вновь правленію не хотѣлось. Выслушавъ дополнительный, словесный докладъ инспектора, правленіе выбрало изъ списка инспекціи 17 студентовъ и рѣшило предать этихъ послѣднихъ могиканъ суду правленія университета, состоящаго, какъ извѣстно, изъ ректора и декановъ. Я оказался въ числѣ этихъ 17-ти.

Повѣсткой, врученной каждому изъ насъ мѣстной полиціей, намъ объявлялось, что „за участіе въ безпорядкахъ, учиненныхъ студентами въ зданіи Спб. университета, такой-то передается суду правленія университета, вслѣдствіе чего вызывается для дачи объясненій въ засѣданіе сего правленія такого-то числа и мѣсяца, въ 1 часъ пополудни, а до этого дня входъ въ университетъ ему воспрещается“.

Въ назначенное время всѣ мы, 17 человекъ, собрались въ прихожей, передъ дверями, ведущими въ помѣщеніе правленія университета. Весело бесѣдуя и недоумѣвая—зачѣмъ мы понадобились, когда волненіе давно утихло и никакихъ безпорядковъ больше нѣтъ, мы старались угадать—что именно поставится намъ въ криминаль, и какая кара можетъ насъ ожидать?

Назначенный часъ прошелъ, но никто насъ никуда не звалъ. Сидѣть въ прихожей начинало надоѣдать, становилось просто скучно. Я предложилъ товарищамъ, что пойду навести справки—отчего насъ не зовутъ—у секретаря по студенческимъ дѣламъ. Сказано—сдѣлано. Отворяя дверь въ канцелярію правленія, я наткнулся на ректора, который спросилъ меня: что мнѣ нужно? Я отвѣтилъ, что вызванные въ правленіе 17 студентовъ явились къ назначенному часу и ждутъ въ прихожей, но никто ихъ никуда не зоветъ, и они поручили мнѣ справиться—не забыли ихъ?

— Нѣтъ, не забыли, вотъ съ васъ и начнемъ. И ректоръ открылъ дверь, ведущую изъ канцеляріи въ комнату засѣданій правленія. Тамъ, за огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ и украшеннымъ солидною чернильницею

по серединѣ и золотымъ зеркаломъ на одномъ концѣ, засѣдали ученые мужи, деканы всѣхъ факультетовъ. Ректоръ занялъ свое предсѣдательское кресло. Я сталъ у закрытой двери, какъ разъ противъ ректора, и ждалъ вопросовъ.

— Инспекція—началь ректоръ—замѣтила, что вы принимали участіе въ безпорядкахъ, ходили на запрещенныя университетскими правилами сходки уже тогда, когда ваши товарищи были за сіе преданы университетскому суду и исключены изъ университета. Признаете себя виновнымъ?

— Да, на сходкахъ былъ, ибо считаю обязанностью каждаго порядочнаго студента быть тамъ, гдѣ обсуждаются нужды студенчества и способы ихъ наилучшаго удовлетворенія.

— О чемъ шла рѣчь на послѣдней сходкѣ?—спросили одновременно два декана.

— Обсуждалось, какъ можно помочь пострадавшимъ товарищамъ.

— И что же рѣшили?

— Къ сожалѣнію, никто не могъ указать способа, которымъ студенты могли бы улучшить судьбу исключенныхъ товарищей, а заявлять протестъ впустую большинство сходки находило безцѣльнымъ. Такъ и разошлись, не принявъ никакого рѣшенія.

— Лично у васъ столкновений съ инспекціей не было?—спросилъ ректоръ.

— Сколько помню, нѣтъ.

Ректоръ, молча, жестомъ руки спросилъ: не имѣетъ ли кто еще какихъ-нибудь вопросовъ. Деканы покачали головами отрицательно. Ректоръ предложилъ мнѣ выйти въ канцелярію и подождать тамъ рѣшенія правленія. Я скрылся за дверью, но не успѣлъ даже присѣсть въ канцеляріи, какъ дверь вновь отворилась, и ректоръ пригласилъ меня въ правленіе. Я вошелъ и услышалъ слѣдующее:

— Правленіе предлагаетъ вамъ дать торжественное обѣщаніе въ томъ, что вы не будете впредь, во все время пребыванія вашего въ университетѣ, принимать участія ни въ какихъ безпорядкахъ, сходкахъ и другихъ нарушеніяхъ существующихъ для студентовъ правилъ. Согласны вы дать въ этомъ честное слово?

— Къ сожалѣнію, отвѣтилъ я,—дать такого слова не могу.

— Почему?—спросилъ ректоръ.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ одинъ деканъ.

— Потому—продолжалъ я—что такъ называемые студенческіе беспорядки вызываются причинами, отъ студентовъ независящими. Дайте намъ кассу, библіотеку, столовую, разрѣшите сходки для обсужденія вопросовъ, касающихся этихъ студенческихъ дѣлъ, и, повѣрьте, никакихъ беспорядковъ не будетъ. Домогаться этихъ правъ каждый порядочный и честный студентъ, которому дороги интересы всего студенчества, нравственно обязанъ, хотя бы и съ нарушеніемъ дѣйствующихъ правилъ. И я всегда сочту своимъ долгомъ явиться на сходку, созванную для обсужденія текущихъ студенческихъ дѣлъ, зная, что безъ нарушенія правилъ сходка созвана быть не можетъ. Могу обѣщать одно: не принимать во все время моего студенчества никакого участія въ волненіяхъ студентовъ на обще-политической почвѣ, не проявлять въ стѣнахъ университета и на студенческихъ сходкахъ стремленій, выходящихъ за предѣлы непосредственныхъ нуждъ студентовъ, какъ таковыхъ.

— Вы кончили?—спросилъ ректоръ. Я утвердительно кивнулъ головой.

— Подождите въ канцеляріи, правленіе сейчасъ обсудитъ вашъ отвѣтъ и объявитъ вамъ свое рѣшеніе,—закончилъ ректоръ.

Я вновь скрылся за дверью. На этотъ разъ я успѣлъ выбѣжать къ ожидавшимъ меня товарищамъ, все еще сидѣвшимъ въ швейцарской. Быстро рассказалъ я имъ все, происшедшее со мной, желая дать имъ понять, что ничего страшнаго намъ не предстоить.

Едва я вернулся въ канцелярію, какъ былъ позванъ въ присутствіе правленія. Ректоръ встрѣтилъ меня словами:

— Правленіе признало васъ виновнымъ въ нарушеніи обязательныхъ для студентовъ правилъ, но, принявъ во вниманіе степень вашего участія въ беспорядкахъ и объясненія, данныя вами сего числа въ присутствіи правленія, постановило: вмѣнить вамъ въ наказаніе воспрещеніе до суда посѣщать университетъ. Вы свободны,—заклучилъ ректоръ.

Я вышелъ. Къ моему удивленію, встали и вышли за мной ректоръ и всѣ деканы. Оказалось, что судебное засѣданіе правленія было назначено наверху, въ актовомъ залѣ, и только моя случайная встрѣча съ ректоромъ въ дверяхъ въ канцеляріи избавила меня отъ торжественной обстановки.

Всѣ остальные 16 подсудимыхъ приглашены были въ актовъ залъ. Но перемѣна обстановки не повліяла на судьбу подсудимыхъ: всѣ отдѣлались „выговоромъ“, самое большее „строгимъ выговоромъ“.

Очевидно, исполнялась пустая формальность; у правленія не хватило храбрости прямо бросить въ сорную корзинку послѣднее донесеніе инспекціи, и оно предпочло „сдѣлать видъ“, что оно предаетъ насъ суду и наказываетъ. Этимъ комическимъ судомъ надъ послѣдними могиканами безпорядковъ закончилась студенческая исторія, помѣшавшая многимъ сдать не только переходные экзамены, но и кончить курсъ.

Мнѣ предстояло остаться на второй годъ на первомъ курсѣ, и я уже начиналъ мириться съ неизбѣжностью этого грустнаго факта, какъ случай свелъ меня съ пріѣзжимъ студентомъ Кіевскаго университета. Онъ повѣдалъ мнѣ, что въ Кіевскомъ университетѣ студенты 1-го и 3-го курсовъ переводятся на слѣдующіе курсы безъ экзаменовъ, которые производятся лишь два раза въ теченіе всего курса: при переходѣ со 2-го на 3-й курсъ — изъ предметовъ, законченныхъ на первыхъ двухъ курсахъ, и при выпускѣ — изъ предметовъ, прочитанныхъ на двухъ послѣднихъ курсахъ. Этотъ порядокъ открывалъ мнѣ возможность спасти потерянный годъ: стоило только перейти въ Кіевскій университетъ, гдѣ меня, казалось, должны безъ затрудненій принять на второй курсъ. Мысль эта прочно засѣла въ моей головѣ. Кстати, нашъ домашній докторъ усмотрѣлъ у меня расположеніе къ чахоткѣ и находилъ петербургскій климатъ для меня безусловно вреднымъ. Поэтому, мое намѣреніе промѣнять Петербургъ на Кіевъ встрѣчено было моими домашними весьма сочувственно, и вопросъ былъ скоро и окончательно рѣшенъ въ пользу моего переселенія.

По совѣту опытныхъ людей, я не перевелся изъ одного университета въ другой, а уволился изъ Спб. университета, получивъ удостовѣреніе въ томъ, что я пробылъ годъ на первомъ курсѣ, на переходные экзамены не явился и уволенъ по прошенію, вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, при чемъ правленіе университета свидѣтельствовало, что оно не имѣло основаній усомниться въ моей политической благонадежности.

Заполучивъ это „полное“ удостовѣреніе, я послалъ его по почтѣ въ Кіевскій университетъ, при прошеніи о пріемѣ меня на второй курсъ. До конца августа я не получилъ изъ Кіева никакого извѣщенія. Зная, однако, что лекціи во всѣхъ нашихъ университетахъ начинаются послѣ лѣтнихъ каникулъ около 1-го сентября, и не предвидя никакихъ законныхъ препятствій къ пріему меня въ Кіевскій университетъ, я въ послѣднихъ числахъ августа двинулся въ Кіевъ.

Кіевскій университетъ Св. Владіміра.

(1869 г.).

Снаряжая меня въ Кіевъ, отецъ далъ мнѣ рекомендательныя письма къ своему университетскому товарищу, моему крестному отцу, И. Ѳ. Миницкому, занимавшему въ Кіевѣ видную должность управляющаго акцизными сборами, и къ сотруднику „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, молодому профессору Кіевскаго университета, М. П. Драгоманову. Обоими я былъ принятъ весьма радушно, и мнѣ было обѣщано всяческое содѣйствіе. У Драгоманова я познакомился съ его братомъ, студентомъ какъ разъ юридическаго же факультета, но уже, помнится, 3-го курса, Иваномъ Петровичемъ, съ которымъ, донинѣ здравствующимъ, я сохраняю дружескія отношенія по сей день. Не помню, кто именно далъ мнѣ еще письмо къ С. Я. Богданову, завѣдывавшему тогда чѣмъ-то книжнымъ магазиномъ, любезно обѣщавшему снабжать меня новыми книгами. У М. П. Драгоманова я познакомился еще съ магистрантомъ университета по политической экономіи, Н. И. Зиберомъ, человѣкомъ очень интереснымъ и привлекательнымъ.

Употребивъ дня два на посѣщеніе Миницкаго, Драгоманова и Богданова, нанявъ случайно сдававшуюся комнату у порядочнаго, по отзыву братьевъ Драгомановыхъ, субъ-инспектора университета Юнга, я пошелъ въ университетъ.

Первое должностное лицо, которое я увидѣлъ, былъ, конечно, швейцаръ, любезно сообщившій мнѣ, что правильное чтеніе лекцій еще не началось, такъ какъ многіе профессора еще не возвратились изъ лѣтнихъ отлучекъ.

— А ректоръ здѣсь?—спросилъ я.

— Ректоръ всегда здѣсь, никогда никуда не выѣзжаетъ.

— А когда и гдѣ онъ принимаетъ студентовъ?

— Въ университетѣ у нихъ пріемныхъ часовъ для студентовъ не назначено, принимаютъ больше въ клиникѣ, въ дни, когда читаютъ тамъ лекціи; тогда студенты и норовятъ поймать ихъ, если нужно.

Я вспомнилъ, что наканунѣ, у Драгоманова, мнѣ говорили, что ректоръ—извѣстный въ городѣ акушеръ, съ огромной практикой, отнимающей у него массу времени, днемъ и ночью, что въ университетъ онъ попадаетъ, и то не всегда, лишь на засѣданія совѣта и правленія, и только на лекціи въ клинику пріѣзжаетъ исправно и аккуратно.

— А секретарь по студенческимъ дѣламъ здѣсь?—обратился я вновь къ швейцару.

— Этотъ всегда тутъ, отлучается только къ ректору, больше рано поутру, или поздно вечеромъ.

— А теперъ здѣсь?

— Здѣсь, въ своемъ кабинетѣ. Когда нужно, пожалуйста. Съ площадки направо, первая бѣлая дверь, тамъ дощечка прибита.

Я поднялся на лѣстницу, безъ труда нашелъ бѣлую дверь съ дощечкой: „Секретарь по студенческимъ дѣламъ“, и вошелъ въ большую свѣтлую комнату. Тамъ, перпендикулярно къ простѣнку между двумя большими окнами, стоялъ большой письменный столъ, за которымъ сидѣлъ немолодой уже человекъ съ лысиной и полусѣдыми баками и волосами. Увидѣвъ меня, онъ всталъ.

— Г. секретарь по студенческимъ дѣламъ?—спросилъ я.

— Онъ самый. Константинъ Ивановичъ Божовскій, — отрекомендовался секретарь. Что вамъ угодно?

Я назвалъ себя и спросилъ: гдѣ и когда я могу получить билетъ на посѣщеніе лекцій и узнать расписаніе лекцій.

— А вы уже приняты въ число студентовъ нашего университета?—спросилъ меня Божовскій.

— Думаю, что принять, прошеніе послалъ давно и никакихъ препятствій къ приему меня не предвижу.

— Сначала узнайте резолюцію ректора на вашемъ прошеніи, а потомъ уже приходите или за билетомъ, или за бумагами.

— А вы не можете сказать эту резолюцію?—рѣшился спросить я.

— Простите — отвѣтилъ Божовскій — помнить нѣсколько сотъ резолюцій, мнѣ нисколько неинтересныхъ, я не могу и не обязанъ. Для избѣжанія пустыхъ разговоровъ и напрасной траты времени на отдѣльные справки въ дѣлахъ, мы вывѣшиваемъ въ свѣтломъ корридорѣ списокъ принятыхъ студентовъ и списокъ лицъ, которымъ отказано въ зачисленіи ихъ въ число студентовъ. Списки эти ежедневно пополняются, пока прошенія не перестаютъ поступать. Иногда разрѣшеніе прошеній задерживается неполученіемъ затребованныхъ нашимъ ректоромъ справокъ.

— Гдѣ же этотъ свѣтлый корридоръ?

— Выйдите изъ моей комнаты, спросите у перваго встрѣчнаго студента, или сторожа,—вамъ покажутъ.

Я поклонился и вышелъ.

Свѣтлый корридоръ оказался недалеко, и разыскивать его мнѣ не пришлось. Это была свѣтлая часть общаго корридора (въ ней были два большихъ окна), нѣсколько расширенная, такъ что имѣла видъ проходной комнаты. Здѣсь я невольно остановился, увидѣвъ много молодыхъ людей, стоявшихъ передъ завѣшенными объявленіями стѣнами. Еще издали мнѣ бросилось въ глаза объявленіе съ крупнымъ заголовкомъ: „Расписаніе лекцій“. Не трудно было сообразить, что я нахожусь у цѣли моихъ поисковъ. Списавъ расписаніе лекцій 2-го курса юридическаго факультета, я нашелъ тѣ списки, о которыхъ говорилъ мнѣ Божовскій; въ нихъ моей фамилии не было ни въ числѣ принятыхъ, ни въ числѣ отринутыхъ.

Что это значить, хорошо, или худо?—думалъ я, уходя изъ свѣтлаго корридора; мелькнула, было, мысль зайти опять къ Божовскому, но перспектива предстать вновь передъ непривѣтливымъ секретаремъ не улыбалась, и я предпочелъ дожидаться вечера, пойти къ Драгоманову, и тамъ получить кое-какія разъясненія.

Когда я сказалъ Михаилу Петровичу, что ректоръ почему-то задерживаетъ рѣшеніе вопроса о принятіи меня въ университетъ, Драгомановъ замѣтилъ:

— Остается вѣрять себѣ. Не довѣряетъ онъ студентамъ другихъ, особливо столичныхъ, университетовъ, изводитъ ихъ справками, открытыми, конфиденціальными, пишетъ даже частныя письма ректорамъ университетовъ, губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полиціймейстерамъ, знакомымъ профессорамъ, въ III Отдѣленіе, мѣстнымъ жандармскимъ управленіямъ,—словомъ, всюду и всѣмъ, откуда и отъ кого только надѣется получить вѣрныя и точныя свѣдѣнія о бывшихъ студентахъ другихъ университетовъ, поступающихъ къ намъ послѣ увольненія. Вотъ и о васъ, навѣрное, полетѣли письма въ Петербургъ со всевозможными вопросами и запросами. И пока не придутъ всѣ отвѣты, вы приняты не будете. Съ этимъ надо помириться, тутъ ничего не подѣлаешь.

— Я не спѣшу—отвѣтилъ я—досадно только, что приходится пропускать лекціи въ началѣ новаго курса; безъ входнаго билета швейцаръ не пропускаетъ на лѣстницу, ведущую въ аудиторіи. Мнѣ трудно будетъ потомъ достать текстъ пропущенныхъ лекцій, я не знаю ни одного студента второго курса, аккуратно и вѣрно записывающаго лекціи,

курсы здѣсь не литографируются, ихъ купить нельзя, необходимо самому составить къ экзаменамъ если не полный курсъ, то хотя толковый конспектъ по всѣмъ предметамъ, а это возможно лишь при аккуратномъ посѣщеніи и посильномъ записываніи лекцій. Какъ-разъ къ веснѣ останешься съ пустыми руками.

— Въ этомъ горѣ я могу вамъ помочь,—переваль меня сидѣвшій тутъ Н. И. Зиберъ. Я живу какъ-разъ надъ вашими аудиторіями, и лѣстница, ведущая въ аудиторіи, ведетъ и въ мою квартиру. Будете говорить швейцару, что идете ко мнѣ, и безпрепятственно проходить въ аудиторіи. Я сегодня же предупрежу швейцара, а вы завтра суньте ему, на всякій случай, двугривенный. Дѣло и будетъ въ шляпѣ.

Я поблагодарилъ добрѣйшаго Н. И. за участіе и содѣйствіе и на другой же день былъ на лекціяхъ профессоровъ Рененкамфа, Митюкова, Романовича-Слаутинскаго. Цѣлый мѣсяць продолжалось это тайное посѣщеніе лекцій; я ежедневно заходилъ въ свѣтлый корридоръ, списки принятыхъ и отринутыхъ студентовъ постепенно пополнялись, но моя фамилія упорно не появлялась ни въ томъ, ни въ другомъ спискѣ. Наконецъ, 15 октября я увидѣлъ себя въ числѣ непринятыхъ, которые приглашались получить свои документы обратно.

Изумленный и встревоженный, я бросился къ Драгоманову.

— Погодите отчаяваться, сказалъ онъ, я повидаюсь съ вашимъ деканомъ, профессоромъ Демченко, а вы добейтесь свиданія съ Матвѣевымъ (ректоромъ). Можетъ, и удастся сообразить—кто вамъ въ Петербургѣ свинью подложилъ.

— Подумайте, — прервалъ я Михаила Петровича, — вѣдь сегодня 15-е октября; теперь и въ Петербургскій университетъ обратно не попадешь; съ завтрашняго дня тамъ пріемъ будетъ закрытъ. Не лучше ли жаловаться министру? Вѣдь никакихъ же законныхъ оснований къ пріему меня Матвѣевъ не имѣетъ. Грубый, возмутительный произволъ, дерзкое нарушеніе—не говорю моихъ личныхъ, несомнѣнныхъ правъ—университетскаго устава. Если министръ не поможетъ мнѣ, не прикажетъ вашему ректору принять меня, буду жаловаться въ Сенатъ.

— Не горячитесь, — остановилъ меня М. П., — узнайте прежде, чѣмъ напугали вы нашего отца-ректора (онъ вѣдь у насъ изъ святаго сословія), а потомъ ужъ избобрѣтайте ему

должное возмездіе. Пошлите лучше телеграмму вашему отцу, просите его обезпечить вамъ принятіе васъ обратно въ Петербургскій университетъ, на случай, если нашъ акушеръ заурсится, и намъ не удастся ввести его въ оглобли.

— А гдѣ и когда я найду вашего ректора? Говорятъ, онъ никогда и не бываетъ въ университетѣ, даже приѣмныхъ часовъ у него не назначено. Гдѣ же мнѣ ловить его?

— Онъ принимаетъ всегда, когда бываетъ дома. Лучше всего застать его можно передъ обѣдомъ. Обѣдаетъ онъ всегда дома, въ 4—5 часовъ; вотъ и поѣзжайте къ нему завтра, къ 4 часамъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Еще не было четырехъ часовъ, когда я позвонилъ у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго, съ мезониномъ, деревяннаго особняка, принадлежащаго ректору-акушеру. Въ отвѣтъ на мой звонокъ, послышался оглушительный лай нѣсколькихъ собакъ, не прекращавшійся, пока старый лакей не отперъ двери.

— Дома профессоръ?—спросилъ я.

— Ожидаемъ кушать, потрудитесь подождать,—отвѣтили мнѣ лакей.

Пять, шесть собакъ старательно обнюхивали меня, когда я входилъ въ переднюю. Повѣсивъ мое пальто, лакей, окруженный собаками, провель меня въ столовую ректора, гдѣ стоялъ накрытый для обѣда столъ; противъ стола, у стѣны, помѣщался небольшой гнутаго бука диванчикъ, среди нѣсколькихъ вѣнскихъ стульевъ, размѣщенныхъ вокругъ довольно большого овальнаго стола, на которомъ лежали газеты. Едва я успѣлъ присѣсть, раздался властный, хозяйскій звонокъ.

— Вотъ и профессоръ пріѣхали,—обрадовался лакей и подъ внушительный лай собакъ бросился отпирать дверь.

— Есть кто-нибудь?—послышался изъ передней голосъ профессора.

— Студентъ, должно, одинъ ждетъ въ столовой,—отвѣтилъ лакей и отворилъ дверь.

Въ столовую вошелъ нестарый еще человѣкъ, средняго роста, съ лысиной и сѣдиной на головѣ, усахъ и бородѣ.

Я всталъ и поклонился.

— Студентъ?—обратился ко мнѣ вошедшій.

— Пока еще нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Ваша фамилія?

Я назвалъ себя.

— Помню, помню. Вы бывший студентъ Петербургскаго университета?

— Да, по состоянію моего здоровья, желаю продолжать образованіе въ Кіевскомъ университетѣ, но меня почему-то приглашаютъ получить мои бумаги обратно, хотя никакихъ законныхъ причинъ отказывать мнѣ въ приѣмѣ нѣтъ.

— Вы думаете такъ, а я иначе. Намъ петербургскихъ студентовъ не нужно, особенно тотчасъ послѣ бывшихъ тамъ беспорядковъ. Кто васъ знаетъ—съ какими тайными цѣлями вы, прикрываясь плохимъ здоровьемъ, стремитесь проникнуть въ нашу, слава Богу, покойный университетъ. Я не могу и не хочу рисковать собственными руками открыть двери университета, можетъ быть, эмиссару смуты.

— Но вѣдь я не исключенъ изъ Петербургскаго университета, вышелъ оттуда по собственному желанію, и моя политическая благонадежность удостовѣрена,—рѣшилъ я возразить суровому ректору.

Не слушая меня, профессоръ Матвѣевъ продолжалъ:

— Я—старый воробей, меня на эту удочку не поймаете. Я вообще не люблю перебѣжчиковъ изъ одного университета въ другой; они всегда возбуждаютъ мое недовѣріе, особенно когда, безъ всякой видимой причины, студентъ столичнаго университета перебирается въ провинцію. Невольно подозреваешь въ немъ заднюю мысль, затаенную цѣль и остерегаешься, по пословицѣ: береженаго и Богъ бережетъ. Такъ-то-съ, молодой человекъ; возвращайтесь-ка лучше въ Петербургъ, тамъ васъ знаютъ и, конечно, примутъ опять; кончайте спокойно курсъ тамъ, гдѣ начали, а насъ не смущайте; у насъ и своихъ студентовъ довольно.

— Но, если я могу быть студентомъ Спб. университета,—возразилъ я,—то, на основаніи § 1 общаго всѣмъ російскимъ университетамъ устава, имѣю право перейти въ любой другой русскій университетъ. Почему же вы отказываете мнѣ въ правѣ, предоставленномъ всѣмъ студентамъ закономъ?

— Такъ я и зналъ,—воскликнулъ ректоръ,—еще не зачиленъ въ студенты, а ужъ толкуетъ ректору университетскій уставъ, бросаетъ ректору въ лицо обвиненіе въ нарушеніи закона. Хорошее начало, многообѣщающее. Нѣтъ, повторю еще разъ: намъ петербургскихъ студентовъ-законниковъ не нужно, Богъ съ ними. Простите, мнѣ пора объѣдать,—сказалъ профессоръ Матвѣевъ, давая понять, что бесѣда наша кончена.

Я вышелъ и поспѣшилъ къ Драгоманову, гдѣ меня ждали обѣдать; днемъ М. П. намѣревался повидаться и переговорить о моемъ дѣлѣ съ деканомъ юридическаго факультета, профессоромъ Демченко.

Здѣсь меня ожидалъ новый сюрпризъ: декану удалось узнать, что и. д. ректора Слб. университета, профессоръ Горловъ, конфиденціально сообщилъ Матвѣеву, на запросъ послѣдняго, обращенный къ К. Ѳ. Кесслеру, что я принималъ дѣятельное участіе въ заключительномъ фазисѣ весеннихъ безпорядковъ, былъ преданъ суду правленія, по постановленію котораго мнѣ былъ объявленъ строгій выговоръ.

— Это не правда! вскричалъ я,—никакого выговора мнѣ объявлено не было, я обязуюсь доказать это документально. Горловъ забылъ, да его, кажется, и не было въ засѣданіи правленія, когда меня, дѣлали видъ, что судили. Кесслеръ, какъ человѣкъ честный и правдивый, не затруднится опровергнуть лживое сообщеніе Горлова. Я сегодня же напишу Кесслеру, и не пройдетъ недѣли, Матвѣевъ получитъ другой, правдивый отвѣтъ на свой запросъ, и мнимое препятствіе само собой устранится.

— Не волнуйтесь, не горячитесь, Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ,—остановилъ меня М. П.,—писать Кесслеру, можетъ быть, и не придется: Демченко, вѣря мнѣ, согласился поручиться ректору за вашу благонадежность. Я, конечно, явлюсь его сопоручителемъ,—авось, и уломаемъ нашего акушера. И ждать недолго: завтра у насъ очередное засѣданіе Совѣта—вотъ мы и нападёмъ на Матвѣева; можетъ быть, еще кто-нибудь изъ профессоровъ поддержитъ насъ,—глядишь, старикъ и сдастся, а теперь пойдемъ обѣдать. Людмила Михайловна (жена М. П. Драгоманова), поди, заждалась насъ.

Слѣдующее утро я, по обыкновенію, провелъ на лекціяхъ, въ 4 часа пообѣдалъ въ моемъ рестораникѣ, пересмотрѣлъ тамъ всѣ русскіе и иностранные иллюстрированные журналы и... задумался. Засѣданія Совѣта начинались обыкновенно послѣ ректорскаго обѣда и длились 2—3 часа, значитъ, раньше восьмого часа идти къ Драгоманову было бесполезно. Я пошелъ домой. Тамъ, оказалось, ждала меня депеша отъ отца, который совѣтовалъ мнѣ, не теряя времени, спѣшить въ Петербургъ, гдѣ безпрепятственное поступленіе въ университетъ, на первый, конечно, курсъ, было мнѣ „обезпечено“.

— Опять на первый курсъ; не удалось, стало быть, спасти года,—горевалъ я. Въ грустныхъ размышленіяхъ на эту тему

прошло время до восьмого часа, когда надо было итти къ Драгоманову.

Михаиль Петровичъ встрѣтилъ меня словами:

— Не выгорѣло, голубчикъ, всячески старались: и Демченко, и я, и еще 2—3 профессора, подбитыхъ нами, ручались за васъ, но ничего не помогло: Матвѣевъ уперся, какъ осель, затвердилъ одно: „Я обязанъ ограждать университетъ отъ вредныхъ вліяній, а не впускать въ него завѣдомо дурно настроенныхъ юношей, да еще и заклеянныхъ“. Когда мы предложили свое ручательство, онъ намъ отвѣтилъ, что такія ручательства ни уставомъ, ни правилами не предусмтрѣны и ничѣмъ гарантированы быть не могутъ. Однимъ словомъ, полная и непоправимая уже неудача. Надо вамъ возвращаться въ Спб. университетъ, ничего больше не выдумаетъ. Получили вы отвѣтъ отъ отца?

Я молча протянулъ Драгоманову полученную мною телеграмму.

— Вотъ и отлично—сказалъ онъ—поѣзжайте скорѣе и не поминайте насъ лихомъ.

Да, надо было разставаться съ Кіевомъ, гдѣ такъ хорошо, было, наладились у меня занятія. Я съ удовольствіемъ и большимъ интересомъ слушалъ великолѣпныя лекціи профессора К. А. Митюкова до догмъ римскаго права, набилъ руку записывать ихъ почти дословно и собирался издать къ экзаменамъ подробный конспектъ курса почтеннаго профессора. Другіе профессора: Рененкампфъ (исторія философіи права), Романовичъ-Славутичскій (русское государственное право), и другіе также читали очень интересно, хотя, конечно, уступали Рѣдкину и Градовскому. Въ то время, въ число обязательныхъ предметовъ для студентовъ юридическаго факультета въ Кіевскомъ университетѣ входила и всеобщая исторія. Читать ее пріѣхалъ новый профессоръ—В. А. Бильбасовъ. Оне не былъ избранъ совѣтомъ университета, а назначенъ министерствомъ. Поэтому былъ встрѣченъ недружелюбно и профессорами, и студентами. И тѣ, и другіе видѣли въ Бильбасовѣ ставленника министерства, т. е. реакціонера, презрѣвшаго забаллотированіе его университетскою коллегіей. Но выдающаяся эрудиція и лекторское дарованіе быстро побѣдили предубѣжденія противъ новаго профессора, и аудиторія Бильбасова стала наполняться слушателями. Читалъ онъ два курса: всеобщую исторію для юристовъ и русскую—для филологовъ. Я началъ слушать свой курсъ, успѣлъ прослушать за полтора мѣсяца не болѣе 10—

15 лекцій и сохраняю о В. А. Бильбасовѣ, какъ о профессорѣ, самую свѣтлую память. Когда, впослѣдствіи, Бильбасовъ покинулъ университетскую кафедру и отдался всецѣло редактированію газеты „Голосъ“, не я одинъ сожалѣлъ, что изъ среды нашихъ университетскихъ преподавателей выбыла такая крупная ученая сила. Послѣднимъ крупнымъ трудомъ покойнаго нынѣ Бильбасова была „Исторія императрицы Екатерины II“, которая долго не могла свободно обращаться въ Россіи. Изъ предполагаемаго реакціонера Бильбасовъ въ нѣсколько лѣтъ превратился въ явнаго конституціониста и запрещеннаго ученаго писателя. Въ концѣ концовъ, и его „Голосъ“, основанный Краевскимъ съ субсидіей отъ министерства народнаго просвѣщенія (во времена министра Головина), прекратился, преслѣдуемый наступившей въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія необузданной реакціей. Такъ закончилась ученая и публицистическая карьера В. А. Бильбасова.

С.-Петербургскій университетъ.

(1869—1872).

Возвратившись въ Петербургъ, я, конечно, не замедлилъ отправиться въ университетъ, прежде всего къ секретарю по студенческимъ дѣламъ.

— Опять пріѣхали къ намъ?—спросилъ меня Н. Н. Погорѣловъ.

— Да, по неволѣ, — отвѣтилъ я. Что вы тамъ нагали на меня ректору Кіевскаго университета? Когда былъ мнѣ объявленъ строгій выговоръ здѣшняго правленія? Покажите мнѣ постановленіе правленія объ этомъ выговорѣ.

— Вы знаете, что такого постановленія нѣтъ, — спокойно отвѣчалъ мнѣ Погорѣловъ. Я докладывалъ Горлову, исполнявшему должность ректора, что о васъ никакого постановленія правленія нѣтъ, что вы вышли изъ нашего университета по собственному желанію, что вы были, правда, призваны къ суду правленія, по указанію инспекціи, но были, затѣмъ, отпущены съ миромъ и ваша фамилія не попала въ число осужденныхъ правленіемъ, но все это показалось Горлову непонятнымъ, и онъ рѣшилъ, что вы просто случайно пропущены въ постановленіи правленія. „Не могу же я—сказалъ Горловъ—скрыть отъ кіевскаго ректора, что онъ замѣченъ въ участіи въ беспорядкахъ, былъ привлеченъ къ суду правленія и не оправданъ?“ Послѣ долгаго спора со мной Горловъ рѣшилъ написать то, что вы знаете.

— А Карль Фодоровичъ (Кесслеръ) знаетъ эту темную исторію?—спросилъ я.

— Да, я ему ее рассказывалъ, при вашемъ отцѣ, и тутъ же было рѣшено удовлетворить васъ тѣмъ, что мы примемъ васъ послѣ окончанія срока общаго пріема. Довольны?

— Еще бы вы меня не приняли. Пусть Горловъ благодаритъ судьбу, что я не жалуясь министру на сообщеніе ложныхъ свѣдѣній кievскому ректору, не раздуваю этой неблаговидной исторіи.

— Пишите лучше прошеніе, чѣмъ угрожать намъ,—прервалъ меня Погорѣловъ.

— Прошеніе я принесу завтра,—отвѣтилъ я и вышелъ изъ канцеляріи.

Обдумавъ свое положеніе, я рѣшилъ для разнообразія поступить теперь на административное отдѣленіе юридическаго факультета, на которомъ, вмѣсто римскаго права, преподавались: исторія политической экономіи, политическая экономія, статистика и финансы по болѣе обширной программѣ, теорія кредита и всѣ юридическія науки, въ нѣсколько сокращенномъ объемѣ. На первомъ курсѣ опять пришлось слушать Рѣдкина, Михайлова и Градовскаго. „Разнообразія“ еще не было. Всѣ профессора читали пока общіе для обоихъ разрядовъ курсы, повторяя то, что было прочитано ими въ предыдущемъ году и что имѣлось у меня въ формѣ литографированныхъ записокъ. Одинъ маститый старецъ Рѣдкинъ не повторялъ прослушаннаго мною въ прошломъ году курса. Онъ одинъ не относился къ своей задачѣ, какъ къ ремеслу, не переставалъ готовить каждую свою лекцію и читать ее по свѣже-написанной тетрадкѣ. Каждый годъ онъ выбиралъ ту, или другую часть своей обширной науки и посвящалъ ей цѣлый годъ, давая, такимъ образомъ, студентамъ подробное изложеніе лишь того, или другого отдѣла энциклопедіи права и указывая методъ изученія и литературныя пособія для знакомства съ другими отдѣлами. Изложить подробно всю энциклопедію юридическихъ и политическихъ наукъ въ одинъ годъ, даже вкратцѣ, невозможно,—говорилъ намъ Рѣдкинъ,—довольно, если мы успѣемъ усвоить себѣ общіе принципы права и общественности, выработанные историческимъ развитіемъ науки и жизни, познакомимся съ главными теченіями философской мысли, выяснимъ методъ обобщенія, узнаемъ послѣдніе выводы, къ которымъ привелъ этотъ методъ въ области права и государствовѣдѣнія. Для этого не потребуется

намъ изучать безконечный словарь Эрша и Грубера, предоставляемъ это заядлымъ специалистамъ. Вообще, Рѣдкинъ не имѣлъ законченнаго, цѣлостнаго ученія о правѣ: прежде убѣжденный послѣдователь Гегеля, онъ перешелъ затѣмъ на сторону позитивизма, но ему не удалось совершенно отрѣшиться отъ вліянія Гегеля, который всегда оставался его любимымъ философомъ. И лекціи о Гегелѣ и его системѣ занимали не одинъ годъ преподаванія почтеннаго профессора, и слушатели его никогда не забудутъ, какъ рельефно, любовно излагалъ П. Г. всѣ подробности интереснаго ученія знаменитаго нѣмецкаго философа. На второмъ курсѣ, читая намъ уже исторію философіи права, Рѣдкинъ весь годъ излагалъ намъ подробности философіи Огюста Конта, послѣдователемъ котораго былъ Рѣдкинъ семидесятыхъ годовъ. Изложивъ въ началѣ курса всѣ главныя философскія системы, предшествовавшія позитивизму, что заняло лишь нѣсколько часовыхъ лекцій, Рѣдкинъ перешелъ къ Огюсту Конту и излагалъ его систему подробно, обстоятельно, все остальное время, до конца курса.

На экзаменахъ Рѣдкинъ былъ гроза; его экзаменъ всегда назначался первымъ, это былъ Рубиконъ, перейдя который, студентъ уже былъ увѣренъ въ успѣхѣ остальныхъ экзаменовъ. Къ Рѣдкину идти на-авось не рѣшался никто, даже самые отчаянные смѣльчаки, зная, что онъ не затрудняется ставить не только двойки, но и единицы, и даже нули на кандидатскихъ испытаніяхъ, аннулируя хорошія отмѣтки всѣхъ другихъ экзаменаторовъ и игнорируя всѣ просьбы и настоянія. Ни деканъ, ни ректоръ не рѣшались никогда замолвить Рѣдкину словечко за провалившагося у него студента, или аспиранта, державшаго прямо на кандидата. Ассистенты сидѣли обыкновенно молча, не принимая никакого участія въ экзаменѣ. На экзаменъ Рѣдкинъ приходилъ съ своими, толстыми, какъ карты, билетами, самъ усердно тасовалъ ихъ и самъ выбрасывалъ студенту билетъ. Весь экзаменъ онъ сидѣлъ съ сигарой во рту и молча выслушивалъ отвѣтъ студента по билету; едва студентъ начиналъ запинаться, или умолкать, Рѣдкинъ спрашивалъ:

— Кончили?

И или отпускаетъ студента, или выбрасываетъ ему другой билетъ, или начинаетъ задавать вопросы. Послѣднее было всегда плохимъ предзнаменованіемъ: задавъ вопросъ, Рѣдкинъ молча наблюдаетъ экзаменуемаго. Если онъ и на отдѣльный

вопросъ отвѣчаетъ неувѣренно, запинаясь, мычить что-то себѣ подъ носъ, Рѣдкинъ прерываетъ его, ставитъ ему 2, или 1, сказавъ: „Плохо, студентъ долженъ знать яснѣе“. На кандидатскомъ экзаменѣ, при мнѣ, произошла такая комическая сцена:

Къ сидящему съ сигарой въ зубахъ Рѣдкину подходитъ экзаменующійся прямо на кандидата. Профессоръ выбрасываетъ ему билетъ и спрашиваетъ:

— Можете отвѣчать, или желаете обдумать билетъ?

Аспирантъ предпочитаетъ „обдумать“ и удаляется къ окну, гдѣ стоятъ два кресла для обдумывателей.

Для отвѣта вызывается другой, согласившійся отвѣчать на выброшенный ему билетъ безъ такъ называемой подготовки у окна. Кончается. Рѣдкинъ приглашаетъ обдумывающаго. Тотъ подходитъ, садится (экзаменующіеся отвѣчали, сидя противъ профессора, по другую сторону стола) и молчитъ. Рѣдкинъ молча выбрасываетъ ему второй билетъ. Аспирантъ удаляется вновь къ окну и сидитъ тамъ, пока отвѣчаетъ очередной товарищъ. Кончается и этотъ, вновь призывается первый и опять молчитъ. Профессоръ, по принятому обычаю, выбрасываетъ ему третій билетъ, онъ еще разъ направляется къ окну и пережидаетъ еще одного товарища. Когда послѣдній кончается, первый молча подходитъ къ столу экзаменатора, кладетъ свой билетъ и уходитъ.

— Нуль,—раздается ему вслѣдъ суровый голосъ оскорбленнаго профессора.

Зачѣмъ сидѣлъ человекъ въ послѣдній разъ и пережидалъ товарища?

Экзаменъ продолжался безъ новыхъ инцидентовъ.

Студентовъ, исправно посѣщавшихъ его лекціи, Рѣдкинъ запоминалъ въ лицо и относился къ нимъ привѣтливо, но требованія его къ нимъ на экзаменахъ не уменьшались; отъ всѣхъ онъ требовалъ обстоятельнаго, увѣреннаго знанія, и проскочить у него фуксомъ было невозможно. Даже тройки онъ не поставитъ, бывало, зря, не убѣдившись, что студентъ кое-что дѣйствительно знаетъ, и знаетъ основательно. 4 и 5 получали только студенты, обнаруживавшіе серьезное знаніе всего прочитаннаго профессоромъ курса и умѣніе свободно разбираться въ философскихъ системахъ.

Таковъ былъ П. Г. Рѣдкинъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ профессоровъ, обладавшій умѣніемъ властвовать надъ аудиторіей, призывать ее къ труду, къ уваженію науки, знанія и

университета, какъ совокупности трудовыхъ силъ страны на почвѣ всесторонняго изученія продуктовъ человѣческаго генія. Его имя не умретъ и не перестанетъ занимать почетное мѣсто въ исторіи русской образованности вообще и въ исторіи нашей университетской науки въ частности. Съ благодарностью помнятъ П. Г. Рѣдкина и многочисленные его ученики двухъ университетскихъ поколѣній, изъ нихъ же первый есмь азъ.

Хорошую память оставилъ по себѣ въ своихъ слушателяхъ и профессоръ государственнаго права, Александръ Дмитріевичъ Градовскій. Какъ ученая величина, онъ, безспорно, много уступалъ Рѣдкину, не обладалъ огромной, исключительной эрудиціей послѣдняго и не пользовался такимъ вліяніемъ, такимъ безграничнымъ авторитетомъ. Но это не мѣшало и его товарищамъ, профессорамъ, и студентамъ относиться къ А. Д. съ глубокимъ уваженіемъ и признавать въ немъ выдающагося преподавателя и молодого образованнаго ученаго, знатока не только русскаго государственнаго права, но и иностраннаго. Въ числѣ его трудовъ имѣется обширное сочиненіе, посвященное Германской конституціи (1876 г.) и, къ сожалѣнію, неоконченный курсъ: „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Часть историческая“ (1886 г.).

Я слушалъ Градовскаго три года: два на первомъ курсѣ и одинъ—на второмъ; читалъ онъ живо, интересно, и его аудиторія (актовый залъ) всегда была полна слушателей. Читалъ онъ по два часа подъ-рядъ, съ небольшимъ перерывомъ, и мы не утомлялись; параллельно государственное право европейскихъ державъ читалъ намъ профессоръ международнаго права (до Мартенса) И. И. Ивановскій, блестящій лекторъ, и, несмотря на это, лекціи его посѣщались не такъ охотно, какъ лекціи Градовскаго, не обладавшаго особымъ лекторскимъ искусствомъ. Александръ Дмитріевичъ привлекалъ насъ не фразой, а серьезнымъ содержаніемъ своихъ лекцій, гуманностью своихъ взглядовъ, симпатичною оцѣнкою нашихъ государственныхъ установленій въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Мы знали, что онъ дѣятельно сотрудничаетъ въ „Голосѣ“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что онъ тайный конституціонистъ, принципиальный врагъ абсолютизма. Въ бесѣдахъ со студентами, которыя онъ очень любилъ, А. Д. не скрывалъ своихъ государственныхъ идеаловъ и высказывалъ прямо, что только одна прямая и честная государственная реформа выведетъ нашу родину на путь развитія,

прогресса и богатства. Говорить это съ кафедры уважаемый профессоръ, въ началѣ 70-хъ годовъ, конечно, не могъ, но онъ не кадилъ абсолютизму, не скрывалъ отъ слушателей, что эта устарѣвшая государственная форма отжила свой вѣкъ во всей образованной Европѣ, и что Россіи не миновать государственныхъ преобразованій, какъ логическаго послѣдствія нашего историческаго роста.

Понятно, что спокойная, убѣжденная рѣчь профессора увлекательно дѣйствовала на аудиторію, и студенты шли толпою на лекціи Градовскаго, забывая его лекторскіе дефекты: небольшое заиканіе, повторенія и т. д.

Я питаю еще и личную признательность къ Александру Дмитріевичу: онъ подаль мнѣ мысль не держать полукурсового экзамена, а оставаясь номинально второй годъ на второмъ курсѣ, фактически слушать въ этомъ, второмъ году лекціи третьяго и четвертаго курса, а по окончаніи этого, четвертаго, года пребыванія моего студентомъ Слб. университета пожертвовать переходными экзаменами съ перваго на второй курсъ и держать прямо экзаменъ на степень кандидата юридическихъ и политическихъ наукъ (по административному разряду юридическаго факультета). Такимъ образомъ, я спасалъ потерянныи мною въ началѣ университетскаго курса годъ. Поданная мнѣ Градовскимъ мысль меня прельстила; затруднительно было только приготовиться къ экзамену у неумолимаго Рѣдкина. Я рѣшилъ прямо спросить грознаго профессора, по какимъ руководствамъ слѣдуетъ мнѣ приготовиться по его предметамъ, чтобы съ успѣхомъ выдержать у него экзаменъ на кандидата.

— Надо знать всю науку,—коротко, но неясно отвѣтилъ мнѣ Рѣдкинъ, прибавивъ:

— Руководствъ краткихъ, но полныхъ на русскомъ языкѣ ни по энциклопедіи, ни по исторіи философіи права нѣтъ, и я не могу указать вамъ ни одного руководства. Я сорокъ лѣтъ собираюсь издать такое руководство, да все не выберу времени пересмотрѣть для этого мои лекціи.

— Что же мнѣ дѣлать?—Какъ готовится къ экзамену?— съ ноткой отчаянія въ голосѣ спросилъ я Петра Георгіевича.

— Оставаться студентомъ и не спѣшить фуксомъ заполучить кандидатскій дипломъ,—сухо и твердо отвѣтилъ Рѣдкинъ. И скрылся въ профессорскую.

Я серьезно задумался и готовъ былъ уже отказаться отъ моего плана, т.-е. потерять еще второй годъ и держать не

кандидатскій, а полукурсовой экзаменъ. Но Градовскій, услышавъ мои сомнѣнія, спросилъ:

— И чего вы испугались? Не понимаю. Развѣ вы не знаете, что Рѣдкинъ въ вашемъ намѣреніи увидѣлъ, прежде всего, нарушеніе установленнаго порядка, желаніе, какъ онъ выразился, фуксомъ получить кандидатскій дипломъ. Вотъ старикъ и припугнулъ васъ „всею наукой“, а экзаменовать онъ будетъ васъ по своей программѣ, вмѣстѣ со студентами перваго курса изъ энциклопедіи и втораго—изъ исторіи философіи права. Купите у Кравченко литографированные курсы энциклопедіи и исторіи философіи права, прочитанныя Рѣдкинымъ въ истекшемъ году, и проштудируйте ихъ основательно, да просмотрите, пожалуй, если найдете у букинистовъ, старые печатные курсы Неволіна и Калмыкова, просмотрите новый учебникъ кіевскаго профессора энциклопедіи права Рененкамфа, и я увѣренъ, что вашъ экзаменъ у Рѣдкина сойдетъ вполнѣ благополучно.

Я никогда не былъ трусомъ и охотно послѣдовалъ совѣтамъ и убѣжденіямъ Градовскаго. Когда расписаніе экзаменовъ для студентовъ и постороннихъ лицъ было объявлено, я подаль ректору разомъ два прошенія: одно—объ увольненіи меня изъ числа студентовъ университета, а другое—о допущеніи меня къ экзамену на степень кандидата по административному разряду юридическаго факультета.

За послѣдній годъ моего студенчества я не могъ посвящать много времени посѣщенію лекцій, да и настоящей необходимости въ этомъ не было: лекціи почти всѣхъ профессоровъ исправно литографировались и прочитывались дома скорѣе и удобнѣе. Обширный для „администраторовъ“ курсъ полицейскаго права пр. И. Е. Андреевскаго былъ напечатанъ; „Начала политической экономіи“ И. Я. Горлова, напечатанныя десять лѣтъ назадъ, уже успѣли устарѣть и слушать чтеніе этой скучнѣйшей книги ея авторомъ вслухъ, съ кафедръ было явно бесполезно и нудно. Необходимо и пріятно было слушать только пр. Янсона, лекціи котораго по статистикѣ (одинъ изъ главныхъ предметовъ административнаго отдѣленія) почему-то не литографировались и не находили отраженія ни въ одномъ, существовавшемъ тогда учебникѣ. Янсонъ излагалъ свой предметъ вполнѣ самостоятельно, посвящая свои лекціи выясненію задачъ статистики, ея значенія, какъ научнаго пріема и метода, при изслѣдованіяхъ историческихъ и современныхъ условій общественной жизни и общечеловѣче-

скаго прогресса. Чрезвычайно живо и интересно читаль Янсонъ отдѣль „нравственной“ статистики. Къ „своимъ“ студентамъ (т. е. административнаго отдѣленія) Янсонъ относился не только внимательно, а прямо любовно, снабжалъ ихъ своими тетрадками, по которымъ читаль лекціи, помогаль и другими способами лучше разобратъся въ его курсѣ: указываль сочиненія для чтенія, открываль свою обширную библіотеку, никогда не отказываль студенту въ бесѣдѣ, ни въ университетѣ, ни на своей квартирѣ. Это былъ профессоръ-учитель, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ слова.

Кромѣ Янсона, я охотно ходилъ на лекціи профессоровъ: С. В. Пахмана (гражданское право) и Н. С. Таганцева (уголовное право), заглядываль иногда и на лекціи Э. Р. Вредена (исторія политической экономіи и теорія кредита) и Э. Э. Мартенса (международное право). Одинъ разъ былъ и въ аудиторіи В. А. Лебедева (финансовое право), но испыталъ такую томящую скуку, что всякая охота повторить посѣщеніе лекцій этого на рѣдкость бездарнаго профессора разъ навсегда у меня пропала. Да и Лебедевъ привыкъ, повидимому, къ пустой аудиторіи. Студентъ, стенографировавшій лекціи Лебедева для издателя литографированныхъ записокъ, рассказываль, что онъ не рѣдко одинъ сидѣль въ аудиторіи, и Лебедевъ буквально диктоваль ему лекціи. Случалось, что профессоръ поджидалъ своего обязательнаго слушателя. Бывало и такъ: профессоръ зайдетъ въ пустую аудиторію и ждетъ своего единственнаго слушателя, а послѣдній сидитъ въ сосѣдней аудиторіи, ждетъ Лебедева. И это взаимное ожиданіе продолжается, пока оба ожидающіе случайно въ одно время не выглянуть въ корридоръ и не сойдутся. На экзаменахъ Лебедевъ былъ не требователенъ, болѣе, чѣмъ снисходителенъ и щедро награждалъ пятерками всѣхъ, мало мальски знавшихъ его записки. Вообще, это былъ профессоръ легкій, и къ нему на экзамень шли студенты и постороннія лица смѣло, зная, что срѣзаться у него невозможно.

Таковы были наши профессора. Каковы же были студенты? Отвѣтить на этотъ вопросъ гораздо труднѣе. Никакихъ студенческихъ организацій въ наше время не существовало. Студенты составляли случайную, безсвязную толпу, чуждую какихъ-либо опредѣленныхъ общихъ интересовъ и идеаловъ. Ни сплоченныхъ чѣмъ-либо, кромѣ личнаго знакомства, завязаннаго еще до поступленія въ университетъ, кружковъ, ни научнаго общенія и интереса студенчество на-

чала семидесятыхъ годовъ не проявляло; жизнь университетской молодежи шла въ раздробь, безтолково, безъ признака какого бы то ни было идейнаго единенія и общенія. Студенчества, какъ цѣлаго, не существовало, и студенты толклись въ обществѣ, какъ безпризорныя единицы, скитаясь по дешевымъ вечеринкамъ, литературнымъ журъ-фиксамъ, театрамъ, концертамъ и даже грязнымъ танцъ-классамъ. Попытки студентовъ Сергѣя Шевича, князя Щербатова, Писарева составить кружокъ саморазвитія и самообразованія исключительно изъ студентовъ-юристовъ не увѣнчались успѣхомъ, благодаря слишкомъ большому разнообразію привлеченныхъ элементовъ и полной неопредѣленности задачъ кружка. Большой успѣхъ имѣли кружки саморазвитія, составившіеся внѣ университетскаго студенчества: таковы были: кружокъ Чайковскаго, кружокъ брата и сестеръ Корниловыхъ, кружокъ П. Н. Ткачева. Но всѣ эти кружки быстро выродились въ кружки съ явно политической, прямо революціонной окраской, и студенчество примыкало къ нимъ туго, неохотно, предвидя всю тяжесть послѣдствій. Реакція, вызванная бессмысленнымъ выстрѣломъ Каракозова, не прекращалась, аресты и ссылка процвѣтали, вырывая чуть не ежедневно новыя и новыя жертвы изъ разнообразныхъ слоевъ образованнаго общества: Писаревъ и Ткачевъ были въ крѣпости, П. Л. Лавровъ—въ ссылкѣ, прогрессивная печать душилась предостереженіями и еле дышала, надвигался процессъ „нечаевцевъ“, въ Европѣ гремѣла франко-прусская война, нѣмецкія побѣды несли торжество прусскаго юнкерства, реакцію всеевропейскую. Невольно брала жуть, мысль отступала отъ ужасовъ дѣйствительности, своей и чужой. И не студентовъ брала оторопь, мутила голову и сердце, побуждала уходить въ свою маленькую скорлупу, киснуть въ собственномъ соку. Общее настроеніе не могло не отражаться и на настроеніи университетскаго студенчества. Оно притаилось и ждало лучшаго времени.

Среди фактовъ общаго интереса, которыми ознаменовалось время моего студенчества, отмѣчу: процессъ „нечаевцевъ“, первый публичный политическій процессъ въ новомъ русскомъ судѣ; сказанная на этомъ судѣ рѣчь подсудимой Дементьевой произвела огромное впечатлѣніе и на судъ, и на общество, какъ явленіе новое, необычное въ русской жизни. Рѣчь была отлитографирована, потомъ подпольно отпечатана и долго распространялась по Петербургу и разсылалась въ другіе крупные города, какъ образецъ новаго судебного краснорѣчія.

Судившійся, вмѣстѣ съ Дементьевой, Ткачевъ, авторъ воззванія „Къ обществу“, напечатаннаго Дементьевой, былъ приговоренъ къ крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьева—къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. По окончаніи сроковъ заключенія, Ткачевъ и Дементьева были высланы изъ Петербурга административнымъ порядкомъ и бѣжали изъ ссылки за границу.

На настроеніи университетской молодежи процессъ „нечаевцевъ“, повторяю, не отразился: жестокое убіеніе студента Иванова глубоко возмущало всѣхъ; студенты помнили еще Нечаева и его рѣчи на сходкахъ, не возбуждавшія сочувствія. Ткачеву и Дементьевой, разумѣется, симпатизировали, рѣчь послѣдней читалась и распространялась усердно, но никакихъ „выступленій“ въ университетѣ не происходило, все ограничивалось тихими разговорами въ студенческой шинельной и въ буфетѣ. Университетъ оставался спокойнымъ.

Предсказаніе А. Д. Градовскаго оправдалось вполнѣ: для испытанія нѣсколькихъ человѣкъ, заявившихъ желаніе экзаменоваться прямо на кандидата, не было назначено ни особаго времени, ни особыхъ испытательныхъ комиссій. Намъ было предложено держать экзамены совмѣстно со студентами I, II и IV курсовъ, по общей программѣ.

Это значительно облегчало профессоровъ и представляло свои удобства и для экзаменующихся, устраняя неопредѣленность и случайность требованій экзаменаторовъ.

Въ первый день пришлось намъ экзаменоваться у пр. Янсона (статистика) и у свящ. Горчакова (церковное право), совмѣстно со студентами II-го курса. По статистикѣ, какъ я сказалъ уже выше, записки не литографировались, и моимъ товарищамъ, не слушавшимъ лекцій Янсона, приходилось плохо: программа была, разумѣется, составлена по курсу, прочитанному Янсономъ студентамъ, и профессоръ, строго держась этой программы, требовалъ знаній, которыхъ нельзя было извлечь ни въ какомъ доступномъ студентамъ учебникѣ. Одинъ мой товарищъ, добросовѣстно проштудировавшій Кольба, Моро-де-Жанеса и еще кого-то, не смогъ отвѣтить ни слова по вынумому имъ билету и принужденъ былъ прекратить экзамены. Другой мой товарищъ, за недѣлю до экзамена, явился на квартиру къ Янсону и просилъ профессора дать ему для повторенія его тетрадки, по которымъ Янсонъ читалъ лекціи. Профессоръ направилъ храбраго просителя ко мнѣ, зная, что у меня имѣется полный курсъ его лекцій, свѣренный

съ его тетрадкаи. За недѣлю до экзамена я, понятно, не рѣшился отдать мои записки, и мой товарищъ согласился пользоваться ими ночью, когда я спалъ. И только, благодаря этому ночному чтенію, онъ выдержалъ экзамень у Янсона, который запомнилъ его фамилію и фізіономію и, ставя ему 4, сказалъ: „Благодарите Корша; онъ спасъ васъ отъ неизбѣжнаго провала“.

У меня всѣ экзамены проходили вполнѣ удачно. Одно богословіе смущало меня: Полисадовъ уже оставилъ университетъ, курсъ его, имѣвшійся въ литографированномъ видѣ, былъ угнетающе великъ. Курсъ преемника Полисадова, профессора философіи, свящ. Сидонскаго, почему-то не литографировался, и его въ продажѣ не было. Положеніе было, что называется, хуже губернаторскаго. До экзамена оставалось два дня, а богословскія знанія были буквально равны нулю, даже и программы у меня не было своевременно припасено. Настроеніе было далеко не бодрое, всѣ экзамены кончены благополучно, и, вдругъ, не получить кандидатскаго диплома изъ-за богословія, къ которому при Полисадовѣ никто никогда и не готовился. Раздумывая такъ и эдакъ, я отправился искать по книжнымъ магазинамъ „кратчайшаго“ курса богословія. Вездѣ мнѣ показывали обширные, тяжелые томы Макарія и другихъ нашихъ ученыхъ богослововъ, но одолѣть въ два дня эту массу духовной премудрости не было физической возможности. Переходя изъ магазина въ магазинъ, я нашель, наконецъ, у Глазунова тоненькую книжку подъ заглавіемъ: „Лекціи по умозрительному богословію“, профессора Московской духовной академіи Ѡ. Голубинскаго. Книжка понравилась мнѣ по своему небольшому объему, я тотчасъ же купилъ ее и пошелъ домой читать. Все же—думалось мнѣ—лучше знать Голубинскаго, чѣмъ не знать буквально ничего.

Какъ оказалось, книжка пр. Голубинскаго заключала въ себѣ лишь только ученіе о Богѣ. Я внимательно прочелъ ее всю и успокоился; у меня въ запасѣ была еще книжка Баженова „О религіи“, по которой студентовъ экзаменовалъ Полисадовъ.

Насталъ день экзамена. Въ отличіе отъ другихъ профессоровъ, Сидонскій назначилъ намъ свой экзамень, отдѣльно отъ студентовъ. Ровно въ 10 часовъ пришелъ онъ въ назначенную для испытанія аудиторію, гдѣ сидѣли уже всѣ аспиранты.

Войдя, Сидонскій сѣлъ за профессорскій столикъ и разложилъ на немъ какія-то тетрадки.

— Пожалуйте, господа; кому угодно?—сказаль онъ, обратившись къ намъ.

Вышелъ первымъ нѣкто Соколовъ, бывшій воспитанникъ духовной семинаріи.

— По какому руководству готовились?—спросилъ Сидонскій.

— По Рождественскому,—отвѣтилъ Соколовъ.

Сидонскій порылся въ принесенныхъ тетрадкахъ, вынулъ одну и предложилъ Соколову взять билетъ. Тетрадки оказались заготовленными профессоромъ программами по всѣмъ, наиболѣе извѣстнымъ курсамъ богословія.

Соколовъ, какъ семинаристъ, отвѣчалъ, конечно, отлично, быстро получилъ 5 и удалился.

— Кто желаетъ? Пожалуйте,—приглашалъ профессоръ.

Долго никто не рѣшался выйти послѣ Соколова.

— Я уйду, господа, если нѣтъ желающихъ экзаменоваться,—пригрозилъ Сидонскій.

Сообразивъ, что сколько бы я ни сидѣлъ, ничего новаго не высижу, я приблизился къ профессору.

— По какому руководству готовились?—повторилъ свой вопросъ от. Сидонскій.

— По Голубинскому, отвѣтилъ я.

— Больше ничего не читали?

— Читаль еще сочиненіе прот. Баженова: „О религіи“.

— Ну, это не богословіе. Вѣроятно, и „Записки охотника“ г-на Тургенева тоже читали?—съ улыбкою спросилъ Сидонскій.

— Конечно, читаль,— отвѣтилъ я, недоумѣвая, къ чему клонится вопросъ экзаменатора.

— По богословію больше ничего не читали?

— Нѣтъ, не случилось,—смущенно отвѣтилъ я.

— Одного Голубинскаго? Это и много, и очень мало. И лекцій Полисадова не читали?

— Нѣтъ, не читаль.

— Значить, ничего изъ богословія не знаете. Такъ и замѣтимъ. А катехизисъ Филарета знаете?

— Зналъ, когда держаль выпускной экзаменъ въ гимназіи; потомъ, признаюсь, не повторялъ.

— Посмотримъ, какова у васъ память. Скажите, что есть вѣра?

Не довѣряя своей памяти, я не рѣшился отвѣтить на предложенный вопросъ текстомъ, приведеннымъ въ катехизисѣ, и сказалъ:

— Вѣра есть убѣжденіе въ существованіи высшаго существа управляющаго міромъ.

— Вотъ, у васъ все одно и то же: и вѣра, и убѣжденіе,— произнесъ профессоръ и задалъ мнѣ какой-то другой вопросъ, на который я отвѣтилъ, сколько помню, удовлетворительно. Вопросъ былъ изъ исторіи церкви.

— Довольно,— сказалъ Сидонскій. О богословіи вы не имѣете и понятія, катехизисъ забыли, исторію церкви еще, повидимому, помните. Всѣ экзамены сдали благополучно?

— Если вы, профессоръ, не задержите, кандидатство мнѣ обезпечено.

— Я мѣшать вамъ не буду; это не по-христіански. Богъ съ вами.

И добрый профессоръ записалъ противъ моей фамиліи 3^{1/2}.

— Простите мою дерзость, профессоръ; для полученія кандидатскаго диплома, кажется, нужно имѣть изъ богословія не менѣе 4.

— Совѣтъ недавно постановилъ, что для юристовъ довольно и 3-хъ,— отвѣтилъ Сидонскій.

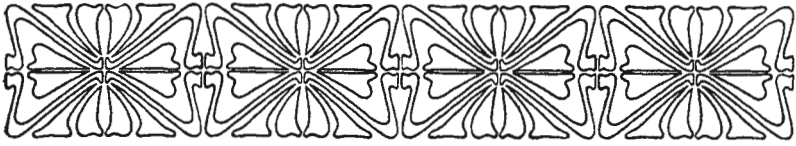
Я поклонился и отошелъ отъ экзаменаціоннаго стола.

На другой день предстояла еще одна, послѣдняя фикція экзамена. Отъ экзаменующихся прямо на кандидата требовалась сдача экзамена изъ одного новаго иностраннаго языка, по своему выбору. Я выбралъ наиболѣе мнѣ извѣстный французскій языкъ. Лекторъ этого языка въ университетѣ, извѣстный всей Россіи по своимъ учебникамъ, Давидъ Марго, только-что скончался, и преемникъ ему еще не былъ назначенъ. Экзаменъ желающихъ подвергнуться испытанію изъ французскаго языка былъ порученъ лектору итальянскаго языка, синьору Пинто, съ которымъ мой отецъ занимался года два итальянскимъ языкомъ, и онъ зналъ меня лично. Пинто зналъ, что я порядочно говорю и свободно читаю по-французски, и не затруднился поставить мнѣ 5, спросивъ меня: какъ здоровье отца, и хорошо ли прошли у меня экзамены?

Экзамены были закончены вполне успѣшно. Потерянный, было, годъ, по доброжелательному совѣту А. Д. Градовскаго, былъ спасенъ. Оставалось написать и сдать кандидатское сочиненіе, на что полагалось полгода, по окончаніи экзаменовъ. За совѣтомъ о выборѣ темы для сочиненія я обратился къ тому же Александру Дмитріевичу, и мы рѣшили, что я буду писать о земскихъ учрежденіяхъ. Градовскій любезно указалъ мнѣ всѣ главные источники, и моя работа была готова и сдана въ срокъ.

Въ январѣ 1873 года я получилъ кандидатскій дипломъ, какъ завершеніе одиннадцати-лѣтней учебы.

Сообщилъ **Е. В. Коршъ.**

Указъ императрицы Елизаветы Петровны Правительствующему Сенату въ 1755 г. о бережномъ доставленіи въ Петербургъ священника Аванасія Иванова, имѣющаго 144 человѣка потомства.

Генераль-Прокуроръ Князь Никита Юрьевичъ Трубецкій, по увѣдомленію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Правительствующаго Синода Львова, довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія Императрицы Елизаветы Петровны, что Новгородской Епархіи Новоторскаго уѣзда въ селѣ Зашегренѣ Священникъ Афанасій Ивановъ имѣетъ дѣтей, внучатъ и правнучатъ мужеска и женска пола 144 человѣка. Въ слѣдствіе чего Ея Величество именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, повелѣтъ соизволила сдѣлать распоряженіе о бережномъ привезеніи того Священника, если онъ только не очень старъ и дряхлъ, въ С.-Петербургъ для представленія его ко двору. Во исполненіе сей Высочайшей воли Правительствующій Сенатъ отправилъ въ городъ Торжокъ нарочнаго курьера, снабдивъ его, кромѣ указа, особо составленною на сей предметъ инструкціею, въ которой ему между прочимъ предписывается, чтобы онъ, по пріѣздѣ на мѣсто, объявилъ Священнику волю Ея Величества „токмо при томъ объявленіи наистрожайше наблюдалъ, дабы ево чѣмъ либо не испужать, и ежели оной попъ здоровъ и къ отправленію въ С.-Петербургъ явиться въ состояніи, то его отправить въ С.-Петербургъ немедленно и что къ тому его отправленію еще принадлежать будетъ, то есть, для отправленія его сдѣлать или купить дорожныя покойныя сани, также, ежели онъ, попъ, либо недостаточенъ и по нынѣшнему пути въ дорогу для стужи теплаго платья не имѣетъ, онымъ ево снабдить и для содержанія ево въ дорогѣ кормовыя деньги дать и то все исправить и прогоны на ямскія подводы, сколько надлежитъ, дать изъ Новоторжской Воеводской Канцеляріи, а курьеру при немъ, попѣ, ѣхать въ С.-Петербургъ и вестъ его весьма бережно и наикрѣпчайше наблюдать,

чтобъ онъ, по старости лѣтъ его, отъ скорой ѣзды или отъ стужи отнюдь никакого и нималаго безпокойства не имѣлъ и не токмо ему ни малѣйшаго озлобленія не чинить, но въ принадлежащемъ ему чинить всякое вспоможеніе и по приѣздѣ въ С.-Петербургъ явиться въ Правительствующемъ Сенатѣ“.

На сіе Новоторжская Воеводская Канцелярія, рапортомъ отъ 29 декабря 1755 года за № 1040, донесла Правительствующему Сенату, что означенный Священникъ отправленъ въ С.-Петербургъ въ сопровожденіи нарочно присланнаго для того внука своего Ризничаго Іеродіакона Павла, при чемъ выдано ему прогонныхъ денегъ на четыре лошади, сверхъ того дано ему, по его требованію, „сани пошевни съ кибиткою и съ завиткою рогожею частовкою, да овчинкою, тулупъ и на ноги шуба, и рукавицы съ варигами, двои чулки рускіе волосеники, да на постилку два войлока коровьихъ, всего по цѣнѣ на восемь рублей на восемьдесятъ на одну копѣйку, да на кормъ на пять дней сорокъ копѣекъ“. При этомъ рапортѣ Канцелярія препроводила въ Правительствующій Сенатъ вѣдомость о лѣтахъ Священника, также о его дѣтяхъ, внучатахъ и правнучатахъ, по которой число ихъ простирается до 154 человекъ. Далѣе изъ дѣла видно, что именнымъ Ея Величества указомъ повелѣно того Священника отправить изъ С.-Петербурга обратно въ домъ ¹⁾; при чемъ, по указу Правительствующаго Сената, оставлены ему въ награжденіе излишне забранныя имъ во время пребыванія въ С.-Петербургѣ, кормовыя деньги (по 50 коп. въ день) за время съ 7-го февраля 1756 года по 2-е марта того же года.

Сообщила **З. И. Тиманъ.**

¹⁾ Послѣдствія представленія Императрицѣ Священника неизвѣстны.

Выписано изъ книги подъ № 1 рѣшенныхъ дѣлъ Сенатскаго производства за 1755 годъ (№ Дѣла 137 стр. 1253—1274) по приказному столу и Дворцовой канцеляріи.

М. Н. Альбовъ и Д. И. Тихомировъ.

(Встрѣчи и столкновенія).

Михаилъ Ниловичъ былъ однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ и въ то же время „жалкихъ“ писателей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Я употребляю слово „жалкій“, понятно, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ человѣка, возбуждающаго жалость, соболѣзнованіе, состраданіе. Такимъ онъ мнѣ показался, когда я впервые встрѣтился съ нимъ въ серединѣ 80-хъ годовъ въ „Новостяхъ“, гдѣ я состоялъ сотрудникомъ и часто замѣнялъ редактора О. К. Нотовича.

Нотовичъ любилъ разные трюки, по большей части неудачные, но въ данную минуту онъ твердо вѣрилъ въ ихъ успѣхъ, и поэтому трудно было его отговорить отъ той или другой затѣи. Такъ онъ одно время обращался къ читателямъ съ вопросами, предлагая напечатать наиболѣе содержательные или остроумные отвѣты. Помню, обильнѣе всего посылались отвѣты на вопросы о причинахъ оскуднѣнія или измельчанія беллетристики. Это былъ цѣлый ливень отвѣтовъ, но даже самые удачные изъ нихъ были только перефразировкою того, что давно уже было высказано въ печати. Даже обидно становилось за читателей, за полное отсутствіе въ нашей публикѣ сколько-нибудь самостоятельной мысли, и, конечно, эти отвѣты не могли заинтересовать другихъ читателей, какъ не можетъ заинтересовать старый, избитый мотивъ, если онъ, къ тому же, еще дурно спѣтъ.

Другой трюкъ, придуманный Нотовичемъ, былъ сборный романъ, написанный такъ, что первый авторъ, ѣи съ кѣмъ не сговариваясь, пишетъ первую главу и передаетъ ее другому, который пишетъ вторую главу и т. д. до конца. Участвовали въ этомъ сборномъ романѣ П. Д. Боборыкинъ, В. Н. Майновъ, В. О. Михневичъ, самъ Нотовичъ, я и др., но и изъ этой затѣи ничего не вышло: мы, кажется,

уже на третьей главѣ убѣдились, что дѣло не клеится. Тогда рѣшено было помѣстить въ газетѣ то, что французы называютъ романъ à clef, и написать этотъ романъ поручено было М. Н. Альбову и его товарищу по литературѣ, К. С. Баранцевичу. Тутъ-то я и познакомился впервые съ Альбовымъ.

И изъ этой затѣи ничего не вышло. Получился только длинный романъ подъ заглавiемъ „Вавилонская башня“, принадлежащiй къ числу мало замѣтныхъ произведенiй этихъ двухъ талантливыхъ авторовъ. Мы его въ самой редакцiи назвали „мехлюдовщиной“, кажется, по имени главнаго героя, котораго звали Мехлюдовымъ или въ этомъ родѣ,—или „бутербродной башней“, потому что въ романѣ дѣйствующiя лица то и дѣло уплетали бутерброды. Описывался же въ романѣ очень прозрачно литературный кружокъ, образовавшiйся подъ названiемъ Пушкинскаго, но не имѣвшiй ничего общаго съ Пушкинымъ и съ его поэзiей, а занимавшiйся подъ предлогомъ докладовъ безконечной закуской, столь же безконечной выпивкой, сварами, сплетнями и болтовней исключительно для самоуслажденiя ораторовъ и болтуновъ. Все это и описывалось въ романѣ, но такъ какъ сами дѣйствующiя лица, по большей части мелкiе писатели, не представляли интереса, а ихъ болтовня была уже совершенно скучная, то провалился еще одинъ изъ трюковъ Нотовича, кажется, послѣднiй.

Какъ бы то ни было, благодаря этому роману, я впервые познакомился съ Альбовымъ и сразу его полюбилъ, т. е. началъ его жалѣть той хорошей жалостью, которую испытываешь къ человѣку, незаслуженно страдающему. На первый разъ это чувство зародилось во мнѣ бессознательно, но постепенно я уяснилъ себѣ его причину.

Появленiе „Вавилонской башни“ въ „Новостяхъ“ обошлось безъ всякихъ особыхъ инцидентовъ, несмотря на неуспѣхъ романа. Но слѣдующая встрѣча съ Альбовымъ приобрѣла бы вѣроятно характеръ рѣзкаго столкновенiя, если-бы не доброе чувство, которое я къ нему испытывалъ.

Вслѣдъ за выходомъ моимъ изъ „Новостей“ въ 1890 г. я сталъ получать приглашенiя участвовать въ другихъ изданiяхъ. Между прочимъ обратилась ко мнѣ и редакцiя „Сѣвернаго Вѣстника“, перешедшая тогда отъ А. М. Евреиновой къ Б. Б. Глинскому, а съ 1891 г. къ Альбову и предложившая мнѣ вести въ этомъ журналѣ отдѣлъ внѣшней политики. Не имѣя понятiя о метаморфозѣ, ожидавшей этотъ журналъ, я согласился. Отмѣчу здѣсь только для лучшаго уразумѣнiя

дѣла, что я былъ въ вопросахъ внѣшней политики далеко не новичекъ, писалъ о нихъ уже съ 1875 г., защищая мысль о необходимости союза съ Франціей и Англійей, сперва въ „Новомъ Времени“ (ред. Трубникова), „Финансовомъ Обзорѣ-ніи“, „Биржевой Газетѣ“, а затѣмъ въ „Новостяхъ“ въ теченіе десяти лѣтъ. Такъ вотъ я началъ вести въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ политическій отдѣлъ.

Сперва все шло гладко: я писалъ, журналъ печаталъ. Но вдругъ одно изъ моихъ обзорѣній не появляется, и еще раньше я получаю отъ Альбова письмо (я проводилъ тогда лѣто въ деревнѣ), въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, что я въ этомъ обзорѣніи (оно касалось именно франко-русскаго союза) провожу личную политику, а не политику журнала. Сперва я удивился, такъ какъ взглядовъ „Сѣвернаго Вѣстника“ на внѣшнюю политику Россіи совершенно не зналъ, да и не интересовался ими, если они вообще выяснились: не я вѣдь предложилъ свои услуги журналу, а наоборотъ онъ меня пригласилъ, а мои взгляды, какъ пропагандиста франко-и англо-русскаго союзовъ, не могли не быть извѣстны журналу. Но я удивился только на одинъ мигъ. По возвращеніи же въ Петербургъ я окончательно убѣдился, что дѣло не въ Альбовѣ и даже не въ франко-русскомъ союзѣ, а въ томъ, что союзъ этотъ заключенъ официально Россіей. Дѣйствительно, на мой вопросъ: „Что же, и отмѣны крѣпостнаго права нельзя одобрить?“—я получилъ отвѣтъ: „Можно, но въ такомъ видѣ, въ какомъ эта реформа совершена, о ней и говорить не стоитъ“. Милый Михаилъ Ниловичъ не присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Какъ бы онъ густо покраснѣлъ. Но все-таки онъ состоялъ редакторомъ журнала, въ которомъ выражались такія мнѣнія, въ которомъ ниспровергались завѣты 60-хъ годовъ и воздвигался алтарь сомволизму и декадентству.

Какъ это могло случиться? Задать этотъ вопросъ—все равно, что спросить, какъ Альбовъ могъ нѣсколько раньше оказаться акцизнымъ чиновникомъ, а еще нѣсколько раньше—братомъ милосердія. Вотъ тутъ мы и наталкиваемся на то, что возбуждало жалость въ Альбовѣ. Всею своею наружностью: болѣзненнымъ видомъ, выраженіемъ глазъ, то робкихъ, то застыдившихся, то потухавшихъ и снова оживавшихъ, то кроткозадумчивыхъ и какъ бы отсутствующихъ—какъ онъ всѣмъ этимъ напоминалъ стихъ Пушкина:

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ!

Альбовъ съ малолѣтства читалъ и мечталъ, мечталъ и читалъ, такъ усердно читалъ и такъ хорошо усваивалъ прочитанное, что уже 13 лѣтъ отъ роду могъ начать печататься, хотя бы только въ органѣ мелкой прессы. За письменнымъ столомъ онъ не возбуждалъ жалости—о, нѣтъ! Тутъ у него заносились на бумагу слова, доставившія ему извѣстность, иногда значительныя, иногда волновавшія до глубины души. Ахъ, если бы можно было вѣчно сидѣть за письменнымъ столомъ, даже не пересаживаться къ обѣденному столу, ахъ, если бы не надо было топить печку, освѣщать комнату, покупать бумагу и чернила! Вѣдь для всего этого нужны были деньги въ количествѣ, иногда далеко превышавшемъ его литературный заработокъ, несмотря на всю скромность его требованій. И приходилось прирабатывать постылымъ трудомъ, не мирившимся съ его взглядами на жизнь, приходилось заключать безобидные на видъ, но противорѣчившіе чуткой его совѣсти компромиссы: и Михаилъ Ниловичъ становился то акцизнымъ чиновникомъ, то редакторомъ столичнаго журнала или провинціальной газеты. Душа его была далеко, тамъ, въ тихой комнаткѣ, за письменнымъ столомъ, гдѣ онъ могъ читать, мечтать, писать, гдѣ онъ вступалъ въ общеніе съ читателемъ, гдѣ онъ передавалъ ему плоды своихъ думъ, встрѣчая съ его стороны отзывчивость, находя въ немъ откликъ, но... только до извѣстнаго предѣла. Альбовъ не смѣшилъ читателя, онъ не наигрывалъ на его дурныхъ страстяхъ: юморъ былъ мало доступенъ его меланхолической натурѣ, а эротицизмъ былъ ей совершенно чуждъ. Болѣе развитой читатель вполне признавалъ его заслуги и иногда глубоко ему сочувствовалъ, но для толпы онъ былъ слишкомъ прѣсенъ, слишкомъ мраченъ, слишкомъ мало пикантенъ, и она подносила ему охотно лавры, но свои рубли берегла для тѣхъ, кто болѣе угождалъ ея мелкимъ вкусамъ. Такъ вся жизнь превратилась для Альбова въ трагедію. Его душа рвалась жить только для того, что она любила, что ставила выше всего, для творчества, для работы надъ любимыми думами, а эта работа не могла удовлетворить неумолимыхъ требованій тѣла: приходилось либо творить и голодать, даже умирать съ голоду, либо служить и быть сытымъ.

Послѣ „Вавилонской башни“ прошло много лѣтъ (около 10), пока мы снова встрѣтились съ Альбовымъ. Встрѣча наша произошла въ благодатномъ уголкѣ въ Крыму, на „Красной Горкѣ“, въ имѣніи извѣстнаго всей Россіи педагога, Д. И. Тихомирова.

Эта „Красная Горка“ около Алушты памятна очень многимъ литераторамъ и вообще публикѣ средней руки, ищущей въ Крыму отдыха для возстановленія силъ и здороья. На самомъ берегу безбрежнаго моря, окруженная виноградниками, съ чуднымъ видомъ на уходящую вдаль цѣпь Судакскихъ горъ, сна одинаково привлекаетъ и купальщиковъ, т. е. лѣтнихъ туристовъ, дорожащихъ превосходнымъ алуштинскимъ купаньемъ, и—какъ ихъ тривіально называютъ въ Крыму,—плевальщиковъ, т. е. лицъ, приѣзжающихъ осенью, чтобы лечиться виноградомъ, и совершающихъ прогулки съ корзиночками винограда, то и дѣло выплевывая косточки и кожицу. Но, кромѣ того, „Красная Горка“ привлекала и другихъ посѣтителей, тѣхъ, кто приѣзжалъ въ Крымъ только для отдыха, для того, чтобы подышать чуднымъ воздухомъ, развлечься, размять члены, погрузиться въ иную обстановку, на время забыть то, что наскучило, надоѣдало, мучило или терзало тамъ, на мѣстѣ постоянного жительства и повседневной службы. Хорошо было слушать веселую болтовню молодежи, внимать степенному разговору стариковъ, любоваться съ высокаго балкона видомъ моря и горъ, вкушать, какъ рѣдко гдѣ въ Крыму, здоровыя яства, попивать красенькое или бѣленькое, но виноградное вино, а не то *mixtum compositum*, которымъ обыкновенно подчуютъ россійскаго сбывателя даже за большія деньги и, главное, чувствовать на себѣ доброжелательный, спокойный, ровный взглядъ хозяевъ, создавшихъ своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ пансіонерамъ чисто-семейную обстановку, домашній уютъ, не имѣвший ничего общаго съ холодной казенщиной обыкновенной гостиничной или пансіонской обстановки.

Но, кромѣ того, была еще одна приманка—*great attraction*, сказалъ бы я, выражаясь языкомъ современныхъ составителей рекламъ, особенно цирковыхъ, потому что лошадь тутъ играла большую роль,—нѣтъ, не лошадь вообще, а лошади: „Герой“, „Казакъ“, „Капризъ“, „Красавчикъ“, „Джалли“, „Огурчикъ“... Всѣ онѣ имѣли для насъ свою индивидуальность, и смѣшавъ одну лошадь съ другой—да развѣ это возможно, что бы тамъ ни говорилъ добрейшій есаулъ, гостившій также на „Красной Горкѣ“ и сообщавшій намъ на ушко, что такихъ лошадей у нихъ въ полку объединяють подъ общимъ возмутительнымъ названіемъ „бракованныхъ“. Типунъ ему на языкъ, да и мыслимо ли, чтобы бракованныя лошади продѣлывали то, что продѣлывали наши любимцы. Соберемся мы, т. е. Д. И. Тихомировъ, я, наши дамы и неизмѣнный проводникъ Гафаръ Умеровъ, кото-

рый, несмотря на свою мрачную фамилію, былъ премилый и преселый малый, жарилъ удивительный шашлыкъ, варилъ не менѣе удивительную хаурму и изготовлялъ травничекъ изъ 80, какъ онъ говорилъ, горныхъ травъ, но тоже удивительный, если даже ихъ было меньше—такъ вотъ соберемся мы въ три часа ночи на Бабуганъ, а въ пять уже находимся у его подножія и поймъ лошадей. Лѣто сухое, и на Яйлѣ не предвидится воды. Пропустивъ травничекъ послѣ 6-ти-часового утомительнаго перехода по кручамъ Яйлы и перекусивъ разнообразною захваченною съ собою снѣдью и упомянутымъ удивительнымъ шашлыкомъ, тающимъ во рту, какъ нѣжнѣйшій балыкъ, т. е. собственно сытно пообѣдавъ подъ безконечнымъ и бездоннымъ голубымъ шатромъ въ лабиринтѣ дикихъ, причудливыхъ скалъ, высоко громоздящихся другъ на другѣ и образующихъ какой-то перевозданный хаосъ, мы опять взбираемся на лошадей, чтобы къ 7-ми часамъ поспѣть къ скалѣ Шишко у Ай-Петри, на ночлегъ. Лошади изнемогаютъ отъ жажды, мы изнемогаемъ отъ усталости, но все-таки добираемся къ 8-ми часамъ до виднѣющейся вдали такъ-называемой гостиницы, т. е. собственно хибарки, состоящей изъ четырехъ горницъ съ навѣсомъ. Но, о, ужась! И тутъ воды нѣтъ не только для лошадей, но и для того, чтобы поставить намъ самоварчикъ. Собирается военный совѣтъ, рѣшающій, что надо спуститься къ Кокозу, гдѣ мы найдемъ воду, т. е. сдѣлать еще 20 верстъ. Что же? И сдѣлали, совершивъ въ этотъ день верстъ 75, если не всѣ 80. Переночевавъ на кроватяхъ, сквозь тощіе тюфяки которыхъ ясно чувствовались жесткія доски, мы на другой день уже опять сидѣли на коняхъ, добираемся до Бахчисарая, гдѣ ночуемъ удобнѣе, а затѣмъ направляемся на берега исторической Альмы, въ нѣкогда порфиородное селеніе Бешуй (о чемъ свидѣтельствуеетъ воронцовая громадная ваза, украшающая Эрмитажъ), ночуемъ здѣсь въ третій разъ, правда уже на полу, но покрытомъ мягкими коврами и подъ шелковыми одѣялами, имѣвшимися въ обилии у татаръ. Я говорю: ночуемъ, хотя въ сущности мы съ Дмитріемъ Ивановичемъ почти до утра не смыкали глазъ. Мы увлеклись воспоминаніями, онъ мнѣ передавалъ многіе эпизоды изъ своей жизни, и я понялъ, какъ сложилась его кряжистая, энергичная, непреклонная натура, чисто-русскаго самородка, изъ ничего вышедшаго въ люди, да въ какіе люди—въ извѣстнаго всей Россіи педагога, разныя учебники котораго разошлись уже тогда въ количествѣ семи миллионъ экземпляровъ. Объ этомъ стоило рассказать,—рассказать, какъ

у насъ складываются такія природы, но я хочу здѣсь только отмѣтить, что послѣ трехъ-дневныхъ скитаній, сопряженныхъ съ значительными трудностями и лишеніями, мы, хотя, допустимъ, не старики, но люди не первой молодости (мы оба тогда вступили уже на вторую половину шестого десятка нашей жизни), проводили, точно юноши, бессонную ночь въ бесѣдѣ, которая насъ до того захватывала, что мы совершенно забывали объ усталости, и на другой день опять садимся на коней, чтобы наконецъ къ вечеру добраться до дому, совершивъ съ нашими дамами въ четыре дня около 200 верстъ, въ значительной части по полному бездорожью, по заросшимъ лѣснымъ или заваленнымъ щебнемъ и камнями горнымъ тропинкамъ.

Должно быть, эти экскурсіи въ Крымскихъ горахъ имѣли для насъ, городскихъ жителей, какую-то особенную прелесть, если ими, на примѣръ, соблазнялся и извѣстный нашъ сифилитологъ В. М. Тарновскій, проводившій, несмотря на то, что былъ старше насъ на пять лѣтъ и отличался тучностью, тоже цѣлые дни на конѣ въ Крымскихъ горахъ. Соблазнялись ими и многочисленные посѣтители „Красной Горки“ всякаго возраста и пола, такъ что составлялись иногда кавалькады въ 10, 12 и даже болѣе человѣкъ, охотно выѣзжавшія до утренней зари и возвращавшіяся иногда поздно ночью. Дѣлали мы всѣ и дальнія экскурсіи на Чатырдагъ или Бабуганъ, на Демержи или близкія, на Ай-Георгій или Кафель. Но всегда было весело, и мы рѣзвились иногда просто, какъ дѣти.

Въ одной изъ этихъ экскурсій, не помню уже почему, я не участвовалъ. Сажу подъ вечеръ на балконъ, слышу конскій топотъ. Это возвращается компанія, ѣздившая въ Гурзуфъ обѣдать въ честь только-что пріѣхавшаго изъ Екатеринослава милаго гостя, состоявшаго тогда, кажется, редакторомъ „Приднѣпровскаго края“. Выхожу къ нимъ навстрѣчу. Дмитрій Ивановичъ и Михаилъ Ниловичъ только-что спѣшили и держатъ лошадей въ поводу, ожидая неизмѣннаго Гафара, занятаго пока другими кавалеристами. Тихомировъ и Альбовъ стоятъ рядомъ, освѣщенные лучами догорающей вечерней зари. Первый встрѣчаетъ меня словами: „Славно пообѣдали, славно прокатились“. Вообще онъ любилъ словечко „славно“ и съ наслажденіемъ примѣнялъ къ труду, къ работѣ. Пріятно и весело было слышать, когда онъ, спускаясь съ своей вышки въ красногорскомъ домѣ послѣ труда, который свалилъ бы и быка, какъ ни въ чемъ не бывало, самодовольно, весело произносилъ свое бодрящее: „славно поработалъ“.

И вотъ они стоятъ теперь передо мною: онъ, этотъ съ виду Сусанинъ, съ роскошною сѣдою растительностью, коренастый, крѣпкій старикъ, котораго, казалось, никакая буря не сломить, никакая болѣзнь не одолѣетъ, которому, казалось, вѣкъ жить, вѣкъ работать, ясный, опредѣленный въ помыслахъ, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ, приводящихъ всѣ неизмѣнно и безошибочно къ твердо намѣченной цѣли, практической и благой,—къ распространенію среди народныхъ массъ грамотности и просвѣщенія, къ поднятію нашей великой родины на новую ступень культурнаго развитія,—и рядомъ съ нимъ творецъ Глазкова, героя, въ которомъ соединялись „стремленія орла“ съ „силами божьей коровки“, хотя еще сравнительно молодой (онъ былъ на семь лѣтъ моложе Дмитрія Ивановича), но уже состарившійся, опустившійся, несмотря на свои ботфорты, Богъ вѣсть гдѣ имъ взятые, пенснэ и бородку, имѣвшій женоподобный, хуже: бабій видъ, утомленный до упаду, разочарованный, кислый, какъ бы говорящій и выраженіемъ лица, и всей своей фигурой: „Ну, къ чему все это? Ну, прокатились, и завтра будетъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Но, вѣдь, все это пустяки, а главное гдѣ же, гдѣ же оно-то?“ И усталый взглядъ Альбова лѣниво блуждалъ, ища этого главнаго, и не находилъ его, какъ не нашель этого главнаго и герой его разсказа: „Какъ горѣли дрова“, хотя ему, кажется, все было дано, что только чело-вѣкъ и пожелать-то можетъ.

Они стояли передо мною—эти два видныхъ дѣятеля, писатель и педагогъ, и я думалъ: вотъ они двѣ Россіи! Одна, какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, говоритъ: „Я бы и радъ брать у ней уроки, у русской-то жизни, да молчитъ она, моя голубушка“, а у другого, какъ у Тушина, все „выходитъ, какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки приготовленныхъ умовъ путемъ размышленія, науки, труда“: одна вѣчно спрашиваетъ: къ чему это, другая бодро провозглашаетъ: славно поработалось; одна сомнѣвается, ищетъ и не находитъ, потому что найденное ее не удовлетворяетъ, другой некогда сомнѣваться, ей нужно дѣло дѣлать, потому что оно со всѣхъ сторонъ на нее наваливается, напираетъ,—Россія вѣчныхъ сомнѣній, вѣчныхъ исканій, расслабляющаго и обезсиливющаго самоанализа и самоуглубленія и Россія бодрящаго дѣла, Россія „лишнихъ людей“ и Россія „нужныхъ людей“.

Стояли они передъ моимъ умственнымъ взоромъ—эти двѣ Россіи, и обѣ онѣ мнѣ были одинаково милы, ибо „лишніе“

люди конечно не строятъ жизни, и будь они одни на свѣтѣ, все бы развалилось, все бы разсыпалось въ прахъ, но они поддерживаютъ вѣру въ то, чтò должно быть свято человеку, а „нужные“ люди строятъ жизнь, но ихъ строительство только тогда цѣнно, только тогда благо для родины, когда оно приближаетъ ее къ тому, во чтò вѣрятъ „лишніе“ люди.

Снова прошло нѣсколько лѣтъ, и я не встрѣчался съ Альбовымъ, но тутъ онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ однимъ совершенно несуразнымъ предложеніемъ относительно изданія одной его книги. Ахъ, Михаилъ Ниловичъ, дожить до шестого десятка и все еще оставаться такимъ ребенкомъ въ дѣлахъ,—подумалъ я и полюбилъ его еще больше. Но годъ или два спустя онъ могъ сдѣлать мнѣ очень разумное предложеніе, которое я съ радостью бы принялъ, но никакъ на него не рѣшался, и, наконецъ, очевидно, когда деньги нужны были ему дозарѣзу, подослалъ ко мнѣ посторонняго человека для зондированія почвы. Дѣло шло о приобрѣтеніи Марксомъ (я тогда состоялъ редакторомъ „Нивы“) собранія его сочиненій. Понятно, дѣло сладилось въ мигъ.

Послѣдняя моя встрѣча съ Альбовымъ произошла совершенно случайно, уже тогда, когда я оставилъ „Ниву“.

У московскихъ художниковъ, гостившихъ въ Петербургѣ, шли „Три сестры“. Я еще не видѣлъ пьесы Чехова въ ихъ исполненіи, зашелъ и тутъ встрѣтился съ Альбовымъ. Онъ привѣтствовалъ меня словно родного, протянувъ мнѣ обѣ руки и глядя на меня добрымъ, добрымъ взглядомъ. Меня это удивило, потому что близости между нами не было, и, кромѣ того, Альбовъ былъ человекъ въ проявленіи чувствъ очень сдержанный.

— Какъ поживаете, Михаилъ Нилычъ?—спрашиваю я.

— Все по-прежнему,—отвѣтилъ онъ:—какъ врачъ Чебутыкинъ. „Та-ра-ра-бумбѣя... сижу на тумбѣ я“. Или, помните: „Придетъ время, всѣ узнаютъ... для чего эти страданія... а пока надо жить... надо работать, только работать“. А я все по-прежнему не умѣю работать. Ну, да это—пустяки! Зато какъ я радъ васъ видѣть.

Альбовъ все болѣе меня удивлялъ: я рѣшительно не могъ понять, чѣмъ вызывается его приливъ нѣжности ко мнѣ. Онъ меня даже взялъ подъ руку, чтò окончательно не мирилось съ его обычной манерой. Я ждалъ, идя съ нимъ подъ руку по корридору, что-то будетъ, чѣмъ все это разрѣшится.

— Значитъ, работать не научились?—сказаль я, чтобъ что-нибудь сказать, такъ какъ Альбовъ вдругъ умолкъ, словно не могъ на что-то рѣшиться.

— Авторъ „Дня итога“, „Рясы“, „Рыбныхъ стонъ“ не умѣеть работать? Такъ кто же умѣеть? Умѣющихъ послѣ этого мало,—продолжалъ я, хотя и зналъ, что говорю не то, что думаетъ Альбовъ, но мнѣ тотъ разговоръ казался въ театрѣ неумѣстнымъ.

— Зачѣмъ это?—проговорилъ Альбовъ задумчиво.— Конечно, здѣсь не мѣсто, но я бы не рѣшился придти для этого къ вамъ, а васъ нигдѣ не было видно. Вотъ я и обрадовался. Всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ. Увидимся ли еще, не знаю. А я по-прежнему не умѣю работать въ смыслѣ денежнаго заработка... и подличаю.

— Зачѣмъ же это?—воскликнулъ я въ свою очередь.

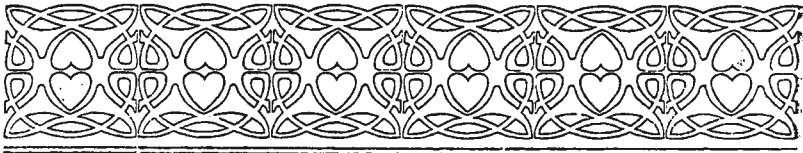
— Нѣтъ, не говорите, не говорите,—прервалъ меня Альбовъ поспѣшно.—Я и теперь изъ-за этого подличаю, но теперь меньше, а тогда, помните, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Возвратилъ вашъ обзоръ, по внѣшней политикѣ, о союзѣ съ Франціей, разыгралъ роль редактора заправскаго, хотя въ политикѣ ничего-то, ничего не смыслю. Простите меня, дорогой,—легче мнѣ будетъ.

Я и не зналъ что сказать, чувствовалъ только, что на душѣ у меня стало тепло: есть же на Руси, подумаль я, такіе „лишніе“ люди, которые, совершивъ то, что нынѣ признается вполне простымъ и естественнымъ, что признается даже глупымъ не совершить, но что не мирится съ ихъ совѣстью, не загрязненною современною мутью, никакъ себѣ этого простить не могутъ и по прошествіи многихъ лѣтъ.

Альбовъ очевидно не сомнѣвался, что я его понялъ и оцѣнилъ, потому что съ чувствомъ простился со мною и исчезъ. Больше я его въ жизни не встрѣчалъ, но и теперь, когда его уже между нами нѣтъ, я часто его вспоминаю, какъ человека большой душевной красоты. Ихъ все меньше становится; или это, можетъ быть, только такъ кажется намъ, старикамъ, живущихъ въ прошломъ больше, чѣмъ въ настоящемъ.

Сообщилъ **Р. И. Сементковскій.**

Дневныя записки генерала Патрика Гордона.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

28 числа на рѣкѣ было очень бурно и мы только около 4-хъ часовъ утра прибыли въ Лондонъ. Я сейчасъ легъ въ постель, но всталъ, однако, въ 8 часовъ и пошелъ во дворецъ, гдѣ ожидалъ короля у потайной лѣстницы. Король прибылъ на своей лодкѣ и около 11 час. дня вышелъ на берегъ. Я обѣдалъ въ своемъ обыкновенномъ обществѣ и послалъ леди Мельфортъ пару соболей. Я израсходовалъ въ этотъ день: за обѣдъ 2 шил. 2 п., за сына и слугъ во время моего отсутствія 7 шил., за книгу 2 шил., за шитье галстуховъ и кружево—10 шил., за покупку одного галстуха—17 шил., за дорожные: 3 галстуха—9 шил., за стирку бѣлья моего, сына и слугъ—3 шил. Я уплатилъ по счету портного Билля—26 фунтовъ; за домашнее платье 6 шил., башмаки 3 шил., чулки ему же 2 шил.

29 числа я поѣхалъ водою въ Лондонъ и, устроивъ нѣкоторыя денежныя дѣла, направился около 8 часовъ вечера къ себѣ. Около 10 часовъ я встрѣтилъ г. Марра, сообщившаго мнѣ, что корабль, на которомъ мой сынъ намѣревался ѣхать въ Дюнкиркенъ, отправится на слѣдующее утро въ 4 часа въ Гревезендъ. Я поторопился вернуться домой и приготовилъ все необходимое къ отъѣзду моего сына. Я израсходовалъ въ этотъ день: за лодку въ Лондонѣ 6 п., за вино—2 шил. 2 п., за кружку пива—9 шил., за возчика туда и обратно 18 п., на сына и слугъ 2 шил., за двѣ рубашки сыну 7 шил.

31 числа около 4 часовъ утра я послалъ за г. Марромъ и потомъ нанялъ вмѣстѣ съ нимъ извозчика у строенія Юрка.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль—сентябрь 1917 г.

Продолженіе записокъ генерала Патрика Гордона, слодвижника царей: Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго, относяся къ апрѣлю 1686 г., когда онъ ѣздилъ въ Англію. *Ред.*

Я уплатилъ за чернильницу 1 шил. 6 п.; кремень 3 п., углатилъ за обѣдъ 2 шил. 2 п. и моему слугѣ 6 п. Англійскій парламентъ собрался, но былъ снова распущенъ до 22 ноября лордомъ канцлеромъ, такъ какъ въ Верхней Палатѣ оказалось всего 24 члена, а въ Нижней—130 членовъ.

11 числа бесѣдовалъ съ государственнымъ секретаремъ и выразилъ ему желаніе откланяться Его Величеству. Въ тотъ же день онъ сообщилъ мнѣ, что король высказалъ намѣреніе дать мнѣ до отъѣзда еще одну аудіенцію. До моего прихода, въ первой пріемной комнатѣ, король прикасался многихъ лицъ, страдавшихъ королевскою болѣзнью, т.-е. имѣвшихъ зобы. Уплатилъ въ этотъ день за кофе 8 п., за обѣдъ 2 шил., ночью 1 шил. 8 п., за моего слугу 6 п., за книгу 4 п.

12 числа я обѣдалъ въ голландскомъ домѣ близъ Сень-Джемса. Въ этотъ день принцъ Георгъ, вмѣстѣ со своею супругою и семействомъ, уѣхалъ въ Виндзоръ и много королевскихъ экипажей отправилось туда же.

13 числа пришло извѣстіе, что принцесса еще вечеромъ разрѣшилась дочерью. Поэтому король на другой же день собрался туда ѣхать, несмотря на то, что ранѣе день его отъѣзда былъ назначенъ на субботу. По этой причинѣ я не могъ имѣть аудіенці въ Лондонѣ и рѣшилъ ѣхать въ Виндзоръ, чтобы тамъ достигнуть желаемой цѣли. Отстоявъ богослуженіе въ Сень-Джемской церкви и присутствовавъ при отъѣздѣ короля около 3-хъ часовъ дня, я затѣмъ сталъ самъ собираться въ дорогу и сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Я купилъ сѣдло за 8 шил., далъ прислугѣ 6 п. и за ночлегъ 8 п.

14 числа. Вставъ рано утромъ, я заплатилъ содержателю лошадей за одиннадцать ночей по 1 шил. 6 п. за лошадь въ день и еще 16 п. награды и поѣхалъ обыкновенною дорогою въ Виндзоръ, куда прибылъ около 10 часовъ. Переодѣвшись, я отправился ко двору и встрѣтилъ короля въ паркѣ, при его возвращеніи съ прогулки. Его Величеству угодно было сперва сообщить графу Феверсгаму, кто я такой, а затѣмъ спросить меня, бывалъ ли я когда въ этомъ мѣстѣ и нравится ли оно мнѣ. Я отвѣчалъ на вопросы, и король остался доволенъ моимъ отвѣтомъ. Проходя по комнатамъ, король выразилъ намѣреніе поговорить со мною вечеромъ. Отстоявъ богослуженіе и затѣмъ присутствовавъ при обѣдѣ короля, я возвратился къ себѣ на квартиру, отобѣдалъ и отправился около 4 часовъ снова ко двору. Я осмотрѣлъ большія, прекрасныя комнаты дворца, затѣмъ пошелъ въ паркъ и любс-

вался красивыми аллеями и прелестными видами. Въ 6 часовъ вечера въ паркѣ явился король, съ королевою и принцемъ Георгомъ и послѣ прогулки въ продолженіе часа, возвратился назадъ. Вечеромъ, около заката солнца, король, находясь въ одной изъ большихъ комнатъ, позвалъ меня къ себѣ въ уголь и вступилъ въ длинный со мною разговоръ. Онъ спрашивалъ, давно ли я уѣхалъ изъ Англіи, въ какихъ мѣстахъ былъ и тому подобныхъ вещахъ, особенно объ имѣвшихъ отношеніе къ военному дѣлу. Я отвѣчалъ насколько могъ. Король выразилъ, чтобы я скорѣе возвратился и что мнѣ будетъ сдѣлано все, что только можно. Этотъ разговоръ продолжался около получаса, послѣ чего я былъ отпущенъ. Спустя полчаса я увидѣлъ, что король направился въ свой кабинетъ; я послѣдовалъ за нимъ и сталъ на колѣни; король далъ мнѣ милостиво руку, которую я поцѣловалъ. Я не встрѣтилъ никого изъ шотландскихъ дворянъ, кто бы могъ меня представить королевѣ, а потому рѣшился попросить самого короля доставить мнѣ честь поцѣловать руку Ея Величеству. Король усмѣхнулся и повелъ меня къ королевѣ, которая сидѣла за столомъ съ дамами и играла въ карты. Король, поговоривъ съ нею, сдѣлалъ мнѣ знакъ приблизиться, и я удостоился чести поцѣловать руку королевы. Это дало поводъ дворянству и всѣмъ придворнымъ дѣлать различныя толкованія; нѣкоторые изъ нихъ говорили: „этотъ господинъ нашелъ себѣ дѣйствительно ловкаго представителя“. Король, проходя мимо, сказалъ мнѣ, чтобы я долго не оставался въ Россіи, что онъ обо мнѣ напишетъ самъ царю. Такъ какъ принцъ Георгъ находился въ той же самой комнатѣ, то я подошелъ къ нему и также откланялся; я сказалъ принцу привѣтствіе сперва на голландскомъ языкѣ, а потомъ на англійскомъ, на что принцъ отвѣтилъ коротко.

Послѣ этого я возвратился домой и уплатилъ за лошадей для себя 6 шил. 6 п. и за телѣгу 2 п. Заснувъ часа 4, я взялъ лошадей, утромъ прибылъ въ Лондонъ и сталъ готовиться къ отъѣзду въ тотъ же день.

15 числа я откланялся лорду Мельфорду и другимъ различнымъ вельможамъ, уплатилъ за обѣдъ 19 пенсовъ, за кофе 4 п., за моего слугу 6 п. и за ночлегъ 2 шил.

16 числа простился съ лордомъ Миддельтономъ и другими, былъ при богослуженіи въ домѣ венеціанскаго посланника и обѣдалъ съ различными друзьями въ голландскомъ домѣ Сень-Джемсѣ. Вечеръ я провелъ съ друзьями въ гостиницѣ

за стаканомъ вина, и сэръ Робертъ Гордонъ, сверхъ ожиданія, заплатилъ по счету за всѣхъ.

17 числа рано всталъ, заплатилъ по счету гостиницы— за ночлежь 1 шил., за вещи свои 2 шил., за лошадь всего 9 шил., за пиво 19 п., еще за вещи 1 шил., распрощался съ хозяевами и, нанявъ вмѣстѣ съ лордомъ Лохиелль, называемымъ сэромъ Ервинъ Камерономъ, повозку, поѣхалъ въ Смитъ-Фильдъ, гдѣ мы запаслись различными бездѣлушками, за которыя уплатилъ 3 шил. 10 п. За завтракъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ Александромъ—2 шил. 4 п. и за кормъ лошади 1 шил. Около полудня мы уѣхали и, сдѣлавъ 12 миль, прибыли въ Вальтамъ Кроссъ, гдѣ остановились немного и уплатили за наше содержаніе и лошадей 2 шил. 6 п. Нѣтъ необходимости дѣлать описанія всѣхъ различныхъ мѣстъ, по которымъ я проѣзжалъ въ этотъ день, потому что все это можно узнать изъ подробныхъ, напечатанныхъ сочиненій, какъ-то: Кэмбдона и другихъ; скажу только разъ навсегда, что это очень плодородная и очень привлекательная мѣстность, въ которой едва-ли можно примѣтить недостатокъ или бѣдность въ средствахъ и способахъ существованія, но вездѣ замѣтно обиліе и богатство. Отѣхавъ далѣе миль восемь, мы остановились въ почтовомъ домѣ, а на слѣдующее утро заплатили за ужинъ 4 шил. 6 пенс., за кормъ трехъ лошадей—4 шил. 6 пен., за вино утромъ 1 шил., за вещи 8 пенс., за доставку сѣдла на корабль 8 пенс. и за подкову 6 пенс. Тутъ протекаетъ рѣка Варъ и Ли.

18 утро было нѣсколько пасмурно и туманно, но мы разными дорогами добрались до Ройстона, проѣхавъ 16 миль, а затѣмъ плохую дорогою пять миль—до деревни, называемой Аринчто-унъ, въ которой обѣдали. Здѣсь я замѣтилъ, что въюкъ набилъ спину моей лошади и сдѣлалъ ей рану, противъ которой я не могъ найти средства, а также не могъ найти другой лошади. Заплативъ за себя и нашихъ лошадей 2 шил. 6 пенс., мы поѣхали въ Гунтингтоунъ (11 миль), миновали городъ Гадманчестеръ—очень хорошій городъ съ очень промышленнымъ населеніемъ, въ Англіи, выдѣлывающимъ предметы домашняго хозяйства и земледѣлія. Проѣзжая тутъ, я увидѣлъ самыхъ красивыхъ и ловкихъ женщинъ, какихъ я когда-либо видѣлъ въ моей жизни. Мы проѣхали по каменному мосту въ четыре пролета чрезъ рѣку Усруннотъ, протекающую въ этомъ мѣстѣ, и остановились здѣсь. У моей лошади была повреждена спина, а лошадь Лохиелля также

страдала еще ранѣ, и потому мы были принуждены подумать о смѣнѣ лошадей.

19 числа. На слѣдующій день намъ привели много лошадей, но большая часть ихъ были негодны; мы потратили много времени, прежде чѣмъ могли рѣшиться на какую-либо мѣну. Наконецъ, мой товарищъ далъ 40 шил., а я 3 фунта 1 шил. въ придачу къ нашимъ лошадямъ и получили другихъ, далеко не столь хорошихъ, какъ наши, когда мы ихъ купили въ Лондонѣ. Но такъ обираютъ путешественниковъ вездѣ. Мы заплатили здѣсь за себя 6 шил. 2 п., а за вещи 10 пенс., за пиво, кромѣ того, 6 пен., за укладку сѣдла и вьюковъ 10 п., за желѣзный пруть къ вьюку 6 п., за кормъ лошадей 2 шил. Я заплатилъ за повозку 4 шил. Вечеромъ мы поѣхали въ Стильтонъ (9 миль), гдѣ ночевали и заплатили за себя 20 пен., за нашихъ лошадей 3 шил. 6 пен.

Новорожденную дочь принца Георга Датскаго крестили и назвали Анна-Софія; восприемниками при крещеніи были: гр. Феверсгамъ и лэди Роскоммонъ и Чорчилль. Крещеніе совершалъ епископъ изъ Дурхама.

20 числа рано утромъ мы поднялись и, проѣхавъ 12 миль, прибыли въ Стамфордъ, переправились по каменному мосту черезъ рѣку Вилландъ и, проѣхавъ 20 числа 10 миль далѣе, обѣдали въ деревнѣ Кольсфутъ; мы заплатили за свою ѣду 20 пенсовъ и за кормъ лошадей 15 п. и еще на чай 3 пенса. Потомъ мы проѣхали мимо Грентхама, сдѣлавъ 6 миль, а затѣмъ, отѣхавъ еще одну милю, имѣли прекрасный видъ на плодородную долину съ древнимъ мѣстечкомъ Бивуаръ ка стль на лѣвой рукѣ. Мы миновали долину и остановились въ обширной и длинной деревнѣ, по имени Биллингъ тоунъ, которая въ пяти миляхъ отъ Грентхама, гдѣ я уплатилъ за себя 29 пенсовъ, за лошадей 3 шил. 6 пенс. и далъ на чай 7 пен.

21 числа, отѣхавъ 5 миль, мы прибыли въ Ньюмаркъ, гдѣ переправились чрезъ р. Трентъ, уплативъ 6 пен. за перевозъ, и затѣмъ пустились по низменности, по которой, проѣхавъ 10 миль отъ Ньюмарка, обѣдали въ Туксъ-фордѣ, гдѣ съ правой руки имѣли видъ на Линкольнъ. Тутъ мы уплатили за себя 32 пенса и за лошадей 15 пен., на чай 2 пен. Потомъ мы направились далѣе лѣсомъ, называемымъ Ширвудъ (древнее мѣсто охоты Робинъ худа), въ Барнби, стоящемъ на болотѣ въ разстояніи 8 миль, и затѣмъ въ Шрибтри еще 3 мили далѣе, гдѣ мы отдыхали и уплатили за себя 2 шил. 6 пен., за лошадей 3 шил. и на чай 6 пен.

22 числа. Проѣхавъ далѣе 6 миль, прибыли въ Донкастръ, гдѣ я получилъ мой погребецъ съ молодымъ кучеромъ. Опасаясь опять испортить мою лошадь, какъ я это уже сдѣлалъ ранѣе съ лошадей, на которой былъ чемоданъ, я купилъ дорожный мѣшокъ и вложилъ въ него полотняныя и другія вещи, которыя не могли попортиться отъ давленія, и наполнилъ лучше мой вьюкъ. Подкрѣпивъ себя ѣдою, мы уплатили за оную 3 шил., за кормъ лошадей 15 пен., дали на чай 4 пен., за чемоданъ 2 шил. 6 пен., за устройство вьюка 1 шил. 6 пен. Тутъ мы перебрались черезъ рѣку Донъ и затѣмъ чрезъ 4 мили далѣе прибыли къ валу Робина-Худа и по древней римской дорогѣ направились въ Вентбриджъ (чрезъ три мили) и потомъ еще чрезъ 3 мили въ Ферри-Бриджъ; дорога была очень камениста и худая до Аберфорда, который лежалъ на правой отъ насъ рукѣ. Мы тутъ остановились и уплатили за все 13 пенсовъ и, проѣхавъ 6 миль далѣе, переѣхали р. Верфъ, по каменному мосту, и затѣмъ остановились тутъ.

23 числа былъ день Св. Троицы; мы отдыхали до обѣда и проводили время утромъ въ прогулкахъ по очаровательнымъ берегамъ и полямъ по берегу рѣки. Послѣ обѣда мы заплатили за себя 4 шил. 6 пен., за нашихъ лошадей—2 шил. 9 пен., да на чай 6 пен. и затѣмъ, добывъ лошадь, направились къ Борроу-Бриджу. Проѣхавъ 10 миль, остановились и уплатили 2 шил. 6 пен. въ „Красномъ Львѣ“ и затѣмъ, проѣхавъ 4 мили далѣе, прибыли въ Топклифъ, гдѣ остановились и уплатили за себя 2 шил. 1 пен. и за нашихъ лошадей 3 шил., дали на чай 5 пен.

24 числа мы проѣхали 8 большихъ миль до Норсаллертоуна (т.-е. сѣверный городъ Аллеръ) и затѣмъ еще 5 миль до Смиттоуна, гдѣ мы обѣдали и уплатили за себя и лошадей 3 шил. 4 пен. Затѣмъ, проѣхавъ пять миль, прибыли въ Дарнтоунъ, гдѣ была большая ярмарка, и за бутылку элю уплатили 4 пен. Отѣхавъ 4 мили далѣе, пріѣхали въ Яклифъ, гдѣ немного отдохнули и уплатили 13 пенсовъ. Шель проливной дождь, и мы не могли двинуться далѣе Феррихиль и, проѣхавъ всего 5 миль, остановились тутъ и уплатили за себя 32 пен. и лошадей 3 шил. и дали на чай 5 пенсовъ.

25 числа. Проѣхавъ 5 миль, мы рано прибыли въ Дурхамъ, гдѣ дѣлались большія приготовленія къ ярмаркѣ, а затѣмъ, отѣхавъ еще 12 м., прибыли въ Ньюкэстль, гдѣ обѣдали въ „Золотой рыбѣ“. Уплативъ за себя 2 шил. и за нашихъ лошадей 21 пен., на чай 3 пен. также за кольцо къ сѣдлу

4 пен., мы поѣхали въ Морпетъ въ разстояніи 12 миль, гдѣ остановились и уплатили за самихъ себя 2 шил. 1½ пен. и за нашихъ лошадей 3 шил. 2 пен. и дали на чай 6 пен.

26 числа. Мы направились въ Фермлинтонъ, всего 8 миль, а затѣмъ чрезъ большой высокій холмъ въ Виттинггамъ—шесть миль, гдѣ обѣдали и заплатили за себя 1 шил. 2 пен., за лошадей 9 пен. и дали на чай 3 пенса. Мы провели эту ночь въ гостиницѣ, называемой Гаухедъ, въ разстояніи небольшой мили отъ Воллеръ, и уплатили за себя 33 пенса, за лошадей 2 шил. и дали на чай 6 пен. и еще при отъѣздѣ 2½ пенса на водку.

27 числа проѣхали въ Воллеръ, всего одну милю, затѣмъ въ Ньютоунъ—большія четыре мили и затѣмъ до границы Шотландіи—4 мили въ Кольфо, гдѣ переправились черезъ р. Твидъ и, сдѣлавъ 4 мили, прибыли въ Фурдъ, обѣдали тамъ и уплатили за себя и своихъ лошадей 4 шил. 3 пенса и дали на чай 6 пен. Оттуда мы направились пріятною мѣстностью на р. Мерзъ въ Лаудеръ и послѣ 10 миль остановились и уплатили за себя 2 шил. 6 пенсовъ, за лошадей 2 шил. 4 пен. и дали на чай 6 пенсовъ.

28 числа мы проѣхали въ Гингль-киркъ, въ разстояніи 4 миль, затѣмъ въ Сотри—двѣ мили, въ Фалау—1 миля, въ Далькейтъ—5 миль, гдѣ обѣдали и уплатили за себя 2 шил. 2 п., за лошадей 10 пен. и дали на чай 2 п. Проѣхавъ послѣ 4 мили, прибыли въ три часа, послѣ обѣда, въ Эдинбургъ. Я остановился на улицѣ Каннонгетъ, въ гостиницѣ съ вывѣскою „Королевскій гербъ“.

Черезъ два часа послѣ нашего пріѣзда прибылъ меня навѣстить герцогъ Гордонъ и привѣтствовалъ меня очень дружески; послѣ этого удостоили меня посѣщеніемъ мои друзья, выразившіе мнѣ разныя пожеланія.

29 числа утромъ я посѣтилъ герцога Гордона и былъ принятъ имъ очень благосклонно. Онъ предложилъ сопровождать меня къ Его Свѣтлости лорду Комиссару и другимъ вельможамъ и просилъ меня, чтобы, кромѣ его, никто другой меня не представлялъ разнымъ лицамъ. Герцогъ посадилъ меня въ свою карету и повезъ въ замокъ, гдѣ представилъ лорду Комиссару, принявшему меня очень милостиво. Пробывъ недолго, мы поѣхали къ лорду Канцлеру, который еще не вставалъ съ постели. Послѣ этого я поѣхалъ къ графу Абердину и обѣдалъ у моего двоюроднаго брата г. Оомы Гордона, секретаря суда. Затѣмъ мы отправились въ комнату напро-

тивъ и смотрѣли церемонію, какъ городской судья и всѣ члены магистрата пили здоровье короля, поминали день рожденія усопшаго короля и счастливый призывъ нынѣ царствующаго (Карла II). При этомъ были произведены нѣсколько ружейныхъ залповъ, а затѣмъ послѣдовало много радостныхъ выстрѣловъ по улицамъ.

30 числа я былъ приглашенъ лордомъ Канцлеромъ на богослуженіе и къ обѣду, куда отправился съ герцогомъ рано утромъ. На обѣдѣ находились: герцогъ Гордонъ, графы: Эрроль, Айрли, Думферлингъ, съ нѣкоторыми дамами и другими господами. Послѣ обѣда я провожалъ графовъ Эрроль и Думферлинга и при этомъ устроилась веселая попойка, вмѣстѣ съ другими лицами. 31 числа посѣтилъ герцоговъ Гамильтона и Квинсбурри и маркиза Атоль, въ сопровожденіи герцога Гордона.

1 іюня, вмѣстѣ съ герцогомъ Гордономъ, я поѣхалъ сперва къ лорду великому Комиссару, затѣмъ въ домъ Парламента и получилъ мѣсто у подножія трона, ниже герцога. Потомъ вмѣстѣ съ герцогомъ и многими другими лицами высшаго дворянства обѣдалъ въ гостиницѣ Кромби. Послѣ обѣда я прокатился съ герцогомъ по улицамъ города, а вечеромъ принималъ у себя многихъ членовъ высшаго дворянства и другихъ лицъ. Я получилъ извѣстіе, что мои вещи изъ Данцига прибыли въ Лейтъ. Я послалъ моихъ лошадей въ паркъ на дуга и писалъ графу Миддлетону, г. патеру Думберу, г. Марру и Александру Гордону.

2 числа утромъ принималъ посѣтившихъ меня и обѣдалъ дома. Послѣ обѣда посѣтилъ графа Абердина, съ которымъ имѣлъ продолжительное объясненіе о моихъ домашнихъ дѣлахъ. Я писалъ брату, чтобы онъ прислалъ нѣкоторыя письменныя бумаги изъ Шотландіи, относящіяся до моего дѣла съ графомъ Эрроль.

3 числа былъ въ Парламентѣ и обѣдалъ въ гостиницѣ Блера, съ нѣкоторыми лицами высшаго дворянства. Послѣ обѣда я въ свою очередь посѣтилъ различныхъ лицъ высшаго круга. Вечеромъ вмѣстѣ съ другими участвовалъ въ пирушкѣ.

4 числа обѣдалъ у себя дома. Послѣ обѣда посѣтилъ моего двоюроднаго брата г. Оому Гордона, отъ котораго получилъ письма отъ моего сына Джемса, изъ Дувэ.

5 числа обѣдалъ въ своей квартирѣ. Послѣ обѣда ходилъ въ паркъ, а затѣмъ получилъ свой багажъ, доставленный изъ Данцига черезъ Лейтъ, и нашелъ все въ исправности.

6 числа былъ приглашенъ къ обѣду лордъ-канцлеромъ. До этого я былъ при богослуженіи. Послѣ обѣда лордъ-канцлеръ получилъ пакетъ изъ Гамбурга, въ которомъ находилось мнѣ письмо отъ перваго государственнаго министра царей (т. е. отъ кн. В. В. Голицына), сообщавшее о полученіи многихъ моихъ писемъ, написанныхъ съ дороги. Вмѣстѣ съ этимъ, по приказанію царя, мнѣ поручалось нанять различныхъ офицеровъ младшаго чина, а также инженеровъ, фейерверковъ и минеровъ и привезти ихъ со мною, обѣщавъ имъ годовое жалованье, смотря по чину, а также дозволеніе оставить страну, какъ скоро ихъ обстоятельства это потребуютъ. Послѣ обѣда я вмѣстѣ съ графами Айрли и Думферлингомъ ходилъ на Лейту.

7 числа утромъ я послалъ немного икры и нѣсколько (40) горностаевъ герцогу Гордону и такое же количество лорду-канцлеру. Я обѣдалъ въ городѣ съ нѣкоторыми лицами высшаго дворянства и писалъ послѣ обѣда въ Россію, Лондонъ и Гамбургъ.

8 числа отправилъ мои письма русскому первому государственному министру, его супругѣ, г. Виніусу, г. Кэмбриджу (въ Гамбургѣ), моему двоюродному брату Александру Гордону, г. Мевереллю и маіору Довгаллю въ Лондонѣ.

9 числа посѣтилъ тѣхъ, которыхъ еще не видѣлъ. Я намѣревался ѣхать далѣе на сѣверъ, но мой двоюродный братъ отговорилъ меня и убѣдилъ остаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены бумаги.

10 числа меня взялъ съ собою герцогъ Гордонъ въ замокъ и показалъ всѣ его достопримѣчательности. Я далъ смотрителю 2 талера и сторожамъ—четыре талера. Потомъ я посѣтилъ супругу маркиза Гунтлей.

11 числа обѣдалъ у себя, а послѣ обѣда былъ въ паркѣ.

12 числа утромъ пришелъ ко мнѣ отецъ Лесли и доставилъ письма отъ моего сына Джемса, а также отъ ректора Коллегии въ Дувей по имени Жильбертъ Инглисъ. Я обѣдалъ въ городѣ съ различными знатными дворянами, а вечеромъ былъ въ обществѣ. Обѣдъ мнѣ стоилъ, какъ обыкновенно, $\frac{1}{2}$ кроны и закуска—отъ 2 до 3 шиллинговъ.

13 числа я былъ у богослуженія въ домѣ леди Лучіи Гамильтонъ. Обѣдалъ у графа г. Айрли и послѣ обѣда ходилъ на Лейту. Вечеромъ меня посѣтилъ герцогъ Гордонъ, которому я подарилъ турецкую саблю, а затѣмъ мы пошли вмѣстѣ въ паркъ гулять.

14 числа былъ въ городѣ и обѣдалъ тамъ съ различными знатными особами, при чемъ графъ Еглинтоунъ просилъ меня взять съ собою въ Россію его сына.

15 числа Парламентомъ были утверждены различныя законоположенія. Я обѣдалъ у генерала Друммонда и проводилъ приятно вечеръ, за стаканомъ вина, съ графами Арроллъ и Маршаллъ, а также лордомъ Коллингтономъ. Парламентъ былъ отложенъ до 17 августа, и лордъ Комиссаръ готовился къ отъѣзду.

16 числа обѣдалъ въ городѣ, послалъ свои вещи со слугою Даніэлемъ на корабль и вечеромъ былъ вмѣстѣ съ другими у г. Оомы Даліелль. Графъ Абердинъ поѣхалъ въ сѣверную часть Шотландіи.

17 числа изъ Эдинбурга уѣхалъ лордъ Комиссаръ; его провожала большая часть высшаго дворянства, при чемъ стрѣляли залпами изъ большихъ и малыхъ орудій. Лордъ пробылъ всю ночь въ Гаддингтонѣ; я же помѣстился въ домѣ съ виконтомъ Кенмойръ.

18 числа утромъ я посѣтилъ могилу герцога Лаудердаля, потомъ ожидалъ герцога Гордона и по его прибытіи отправился съ нимъ къ лорду Комиссару, оказавшему мнѣ очень лестный пріемъ. Послѣ завтрака мы поѣхали назадъ, осмотрѣли дворецъ Соатонъ, проводили весело время за стаканомъ вина въ Престонѣ и пріѣхали въ-время въ Эдинбургъ.

19 числа я откланялся герцогамъ Гамильтонъ и Квинсбури, маркизу Атоль и другимъ вельможамъ. Я обѣдалъ дома, а вечеръ провелъ съ нѣкоторыми вельможами за стаканомъ вина.

20 числа обѣдалъ у лорда-канцлера, простился съ нимъ, а потомъ ѣздивъ прощаться къ многимъ вельможамъ и друзьямъ. Вечеръ я провелъ въ обществѣ лорда Думферлинга, подполковника Бухена и Кокстауна.

21 числа всталъ рано и простился съ герцогомъ Гордономъ, который извинялся, что, по болѣзни, не можетъ меня проводить до р. Лейты, какъ онъ это намѣревался ранѣе. Я нанялъ другую повозку и поѣхалъ со многими друзьями, проводившими меня до Лейты. Позавтракавъ вмѣстѣ, я распростился съ ними и поѣхалъ на лодкѣ въ Бурнтъ-Эйландъ. Тутъ я нанялъ лошадь, для моего слуги проводника, поѣхалъ верхомъ 4 мили до Дагати и откланялся лэди Думферлингъ, которая приняла меня очень милостиво. Оттуда проѣхалъ верхомъ въ Киркальди, гдѣ узналъ, что корабль, на которомъ находились мои вещи, въ этотъ день уже поднялъ якорь на рейдѣ. Я заночевалъ въ Кенновеѣ.

22 числа. При сильномъ дождѣ прибылъ въ Коуперъ, переправился у Дунди на паромѣ чрезъ Ферри и, отобѣдавъ на другой сторонѣ, прибылъ въ Ардброотъ, гдѣ отдыхалъ и кормилъ лошадей. Въ гостиницѣ „Красный домъ“ меня пріятно удивило появленіе сэра Георга Скина и Бальи Адіе; мы заночевали всѣ въ Монтрозѣ.

23 числа, миновавъ Норсъ-ватеръ и Берви, прибыли въ Стинхавъ и обѣдали въ Ковей. Все время лилъ сильнѣйшій дождь. У моста при р. Ди выпили по стакану вина и затѣмъ къ 4 часамъ пріѣхали въ Абердинъ. Я помѣстился у Катарины Раэ, видѣлъ многихъ своихъ друзей, меня посѣтившихъ, и послалъ гонца къ своему сыну Джемсу.

24 числа прибыли мой дядя, братъ и сынъ, а также пріѣхали меня навѣстить многіе друзья изъ города.

25 числа послѣ обѣда я узналъ, что мой багажъ прибылъ изъ Эдинбурга. Я взялъ лошадь и поѣхалъ въ Келли, гдѣ меня очень дружественно встрѣтили графъ Абердинъ и его сынъ, лордъ Хаддо. Мы разговаривали о разныхъ предметахъ, особенно о моихъ дѣлахъ. Они просмотрѣли всѣ письма и бумаги, касавшіяся земель въ Ахлуйхріесѣ, и не считали удобнымъ и выгоднымъ таковыя продавать. Эти имѣнія всѣ были очень хорошо содержаны и стоили того, чтобы ихъ удержать за собою.

26 числа послѣ завтрака я поѣхалъ въ лодкѣ чрезъ рѣку Итонъ ватеръ и при сильномъ дождѣ, посѣтилъ лерда (laird) Шивиса, а затѣмъ поѣхалъ верхомъ къ мельницѣ Друмвхендилль. Рѣка Эбри тутъ очень сильно выступила изъ береговъ, и я долженъ былъ простоять почти три часа у мельницы, пока вода немного спала. Потомъ съ большою опасностью поѣхалъ черезъ проселокъ. Дорогою я заѣзжалъ, не надолго, къ Кольдвеллю и также къ Дудикиту, а вечеромъ пріѣхалъ къ моему брату Джону.

27 числа всталъ рано и поднялся вверхъ къ проживавшимъ тамъ Керни Винку и затѣмъ спустился къ своему дядѣ и, осмотрѣвъ часть полей, остался ими очень доволенъ. Послѣ этого я обѣдалъ у моего дяди; послѣ обѣда пришла сестра моя съ ея мужемъ и другими друзьями. Вечеромъ мы всѣ ужинали у моего брата Джона.

28 числа пришелъ Нетермуиръ, и мы толковали съ Джономъ Гордономъ о его счетахъ. Онъ предъявилъ большой счетъ деньгамъ, издержаннымъ на платье и другіе предметы для моихъ дѣтей; я остался этимъ совершенно недоволенъ.

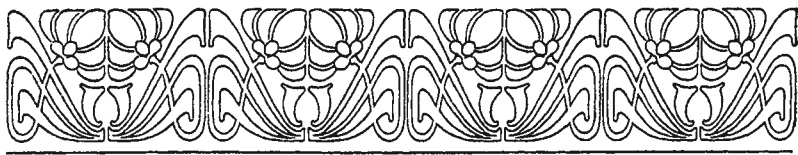
Мы всѣ имѣли намѣреніе спуститься внизъ къ Кроудону, но отложили все до слѣдующаго дня. Мы посѣтили различныхъ дворянъ этого прихода. Я обѣдалъ у моей сестры, а затѣмъ, посѣтивъ многихъ, возвратился вечеромъ къ брату.

29 числа утромъ, прогуливаясь, осмотрѣлъ нѣкоторыя мѣста, которыя ранѣе не видѣлъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ братомъ по его счетамъ, мы, наконецъ, пришли съ нимъ къ соглашенію. Нѣкоторые друзья явились меня навѣстить; мы позавтракали всѣ вмѣстѣ и поѣхали вечеромъ въ Ньюдиръ, при чемъ дорогою навѣстили многихъ друзей. Я проѣхалъ Барракъ, Кневинъ, Ахмуниелль и еще до сумерекъ прибылъ въ Далгати, куда незадолго пріѣхалъ лердъ, который очень дружески меня встрѣтилъ и угостилъ вечеромъ въ пріятномъ обществѣ.

30 числа утромъ мы совершили прогулку до 9 часовъ, а потомъ стали толковать о домашнихъ дѣлахъ нашихъ. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій пришли, однако, къ заключенію, такъ какъ лердъ очень благородно согласился на все, что требовалъ я и другіе. Мы всѣ пріятно пообѣдали у лерда въ обществѣ его прекрасной супруги, пользуясь превосходной ея бесѣдой. Она и ея супругъ оказали мнѣ всевозможныя любезности. Простившись съ ними, я посѣтилъ г. Ахри, бывшаго вмѣстѣ со мною въ Далгати, и былъ очень хорошо принятъ. Дорогою я посѣтилъ г.г. Ахмуниелль, Ахриди и Нетермуира, у которыхъ былъ недолго, а затѣмъ возвратился въ Баракъ, гдѣ и ночевалъ.

Сообщ. П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1—3 января 1917 года. Надъ родиною нависли тяжелыя, густыя, свинцовыя тучи. Когда-то онѣ разсѣются и снова засіяетъ солнце. Думается, что это солнце для Россіи далеко безконечно.

Въ городѣ много говорятъ по поводу слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто въ первый день Нового года. Къ предсѣдателю Г. Думы М. В. Родзянко изъ группы министровъ подошла А. Д. Протопоповъ и протянулъ руку.

М. В. Родзянко былъ чрезвычайно изумленъ и рѣзко замѣтилъ:

— Никогда и нигдѣ.

А. Д. Протопоповъ все-таки продолжалъ идти рядомъ съ Родзянко, заявляя что-то о возможности сговориться.

М. В. Родзянко еще рѣзче замѣтилъ:

— Покорнѣйше прошу ко мнѣ не прикасаться.

Въ такомъ случаѣ я вамъ пришлю вызовъ,—заявилъ А. Д. Протопоповъ.

— Слушаю,—отвѣтилъ М. В. Родзянко.

На этомъ окончился „разговоръ“.

Вѣрные своей неизмѣнной повадкѣ, нѣмцы укатили съ молдаво-румынскаго фронта часть своихъ силъ куда-то. А потому на молдавскомъ фронтѣ они наступаютъ не на всемъ фронтѣ, а на разныхъ участкахъ, въ разное время, тоже пере-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь—февраль 1918 г.

возя резервы въ разныя мѣста, и бои протекають съ перемѣннымъ успѣхомъ. Теперь они тянутъ свои цѣпкія лапы къ Галацу и берегамъ р. Серета.

Операція на Рижскомъ фронтѣ произошла при исключительной обстановкѣ. Она была задумана блистательно и блистательно приведена въ исполненіе, совершенно такъ же, какъ ее проводили въ жизнь въ полевыхъ бояхъ Наполеонъ и Суворовъ. Несмотря на то, что вся мѣстность была сплошь покрыта укрѣпленіями, забетонирована, оплетена проволокой и запулемечена, въ теченіе 15 мѣсяцевъ; она оборонялась германцами, которые были застигнуты на своихъ позиціяхъ полуодѣтыми, т. к. считали себя неприступными. И это сдѣлалъ въ самый разгаръ увлеченія крѣпостной войной ген. Радко-Дмитріевъ неожиданной для непріятеля атакой, безъ всякой артиллерійской и ружейной подготовки, какъ это значитъ въ приводимой корреспонденціи „Новаго Времени“ ¹⁾:

„Войскамъ, наступавшимъ подъ Ригой, пришлось преодолѣть невѣроятныя трудности.

Болѣе года нѣмцы укрѣпляли свои сѣверныя позиціи, огораживались и оплетались, рыли волчьи ямы, превращали лѣса въ сплошныя колючія изгороди. Наступавшіе перерѣзали тридцать рядовъ проволоки. Солдаты рассказываютъ, что передъ нѣмецкими окопами не только обыкновенныя рогатки съ проволокой, но и колючкой оплетены кустарники и пни. Ноги застревали въ проволоку, проволока была на каждомъ шагу, и, очевидно, непріятель чувствовалъ себя за ней въ полной безопасности.

— Особенно трудно пришлось передъ одной горкой, на которой стояло у нѣмцевъ нѣсколько десятковъ пулеметовъ. Горку надо было взять, и мы ходили на нее четыре раза. Нѣмцы осыпали изъ пулеметовъ. Три раза не удавалось. И только когда пошли въ четвертый и взяли въ обходъ, горка сдалась. Въ живыхъ на ней мало кто остался. Зато пулеметовъ набрали цѣлую кучу... Плѣнныхъ вообще брали мало...

Наступленіе наше, по всѣмъ даннымъ, явилось для нѣмцевъ неожиданнымъ. Когда послѣ прорыва была пущена конница и когда наши захватили четыре ряда окоповъ, солдаты заставляли въ землянкахъ не только перепуганныхъ нѣмцевъ, но не успѣвшихъ выбраться оттуда женщинъ. Разсчитывая на пол-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 3 января 1917 г.

ную безопасность, нѣмцы, видимо, съ полнымъ комфортомъ проводили праздники и пригласили въ свои окопы даже пріѣхавшихъ навѣстить ихъ родственницъ. Такъ тѣ и попались.

Землянки, что называется, тепленькія: съ приготовленными обѣдами, съ кружками налитаго кофе, съ разбросанными пивными бутылками, съ неприбранными постелями, даже съ недокуренными трубками.

Первыми пошли латыши. Для нихъ нѣтъ преградъ. Въ моментъ наступленія ими руководить безотчетная отвага, граничащая со злобой. Они ненавидятъ нѣмцевъ, и потому они сильны.

— Въ Митавѣ были, — рассказываетъ раненый солдатъ. — Развѣдчиками мы ходили... Сильно артиллеріей разрушенъ городъ.

Нѣмцы сброшены въ болото. Имъ пришлось разстаться со своими насиженными, хорошо укрѣпленными позиціями. Они спѣшно стягиваютъ подкрѣпленія. Говорятъ, подвозятъ резервы съ нашего западнаго фронта.

— Когда мы занимали окопы, — рассказываетъ прапорщикъ, — начинала дѣйствовать наша артиллерія. Снаряды сыпались безъ счета, и видно было, какъ они буквально взрывали землю. Возможность контръ-атаки была отрѣзана.

Такъ проходило наше наступленіе подъ Ригой. Имъ руководилъ доблестный генераль Радко-Дмитріевъ. Его въ арміи знаетъ послѣдній солдатъ и всѣ одинаково любятъ. За нимъ удача, за нимъ умѣніе.

4—6 января¹⁾. Товарищи министра внутреннихъ дѣлъ кн. Волконскій и Балъць оставили свои должности, а вмѣсто генерала Шуваева военнымъ министромъ назначенъ генераль Бѣляевъ.

Объявлено печальное извѣстіе объ отсрочкѣ созыва Г. Совѣта и Г. Думы до 14 февраля. Это роковое рѣшеніе, несомнѣнно, кончится катастрофой для Россіи.

Съ Новаго года наши газеты выходятъ мало содержательными и мало интересными.

На румынско-молдавскомъ фронтѣ бои идутъ съ перемѣннымъ успѣхомъ.

---

¹⁾ „Нов. Вр.“ 3 января 1917 г.

Нейтральная печать сообщаетъ, что германцы усиленно готовятся къ кампаніи 1917 г. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ, польскихъ, румынскихъ и болгарскихъ людскихъ запасовъ нѣмцы лихорадочно формируютъ новыя дивизіи и замышляютъ новыя наступательныя авантюры.

---

1 января вечеромъ оставилъ Петроградъ в. кн. Николай Михайловичъ, выѣхавшій на 2 мѣсяца на жительство въ свое имѣніе Грушевку, Херсонской губерніи ¹⁾).

Сообщаютъ о таинственныхъ вывозахъ зерна изъ Закавказья и Ташкента ²⁾).

Уже почти годъ, какъ Закавказье, а вмѣстѣ съ нимъ и г. Баку испытываютъ какой-то хроническій хлѣбный кризисъ. На почвѣ этого кризиса между уполномоченнымъ по закупкамъ хлѣба на Сѣверномъ Кавказѣ Н. Н. Данилевскимъ—съ одной стороны, и бакинскимъ городскимъ самоуправленіемъ, мукомолами и бакинскими продовольственными организаціями—съ другой, шла ожесточенная борьба, которую намъ уже приходилось отмѣчать. Бакинцы въ концѣ-концовъ вышли побѣдителями. Однако, вслѣдъ за этой „побѣдой“ разыгралась таинственная исторія, о которой бакинскія газеты рассказываютъ слѣдующее:

Крупные бакинскіе мукомолы, какъ Тагіевъ, Гуліевъ и др., закупали въ Ставропольской губерніи и на Кумской вѣткѣ Владикавказской желѣзной дороги огромныя партіи зерна, для котораго иногда подавались даже маршрутные поѣзда. Такихъ маршрутныхъ поѣздовъ (составъ 40 вагоновъ) за послѣднее время было подано 20. Это обстоятельство зачастую отражалось даже на отправкахъ интендантскихъ грузовъ. Такъ на примѣръ, опредѣленно установлено, что на тѣхъ пунктахъ, откуда было вывезено зерно для Баку, образовались залежи грузовъ „Хлѣбарміи“.

И тѣмъ не менѣ бакинское градоначальство продолжало испытывать затрудненія и градоначальникъ продолжалъ жаловаться, что закупленное для Баку зерно реквизируется.

Такое объясненіе первоначально находило свое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ Баку дѣйствительно приходила только незначительная часть закупленной пшеницы.

---

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1917 г., № 14667.

²⁾ Тамъ же.

Наконецъ, въ самое послѣднее время терскій замѣститель уполномоченнаго г. Проневскій сообщилъ бакинскому градоначальнику, что имъ опредѣленно установлена отправка бакинскими мукомолами 80 вагоновъ зерна изъ Петровска-порта на шаландахъ въ неизвѣстномъ направленіи.

Существуетъ сильное подозрѣніе, что зерно вывезено въ Персію, а оттуда, быть можетъ, и въ Турцію, гдѣ, какъ извѣстно, пшеница продается чуть-ли не по 30 руб. за пудъ. Но во всей этой исторіи характернѣе всего то обстоятельство, что когда градоначальникъ пытался проконтролировать поступленіе зерна въ Баку и недоумѣвалъ, что его такъ мало приходитъ на мѣсто назначенія, отъ мукомоловъ онъ услышалъ ссылки на реквизицію.

Между тѣмъ, реквизиція примѣнялась съ большой осторожностью, а иногда и совсѣмъ не примѣнялась. Кстати, и таинственное исчезновеніе 80 вагоновъ зерна далеко не единичное явленіе. Бакинскій градоначальникъ сообщаетъ, что уже три мѣсяца, какъ между Петровскомъ и ст. Ея пропали 41 вагонъ зерна, адресованнаго бакинской городской управѣ.

Такой же таинственный экспортъ хлѣба наблюдается и въ Ташкентѣ, который, кстати сказать, тоже переживаетъ постоянные хлѣбные кризисы. „Турк. В.“ сообщаютъ:

Вотъ уже около недѣли, какъ каждый вечеръ, часовъ около 9—10, на Новой ул. можно наблюдать длиннѣйшіе караваны навьюченныхъ верблюдовъ, направляющихся къ Чимкентскому тракту. На вопросы прохожихъ, куда и что везутъ, погонщики отвѣчаютъ невѣдѣніемъ. 20 декабря ночью одинъ такой караванъ, состоящій изъ одиннадцати верблюдовъ, везъ, какъ въ этомъ лично убѣдился нашъ сотрудникъ, хлѣбное зерно...

Интересно было бы знать, — пишетъ газета, — нѣкоторыя подробности по поводу этихъ каравановъ, преспокойно вывозящихъ изъ Ташкента пшеницу, въ то время, когда въ послѣдней ощущается такая острая нужда въ городѣ.

Ташкентскія и бакинскія „операци“ производятся по какому-то „общему плану“. Но кто и гдѣ вырабатывалъ этотъ планъ, вотъ вопросъ.

Прибыла въ Кіевъ и будетъ имѣть здѣсь пребываніе великая княгиня Марія Павловна младшая ¹⁾).

---

¹⁾ „Русское Слово“ 1917 г. № 2.

Изъ хорошо освѣдомленнаго источника намъ передаютъ, что на-дняхъ въ правящія сферы поступила подробно мотивированная записка за подписью 17-ти лицъ, занимающихъ высокое положеніе.

Въ этой запискѣ содержится характеристика переживаемаго политическаго положенія въ связи съ перемѣнами въ кабинетѣ министровъ и нѣкоторыми выдающимися событіями послѣдняго времени.

Записка эта, какъ слышно, произвела очень серьезное впечатлѣніе ¹⁾.

Теперь уже достаточно ярко освѣщено значеніе Ютландской (у Скагерака) побѣды англійскаго флота надъ германскимъ.

Нѣмецкій флотъ имѣлъ цѣлью прорвать блокаду англичанъ, дать возможность германскимъ быстроходнымъ крейсерамъ уйти въ океанъ и тамъ начать безпощадную крейсерскую войну. Еще давно заготовленныя въ разныхъ частяхъ свѣта базы для крейсеровъ давали, повидимому, надежду на успѣшность этихъ дѣйствій.

Блестящія дѣйствія эскадры адмирала Битти, принявшаго на себя всю соединенную силу удара германцевъ, до прибытія главныхъ силъ англичанъ, преградили путь къ прорыву. Съ прибытіемъ главныхъ силъ англичанъ, нѣмцы спрятались въ мѣста своихъ постоянныхъ стоянокъ флота.

Реорганизация румынской арміи поручена генералу Пресану, назначенному начальникомъ главнаго штаба румынской арміи, пользующемуся репутаціей очень способнаго и твердой воли человѣка и ревностнаго приверженца Россіи.

Интересныя разоблаченія появились въ германской печати, повторяемая во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ и со всѣхъ каедръ, о томъ, что причиной войны явился приказъ о русской мобилизаціи.

Съ этой точки зрѣнія представляется интереснымъ воспроизвести разоблаченія г. Курта Эйснера, бывшаго главнаго редактора газеты „Форвертсъ“ (до превращенія этой газеты въ органъ правительства), напечатанныя въ хемницкой лѣво-соціалистической газетѣ „Голось Народа“ и тщательно замалчи-

---

¹⁾ „Русское Слово“ 1917 г. № 5.

ваемыя какъ „Форвертсомъ“, такъ и всею остальною германскою печатью. Г. Куртъ Эйсеръ утверждаетъ, что первыя свѣдѣнія о германской мобилизаціи были получены имъ еще во вторникъ 15 (28) іюля, т.-е. за два дня до пресловутаго спеціального изданія „Локаль-Анцейгера“, „по ошибкѣ“ сообщившаго о состоявшейся германской мобилизаціи, и за три дня до русской мобилизаціи. Г. Куртъ Эйсеръ говоритъ: „Днемъ 28 іюля я сообщил по телефону о германской мобилизаціи г. Хельману въ Хемницъ, а также центральному комитету социаль-демократической партіи въ Берлинѣ. Хельманъ, только что передъ тѣмъ получившій изъ бюро прессы директиву писать въ возможно болѣе умѣренномъ тонѣ, спросилъ меня по телефону: увѣренъ ли я въ точности сообщаемаго мною свѣдѣнія? Я отвѣтилъ ему: „Это рѣшено; если бы это не было такъ, то я бы васъ не затруднялъ подобнаго рода свѣдѣніями“. Хельманъ очень хорошо знаетъ, что новости я получилъ отъ человѣка, который, по своему официальному положенію, долженъ былъ первымъ узнать о состоявшемся рѣшеніи мобилизовать германскія войска; этотъ человѣкъ не могъ быть плохо или невѣрно освѣдомленъ“.

Какъ мы уже указали выше, нѣмецкія газеты обходятъ полнымъ молчаніемъ удручающія разоблаченія Эйснера. Это и неудивительно: если Эйсеръ правъ,—а точность сообщаемыхъ имъ данныхъ была подтверждена газетою „Голосъ Народа“,—то тогда окончательно разрушается все зданіе лжи, воздвигнутое германскимъ рейхсканцлеромъ ¹⁾.

15 марта прошлаго года была открыта подписка на заемъ въ два милліарда. Подписка прошла съ небольшимъ превышеніемъ спроса надъ предложеніемъ. 1-го ноября прошлаго года объявлена подписка на заемъ въ три милліарда, и къ 1 января текущаго года осталось неподписанныхъ облигацій на 150 милл. рублей, т.-е. и второй заемъ почти уже покрытъ ²⁾.

Нѣмцы еще не закончили настоящей войны а уже начинаютъ готовиться къ будущей войнѣ.

Директоръ имперскаго комитета по закупкѣ хлѣба, помощникъ статсъ-секретаря Михаэлисъ дѣлалъ недавно слѣдующій докладъ о томъ, какъ надо будетъ поступать послѣ войны ³⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1917 г. 4 января.

²⁾ „Нов. Вр.“ 1917 г. 6 января.

³⁾ „Нов. Вр.“ 1917 г. 6 января.

Дальше придется считаться съ результатами и „поученіями“ войны: Германская имперія не должна оказаться снова на краю гибели только отъ того, что подвозъ хлѣба остановленъ будетъ англійской блокадой; трудно сдѣлать такъ, чтобы „мы всюду имѣли достаточные запасы зерновыхъ продуктовъ“; для этого придется „подчинить государственному контролю весь хлѣбъ, какъ ввозимый, такъ и производимый внутри территоріи“; только при этихъ условіяхъ можно будетъ ожидать безъ опасенія тѣхъ новыхъ войнъ, которыя неизбѣжны.

Такимъ образомъ, нѣмцы уже теперь подумываютъ о томъ, чтобы подчинить важнѣйшую отрасль торговли соображеніямъ чисто военнаго характера.

Но и это еще не все. Директоръ имперскаго комитета по закупкѣ сырья Вальтеръ Ратенау идетъ еще дальше. По его мнѣнію, все вообще государственное хозяйство Германіи должно отнынѣ остаться въ формахъ военной „организаци“, по частямъ созданной за 30 мѣсяцевъ войны. Недостаточно—говорить онъ—думать только о мобилизаци солдатъ. Будущая война должна имѣть въ своемъ распоряженіи—и съ перваго же дня послѣ начатія военныхъ дѣйствій—весь аппаратъ гражданской и промышленной мобилизаци, подобно тому, какъ солдатъ имѣетъ запечатанный пакетъ, содержащій точныя указанія, когда и куда ему явиться воинскому начальству,—промышленныя заведенія должны получить, *заранѣе*, инструкціи, какое количество и какихъ военныхъ припасовъ они должны изготовлять со втораго же дня мобилизаци. „Каждый вышедшій изъ призывнаго возраста нѣмецъ получить бумагу, въ которой будетъ сказано, что онъ долженъ явиться въ такой-то военный комитетъ и исполнять такую-то работу по приобрѣтенію или распредѣленію сырья и фабрикатовъ“.

Наше недавнее наступленіе подъ Ригой, высоко искусно задуманное доблестнымъ генераломъ Радко-Дмитріевымъ и блестяще выполненное его дивными сибирскими и латышскими войсками, слагается по описаніямъ военныхъ корреспондентовъ въ слѣдующія сказанія:

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ въ корреспонденціи Верховскаго дѣло происходило такъ:

Я пишу эти впечатлѣнія въ моментъ, когда намѣченный прорывъ германскаго фронта на правомъ флангѣ нашихъ армій

¹⁾ „Рус. Сл.“ 4 января 1917 г.

сталъ уже совершившимся фактомъ, и когда фиксируются только отдѣльныя детали его.

Въ нашихъ рукахъ знаменитая „Пулеметная горка“, на которой нами захвачено свыше 80-ти пулеметовъ,—дьявольскій улей смертоносныхъ пчелъ. Нами взяты Ледингъ, траншеи вокругъ котораго пятнадцатимѣсячнымъ трудомъ германцевъ были превращены въ настоящіе форты. Нами совершенно очищено отъ противника знаменитое болото Тируль—„Болото смерти“, какъ окрестили его заживо гнившіе и ржавѣвшіе тамъ нѣмцы. Полукольцомъ нашихъ армій охваченъ пылающій Калнцемъ, и наша артиллерія закрыла выходъ изъ этого поселка засѣвшимъ въ немъ нѣмецкимъ частямъ.

Вчера и третьяго дня наша кавалерія была уже далеко на лѣвомъ берегу Аа-Курляндской.

Три первыхъ дня боя съ его эффектнымъ началомъ—„молчаливой“ атакой нашей пѣхоты на германскія твердыни, безъ единого выстрѣла артиллерійской подготовки уже дали возможность главнокомандующему обратиться въ первый же день Рождества къ своимъ войскамъ съ знаменательными словами приказа:

„Ни ошеломляющая вьюга и метель, ни сильныя морозы, ни непроходимыя болота,—ничто не могло остановить вашъ прорывъ. Вы грудью прорвали безчисленное множество проволочныхъ загражденій, и, несмотря на убійственный огонь множества пулеметовъ, вы въ грозномъ молчаніи врывались въ укрѣпленія, блокгаузы, редюиты, созданныя врагомъ въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ... Вы себѣ пробивали путь штыками, сберегши десятки и сотни тысячъ снарядовъ для лучшихъ цѣлей. Врагу нанесенъ чувствительный ударъ, и захвачено большое количество плѣнныхъ, множество орудій, пулеметовъ и другого снаряженія.

Низко кланяясь передъ памятью павшихъ соратниковъ, отъ глубины души благодарю васъ за сдѣланный Россіи подарокъ къ праздникамъ“...

Съ чувствомъ понятнаго интереса осматривалъ я нѣмецкія траншеи въ районѣ главнаго пункта нашего прорыва: вѣдь, этотъ фронтъ въ полномъ смыслѣ слова германскій; именно здѣсь во всеоружіи явила себя германская техника войны;

здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо на другихъ участкахъ фронта челювѣкъ оказался „придаткомъ“ къ машинѣ, а техника замѣнила собою блага личной доблести живыхъ силъ.

Извилистой линіей тянулись нѣмецкіе передовые окопы на кончикѣ того „языка“, который протянули-было нѣмцы къ Ригѣ въ центрѣ нашего праваго фланга, между болотомъ Тируль и лѣсничествами Мангель и Скангель.

Эти окопы, какъ сказано выше, были взяты нашей пѣхотой безъ участія артиллеріи, а потому и сохранились почти въ полной неприкосновенности: ихъ начали-было обстрѣливать сами же нѣмцы, когда окопы заняты были уже нашими войсками, но районъ нашего прорыва все болѣе ширился и углублялся, и вражеской артиллеріи пришлось частью сдаться, частью поспѣшно отойти.

Стѣны окоповъ здѣсь устланы не досками, не деревянной „обшивкой“, а сдѣланы изъ мощнаго сплошнаго частокола толстыхъ сосновыхъ свай. Такія же сплошныя стѣны въ блиндажахъ и блокгаузахъ, такія же въ послѣднихъ крыши, гдѣ настилъ изъ толстыхъ бревенъ укрѣпленъ рельсами, дабы могъ онъ выдержать огромную тяжесть; поверхъ этого настила идетъ бетонный слой, поверхъ бетоннаго — земляной, настолько высокій, что сплошь и рядомъ мнѣ приходилось видѣть блиндажи, въ земляной крышѣ которыхъ были прорыты глубокія траншеи.

Вдоль окопныхъ стѣнъ тянутся въ нѣсколько рядовъ телефонныя проволоки. Блокгаузы и блиндажи освѣщались электричествомъ. На извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого въ блокгаузахъ устроены были временные, превосходно оборудованныя лазареты, съ койками, большимъ запасомъ лѣкарствъ и перевязочныхъ матеріаловъ. Въ окопахъ имѣлись и солдатскія лавочки, и я видѣлъ одну изъ нихъ, еще въ полной неприкосновенности сохранившую свои запасы бѣлаго и чернаго весьма неплохого хлѣба, копченыхъ колбасъ, сигаръ, папиросъ и прочихъ мелочей окопнаго обихода.

Всюду масса маленькихъ переносныхъ печей, — убѣжища для согрѣванія себя въ „долгія зимнія русскія ночи“, для которыхъ, повидимому, было въ изобиліи припасено и то, отъ чего позади окоповъ и на днѣ траншей остался слѣдъ въ видѣ множества пустыхъ бутылокъ изъ-подъ горячительныхъ напитковъ...

Бутылки изъ-подъ „виши“, коробки отъ конфетъ, обертки шоколадныхъ плитокъ, музыкальные инструменты до піанино

включительно, юмористическіе журналы, тыловыя, спеціально для арміи издающіяся газеты и великое множество оранжевыхъ брошюръ „Universal-ibliotek“, цѣна на которыя, кстати сказать, возросла противъ мирнаго времени вдвое и достигла уже 20-ти пфенниговъ.

Всѣ эти блага въ достаточной степени привольной жизни защищались густою сѣтью множества рядовъ колючихъ проволочныхъ заграждений, массой пулеметовъ (какъ говорятъ, ихъ нами захвачено уже болѣе трехсотъ), а маленькихъ приспособленій для метанія бомбочекъ и гранатъ намъ досталось столько, что ихъ некогда, да и некуда убирать,—такъ и пестрятъ еще повсюду эти маленькія катапульты XX вѣка.

Часто въ окопахъ встрѣчаются чугунныя и желѣзныя „била“—сигнальныя доски для тревоги при газовыхъ атакахъ съ нашей стороны.

Вообще, этотъ „другой конецъ“ самими же нѣмцами поднятой палки, какъ видно, вселилъ въ ихъ среду большую тревогу, а практическое примѣненіе его нами принесло имъ немало хлопотъ.

Объ этомъ, помимо многочисленныхъ „билъ“, свидѣлствуютъ и показанія плѣнныхъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать по этому вопросу уже съ весьма многими изъ нихъ, и, какъ оказывается, теперь уже всѣ люди въ германскихъ окопахъ на нашемъ фронтѣ снабжены противогазовыми масками (съ двумя резервуарами, изъ которыхъ одинъ запасный, или, какъ называли нѣкоторые плѣнные, „учебный“), а начальники строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы маски всегда содержались въ надлежащемъ видѣ, и постоянно напоминаютъ своимъ подчиненнымъ о томъ, что лишь хорошо пригнанная маска можетъ спасти человѣка „отъ русскихъ удушливыхъ газовъ“.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ плѣнные рассказывали о другихъ примѣнявшихся въ ихъ окопахъ мѣрахъ предосторожности противъ нашей газовой атаки: о заранѣе заготовлявшихся мѣшкахъ съ соломой или съ опилками передъ входами въ блиндажи, или о кучахъ хвороста на различныхъ мѣстахъ ротнаго участка.

Чугунныя или желѣзныя „била“ нѣсколькими ударами оповѣщали о началѣ атаки, и тотчасъ же всѣ люди, сидѣвшіе въ окопахъ и блиндажахъ, обязаны были надѣть маски, взять ружья и быстро занять свои мѣста въ окопѣ.

Даже здѣсь, на первой линіи, нѣмцы чувствовали себя, по-видимому, въ полной безопасности, недосыгаемости и „развлекались, какъ могли“.

Помимо массы беллетристической литературы, въ окопахъ валяются всевозможные учебники, карты, рисунки.

Таково впечатлѣніе отъ тѣхъ вражескихъ окоповъ, которые заняты были штыками нашей пѣхоты.

Совершенно иную картину представляютъ траншеи, изъ которыхъ противникъ былъ выбитъ огнемъ артиллеріи.

Здѣсь, прежде всего, поражаютъ удивительная гравильность пристрѣлки нашихъ батарей и мѣткость ихъ огня.

Достаточно сказать, что воронки снарядовъ начальнаго обстрѣла, улегшихся непосредственно на окопахъ и на покрытіяхъ блиндажей, въ полной точности повторяютъ линію даннаго участка нѣмецкаго фронта.

Нѣмцы создали линію своихъ траншей. Наша артиллерія покрыла эту линію тѣсной вереницей воронокъ.

Только послѣдующій обстрѣлъ уже отходить отъ этихъ линій. Артиллерія была уже по отступавшему противнику, по его резервамъ, путямъ сообщеній.

Въ дьявольской пляскѣ огромныхъ спиралей свились и колеблются отъ порывовъ вѣтра проволочныя загражденія. Разметаны, какъ щепы, тяжелыя сосновыя балки, бетонныя плиты. Въ странныхъ извилахъ и изломахъ застыли пораженные снарядами рельсы узкоколеекъ и желѣзные упоры блиндажей.

Длинныя шоссе изъ деревяннаго настила въ своемъ нынѣшнемъ хаотическомъ безпорядкѣ похожи на клавиши, замершія подъ ударами чьихъ-то безжалостныхъ рукъ.

Всюду пни скошенныхъ снарядами деревьевъ. Огромныя сосны-гиганты, упершіяся верхушками въ воронки и высоко къ небу поднявшія свои оборванные корни.

И всюду, всюду огромныя воронки. Стрѣльба велась почти исключительно снарядами особо тяжелаго калибра, и снаряды эти глубоко зарывались въ землю, разрываясь уже въ подпочвенной водѣ, которая выступила и замерзла теперь на днѣ сотворенныхъ ими овраговъ. Оттого днища воронокъ сперва даже удивляютъ „непосвященныхъ“ своей ровной гладью.

Теперь въ этихъ воронкахъ груды пулеметныхъ лентъ, патронныхъ ящиковъ, ручныхъ бомбъ, гранатъ, винтовокъ,—всей той массы боевого снаряженія, которую бросилъ въ паническомъ ужасѣ отхлынувшій противникъ.

Въ первые дни, когда онъ не успѣлъ еще опомниться, ориентироваться, подвезти свои резервы, наше преслѣдованіе отступавшаго врага должно было вестись съ полной стремительностью.

Но какъ передвигаться по „клавишамъ“ деревянныхъ полуразрушенныхъ шоссе?

По нимъ могла еще идти всепобѣждающая пѣхота. Но конница, но артиллерія?

И работы по приведенію шоссе въ порядокъ велись тотчасъ же, какъ шоссе освобождалось отъ врага. Производилось оно и самими войсками, и рабочими. Въ дальнѣйшемъ я еще вернусь къ описанію гигантскаго труда, понесеннаго здѣсь дорожно-строительными отрядами, и той несомнѣнной пользы, которую принесли равнодушные, спокойные рабочіе—киргизы и сарты.

Нѣмецкая артиллерія, конечно, пыталась остановить нашъ натискъ, но и самой ей пришлось вскорѣ же отходить или сдаваться.

Нами захвачены уже около 10-ти разнокалиберныхъ батарей и нѣсколько противотанковыхъ орудій, которыя и выставлены теперь на площадкѣ передъ Рижскимъ каедральнымъ соборомъ.

Поэтому всѣ захваченныя нами линіи германскихъ окоповъ очень и очень мало пострадали отъ германскаго же огня.

Пристрѣлка же нѣмецкихъ батарей вообще оказалась изъ рукъ вонъ плохой, и когда нѣмцы пытались сосредоточить свой огонь по нашимъ батареямъ, по нашимъ резервамъ, ихъ снаряды падали гдѣ-то далеко въ сторонѣ.

Летчики рассказываютъ, напримѣръ, что вся юго-западная окраина Бабита превращена нѣмцами въ сплошное рѣшето,— и всѣ эти сотни и тысячи нѣмецкихъ снарядовъ падали на пустое мѣсто, всѣ они потрачены совершенно зря...

При оцѣнкѣ истиннаго эффекта калнцемскаго прорыва нельзя не отмѣтить исключительной по своей обстановкѣ и достигавшимся результатамъ работы летчиковъ.

Еще наканунѣ начала операций всѣ дѣйствующіе на этомъ участкѣ фронта авіаціонные отряды получили отъ высшаго команднаго состава арміи приказаніе, во что бы то ни стало и не взирая ни на какую погоду, принять самое активное участіе въ предстоявшихъ бояхъ.

Участіе это, по желанію командующаго арміей, должно было выразиться не только въ производствѣ обычной развѣдки, но и, главнымъ образомъ, въ обстрѣлѣ живыхъ силъ непріятеля пулеметнымъ огнемъ и бомбами съ минимальной высоты.

На разсвѣтѣ 23-го декабря аэродромы нашихъ авіаціонныхъ отрядовъ огласились мощнымъ гуломъ моторовъ.

Погода стояла самая неблагоприятная.

Дуль рѣзкій, порывистый вѣтеръ. Поминутно срывался снѣгъ, вскорѣ перешедшій въ настоящую пургу.

Но едва пурга стала стихать, какъ съ аэродромовъ одна за другой поднялись въ воздухъ стальные птицы.

Вскорѣ, однако, имъ пришлось опуститься; шквалы дикаго вѣтра буквально прижимали ихъ къ землѣ. И лишь къ вечеру нѣсколькимъ изъ нихъ удалось совершить полетъ надъ раіономъ уже горячо разгорѣвшагося боя.

Утромъ въ сочельникъ работа на аэродромахъ вспыхнула еще болѣе интенсивно.

Аэропланы одинъ за другимъ отдѣлялись отъ земли и уходили въ сторону боя, несмотря на сильный вѣтеръ, постоянная скорость котораго достигала 18-ти метровъ въ секунду, а порывы доходили и до 25-ти метровъ.

Борясь съ сильнѣйшей качкой, часто попадая въ полосы снѣга, аэропланы все же достигли позицій, тотчасъ же вступили въ активный бой съ врагомъ и въ теченіе всего дня неуклонно производили предначертанную имъ работу.

Чтобы судить о трудности, какую пришлось преодолѣвать нашимъ летчикамъ, достаточно сказать, что одинъ изъ нашихъ аэроплановъ въ теченіе двадцативерстнаго пути три раза попадалъ въ сферу сплошной снѣжной метели и еле обошелъ раіонъ свирѣпствовавшаго въ приморской полосѣ бурана.

Когда пилотъ этого аппарата сошелъ на землю, у него отъ колоссальнаго физическаго напряженія при борьбѣ со стихіей словно въ лихорадкѣ дрожали руки. Онъ буквально валился съ ногъ. Его наблюдатель отморозилъ щеки и спустился съ аппарата съ сильно воспаленными глазами.

Какъ и было предуказано, боевую работу свою летчики выполнили съ минимальной высоты. Высоко, впрочемъ, и подниматься-то было нельзя, такъ какъ тяжелыя снѣжныя тучи висѣли уже на высотѣ какихъ-нибудь 300 метровъ.

Но колоссальная паника, охватившая нѣмцевъ, какъ бы застраховала летчиковъ отъ пулеметнаго и ружейнаго обстрѣла.

ибо нѣмцамъ, ошарашеннымъ тѣмъ, что творилось на землѣ, было уже не того, что творилось въ воздухѣ.

Полеты надъ райономъ боевъ производились непрерывно.

Благодаря полной „мобилизаціи“ летчиковъ и ихъ техническихъ средствъ, удалось установить такой порядокъ, что едва лишь одни летчики спускались для донесенія о выполненной ими развѣдки въ штабъ ближайшей дивизіи, какъ ихъ аппараты занимали другіе очередные летчики и тотчасъ же поднимались въ воздухъ.

Интенсивность работы была настолько велика, что нѣкоторымъ летчикамъ приходилось въ теченіе дня выполнять по три продолжительныхъ развѣдки, отдѣленныхъ одна отъ другой лишь такимъ періодомъ времени, какой необходимъ былъ для составленія реляціи о полетѣ.

Такой порядокъ привелъ еще и къ тому, что нѣмецкіе аэропланы и не пытались появляться надъ нашимъ расположеніемъ. И лишь одинъ изъ нихъ около 3-хъ часовъ дня появился со стороны Калнцама, но мѣткимъ снарядомъ нашей артиллеріи былъ сбитъ и, загорѣвшись, упалъ гдѣ-то въ лѣсахъ района „Пулеметной горки“ или, быть можетъ, въ лѣсахъ остающейся еще нейтральной полосы. Аппаратъ, разумѣется, разбился вдребезги. Сейчасъ никому и не до псковъ его печальныхъ останковъ.

День Рождества Христова былъ болѣе благопріятенъ для полетовъ.

Появилось солнце, появились просвѣты голубого неба. Аппараты могли летать на значительно большей высотѣ и такимъ образомъ расширить районъ своего наблюденія.

Къ вечеру этого дня всѣ авіаціонные отряды рижскаго фронта удостоились благодарности за отличную боевую работу не только отъ своего непосредственнаго начальства, но и отъ представителей высшаго команднаго состава арміи.

Двадцать шестого декабря погода снова испортилась.

Снова появился рѣзкій вѣтеръ, и тѣ, кто были въ этотъ день на позиціяхъ, могли наблюдать поразительную картину почти неподвижнаго „стоянія“ аэроплановъ въ поднебесной высотѣ: сила вѣтра, достигавшая наверху 25 метровъ въ секунду, почти равнялась поступательной скорости аппарата.

Такъ аэропланы и „висѣли“ въ воздухѣ надъ Калнцемомъ, Бабитомъ, Мангелемъ, Олаемъ и т. д. по всему району боевъ.

Послѣ полудня вѣтеръ началъ стихать, но тучи стали опускаться ниже.

Летчики выполняли свою работу до наступленія вечера, и многіе аэропланы возвратились на аэродромы своихъ отрядовъ уже при полной темнотѣ.

Послѣдующіе дни не принесли сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія погоды. Постоянно шелъ снѣгъ, низко нависали туманы.

Идетъ снѣгъ и сейчасъ, 29-го декабря, но вѣтра нѣтъ, и авіаціонная работа безостановочно ведется по прежней программѣ.

Нѣмцы по-прежнему не рискуютъ появляться надъ нашей территоріей. И только нѣсколько альбатросовъ, не будучи въ состояннн прорваться сквозь цѣпь, устроенную въ воздухѣ нашими летчиками, уныло бродятъ по ту сторону вражескихъ позицій.

Вчера одинъ альбатросъ пытался проникнуть къ Ригѣ, но былъ прогнанъ огнемъ артиллеріи.

Третьяго дня непріятельскій самолетъ, лавируя между низкими облаками, появился-было въ районѣ Мангеля, но былъ тотчасъ же замѣченъ дежурнымъ летчикомъ этого участка и немедленно обращенъ въ бѣгство пулеметнымъ огнемъ послѣ очень короткаго воздушнаго боя.

Резюмируя всѣ эти официально уже вполнѣ признанныя данныя о работѣ нашихъ летчиковъ въ дни калнцемскаго прорыва, можно, не колеблясь, сказать, что она явилась истиннымъ подобіемъ того торжества надъ противникомъ въ воздухѣ, какое наблюдается уже давно на западно-европейскомъ фронтѣ.

Летчики боролись не только съ земнымъ врагомъ. Они боролись съ метелями, пургой, буранами.

И вышли побѣдителями, безъ единой жертвы со своей стороны.

Именно къ нимъ болѣе, чѣмъ къ сражавшимся на землѣ, должны быть отнесены привѣтственные слова приказа командующаго арміей:

„... Ни ошеломляющая вьюга и метель, ни сильныя морозы, — ничто не могло остановить вашъ порывъ!..“.

Хотя и при слабѣйшихъ техническихъ средствахъ, летчики наши въ точности, а иногда даже съ большимъ эффектомъ выполняли ту работу, которую выполняютъ летчики нашихъ союзниковъ на западномъ фронтѣ.

Излишне говорить о томъ высокомъ моральномъ эффектѣ, который произведенъ этой работой на всѣ наши войсковыя части, участвующія въ калнцемскихъ бояхъ и съ восторгомъ отзывающіяся о работѣ летчиковъ.

Вчера на шоссе къ югу отъ Бабита я разглядывалъ партію почтенныхъ по возрасту ландшатурмановъ, захваченныхъ нѣсколько часовъ назадъ въ лѣсахъ мангельскаго участка.

Надъ озеромъ летѣлъ въ это время нашъ аэропланъ. Летѣлъ низко, медленно, борясь съ сильнѣйшимъ вѣтромъ и поминутно попадая въ снѣговыя тучи.

Его сильно качало, подбрасывало, снижало.

Одинъ изъ плѣнныхъ долго слѣдилъ глазами за аппаратомъ, покачалъ головой и сказалъ со вздохомъ:

— Das ist ein Vogel von Norden! Птица Сѣвера!..

Слова плѣннаго я и взялъ заглавіемъ для этой статьи.

Въ „Новомъ Времени“ г. Тупикъ ¹⁾ рисуетъ обстановку слѣдующимъ образомъ:

Германцы не вѣрили, что мы начнемъ свое наступленіе наканунѣ сочельника безъ одинаго выстрѣла артиллеріи. Смутно поговаривали о возможномъ развитіи операцій, однако нѣмцы слухамъ этимъ серьезнаго значенія не придавали. Въ моментъ прорыва грудью идеально укрѣпленной непріятельской линіи мы застали ихъ чуть-ли не въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Наступленіе началось въ 5 час. утра 23 декабря. Во главѣ наступающей колонны шла одна изъ латышскихъ стрѣлковыхъ бригадъ.

Всю ночь была страшная мятель и вьюга, и только къ утру прекратилась непогода. Во тьмѣ были безшумно прорѣзаны проволочныя загражденія, и первая линія занята была почти съ налета безъ одинаго выстрѣла. Широкій живой потокъ разливался вправо и влѣво по германскимъ окопамъ. Германцы не успѣли поднять тревогу, какъ были уже переколоты. Тутъ же были захвачены пулеметы. Въ дальнѣйшемъ нашей колоннѣ пришлось преодолевать цѣлую систему почти непреступныхъ блокаузовъ, окутанныхъ проволочными

---

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1917, 6 янв.

загражденіями. Противникъ защищался упорно, стрѣлялъ до послѣдней возможности. Въ одинъ изъ блокгаузовъ, представляющихъ собою мальнѣкія крѣпостцы, было брошено нѣсколько ручныхъ гранатъ. Но подойти къ блокгаузу было трудно: оттуда свистѣли пули. Когда наши стрѣлки все-таки ворвались въ блокгаузъ, ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ нѣмецъ, у котораго были оторваны обѣ ноги...

Уже свѣтало. Одинъ изъ славныхъ полковъ уже выходилъ на шоссе. Къ пулеметному огню спѣшно отходившаго противника примѣшался неожиданно страшный огонь артиллеріи: били картечью. Сразу же была выдвинута густою цѣпью рота, необходимо было захватить батарею, она была недалеко. Перейдя широкое шоссе, стрѣлки увидѣли небольшіе окопы, расположенные островкомъ, защищенные колючею проволокою; слѣва былъ лѣсъ, а на горюшкѣ четыре орудія, это и была легкая батарея. Около орудій копошились германскіе артиллеристы.

Людей не нужно было подбадривать, ротный только рукой указалъ на срудія, и сѣрая волна, не зная препятствій, встрѣченная ружейнымъ огнемъ тридцати артиллеристовъ, сметая проволоку, земляной валъ, небольшіе блокгаузы, раздавивъ горсточку людей, овладѣла орудіями. Исполнилась завѣтная мечта стрѣлковъ: захватить батарею съ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Справа поднимался громаднѣйшій сарай, оттуда доносился странный топотъ, были брошены ручныя гранаты, и вдругъ оттуда послышалось жалобное ржаніе, это были лошади германской батареи. Германская прислуга отстрѣливалась у орудій довольно отчаянно, однако, мѣтко брошенная въ-время граната прекратила излишнее кровопролитіе. Не успѣли и опомниться наши стрѣлки, какъ изъ лѣса показалась германская пѣхота съ двумя пулеметами. Но съ фланговъ она уже была охвачена однимъ изъ нашихъ латышскихъ полковъ, и въ нѣсколько минутъ борьба была окончена, пулеметы достались намъ въ добычу.

А цѣпи нашихъ стрѣлковъ подвигались уже дальше по шоссе. О трофеяхъ не думали, ихъ подберутъ тѣ, что идутъ сзади. Противникъ отходилъ по шоссе, отстрѣливаясь изъ пулемета. Частымъ ружейнымъ огнемъ были перебиты нѣмецкіе номера, но одинъ еще волочилъ пулеметъ, доносился визгъ колесиковъ. Вотъ онъ остановился, затакала машинка, засвистѣли пули. Остановились стрѣлки, и снова завизжали колесики. Справа на перерѣзъ шоссе бросилось къ безумному

храбрецу нѣсколько стрѣлковъ. Одинъ изъ нихъ добѣждалъ первымъ, пулеметчикъ запутался въ пулеметныхъ лентахъ, спускавшихся черезъ плечи, не успѣлъ наладить машинку и покатился на землю. На него навалился стрѣлокъ, схватилъ за горло, и такъ въ дикой истерической схваткѣ катались они по землѣ, пока не подбѣжали наши стрѣлки.

Цѣпи двигались все дальше и дальше. Передъ нами широкій лугъ, шириною въ 400 шаговъ, цѣпи были встрѣчены неожиданно сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Впереди канава. Люди какъ будто засуетились и залегли. Нѣмцы били въ лобъ и съ фланга. Три офицера первыми поднялись и, увлекая за собою стрѣлковъ, побѣжали впередъ къ лѣсу, встрѣченные свинцовымъ дождемъ. Одинъ изъ нихъ прапорщикъ Озолъ только и успѣлъ крикнуть: „Впередъ, ребята“ и навзничь упалъ въ мягкій снѣгъ. Схватили стрѣлки храброго офицера, понесли его въ лѣсъ, на рукахъ солдатъ скончался герой.

Добѣжали до лѣса, а тамъ на горушкѣ вторая, но уже тяжелая батарея, кругомъ шли довольно сильныя укрѣпленія, у нѣмцевъ—что ни батарея, то маленькая крѣпость. Двинутая въ лобъ и съ фланговъ наши роты стремительнымъ движеніемъ преодолѣли всѣ препятствія, высота съ блокаузами была взята, упорно сопротивлявшіеся германцы переколоты. Тяжелая батарея со всѣми зарядными ящичками, пароконныя повозки съ громаднымъ количествомъ фуража, походныя кухни и вся штабная канцелярія одного изъ германскихъ познанскихъ полковъ,—все это стало нашей добычею. Выставивъ сторожевое охраненіе, сѣрая волна полилась впередъ по шоссе. Грандіозный прорывъ продолжался. Здѣсь мы встрѣтили еще одно послѣднее препятствіе. Навстрѣчу намъ спѣшно двигалась германская колонна гвардейскихъ егерей: впереди нѣмецкій офицеръ. Наши цѣпи, встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ, бросились въ штыки, германцы приняли ударъ. Длинный, черный нѣмецкій лейтенантъ бросился съ шашкой въ рукахъ къ нашему ротному. Солдаты на секунду отъ неожиданности и ужаса замерли. Офицеръ не потерялся, поднялъ наганъ, подпустилъ почти на шесть шаговъ и два раза почти въ упоръ выстрѣлил. Германецъ свалился, какъ снопъ, и тѣ, что стрѣляли стоя изъ винтовокъ почти на 30 шаговъ, увидя гибель своего командира, поспѣшно отступили, часть сдалась въ плѣнъ.

Дорога была открыта, двѣ батареи, тяжелая и легкая, были нашей добычей, болѣе десятка пулеметовъ и масса вся-

каго интендантскаго добра попала въ наши руки. С. былъ взятъ. Въ бурное утро, въ снѣжную мятель, безъ единого выстрѣла нашей артиллеріи, лагышами былъ сдѣланъ прсрывъ на 6 верстъ; это была первая ласточка крупной побѣды на рижскомъ фронтѣ.

Въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ такъ описывается взятіе „Пулеметной горки“:

Когда мы взяли „Пулеметную горку“, то сами не повѣрили этому. Намъ казалось, что все это обманъ зрѣнія, что нѣмецкая крѣпость еще гдѣ-то впереди. Но мы побѣдно вступили на нее. Первое впечатлѣніе было грандіозное, захватывающее. Сотни чудовищныхъ блокгаузовъ и блиндажей съ десятками пулеметовъ, густой лѣсъ, сплошь окутанный проволочнымъ загражденіемъ, окопы, ходы сообщенія и т. п. сооруженія.

Нѣмцы были правы, когда считали „Пулеметную горку“ неприступной. Да и немисливо ее ьзять съ фронта, только ловкій обходный маневръ могъ сокрушить ее, да крупные калибры орудій.

Въ этомъ бою наша артиллерія сыграла выдающуюся роль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она буквально снесла огромный лѣсъ, оставивъ одни расщепленные стволы сосенъ. Особенно удачно дѣйствіе шрапнельнаго огня. И не мудрено, что всѣ болота и лѣса были усѣяны нѣмецкими трупами.

Мы начали обыскивать блокгаузы и блиндажи и всюду находили образцовый порядокъ. Въ офицерскихъ землянкахъ было проведено электрическое освѣщеніе, сдѣланы кирпичныя печи и прочія удобства. Для унтеръ-офицеровъ также устроены особыя помѣщенія.

Къ придорожнымъ деревьямъ прибиты дощечки съ надписями: „Строго воспрещается рубить и портить лѣсъ“. Кромѣ того, всѣ блокгаузы носятъ особыя названія: „Вилла Гинденбурга“ и пр. На каждомъ шагу вы встрѣтите патріотическія надписи, говорящія о долгѣ солдата, о фатерляндѣ. У перевязочнаго пункта 49 полка мы забрали двѣ линейки Краснаго Креста и прочій инвентарь.

На дорогахъ и тропинкахъ видны слѣды поспѣшнаго отступленія непріятели. Они даже не успѣли увести живность. Лошади, свиньи, куры стали нашимъ достояніемъ. Первое время разыгрывались курьезные случаи. Вотъ ведутъ плѣнныхъ, а сзади гонятъ свиней, гусей. Смѣхъ, крикъ, шумъ,

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1917, 5 янв.

словно ѣдутъ съ ярмарки. Одни нѣмцы выглядятъ пасмурно, они все еще не могутъ понять, что такое случилось... Наша побѣда прибила ихъ, словно изъ-за угла мѣшкомъ. Такой растерянности у нѣмцевъ не было ни разу.

Стремительный натискъ оглушилъ ихъ и напугалъ до смерти. Они поняли, что для русскаго героя не существуетъ неприступныхъ укрѣпленій.

Мнѣ первый разъ пришлось видѣть бѣгство нѣмцевъ. Они боялись попасть въ плѣнъ и на своемъ пути бросали все, чтобы облегчить себя.

За „Пулеметной горкой“, въ лѣсу, я наткнулся на десятки раненыхъ и убитыхъ нѣмцевъ. Раненые ползали по снѣгу, оставляя кровавый слѣдъ, и просили помощи. Мы подбирали всѣхъ безъ разбора. Во многихъ мѣстахъ намъ приходилось разводять костры. Едва вспыхнетъ огонь, какъ со всѣхъ сторонъ ползуть къ нему раненые. А впереди еще грохочетъ бой, слышны побѣдные клики „ура“ и несмолкаемый грохотъ орудій.

Четыре дня приходилось ни спать и не ѣсть, двигаясь впередъ по поясъ въ снѣгу. Но побѣда давала людямъ силу, и они преслѣдовали врага. Въ этомъ бою наши солдаты показали свою удивительную выносливость и безавѣтную храбрость. Я, какъ сейчасъ, помню знаменитую атаку Н—въ. Подъ ураганнымъ огнемъ они докатились до нѣмецкихъ окоповъ, преодолѣли десятки искусственныхъ препятствій и въ одно мгновеніе захватили сильнѣйшую позицію.

Когда же нѣмцы перешли въ контръ-атаку, то наши стрѣлки стремительно бросались на нихъ и кололи штыками. Мы не хотѣли отдать и куска родной завоеванной земли.

Сейчасъ нѣмцы засѣли въ М-мъ лѣсу и упорно защищаютъ его. Бои съ каждымъ днемъ становятся упорнѣе и принимаютъ затяжной характеръ. Но нѣмцамъ нанесенъ рѣшительный ударъ, который можно развить въ окончательную побѣду ¹⁾. Послѣдніе бои показали, что мы можемъ прорвать нѣмецкое желѣзное кольцо и въ ближайшемъ будущемъ освободить наши родныя земли.

Въ сказаніяхъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ дѣло происходило такъ:

Нашего наступленія нѣмцы совершенно не ожидали. Бушевавшая 23-го декабря метель дѣлала, казалось, невозмож-

---

¹⁾ Напомнимъ читателю, что еще 26 декабря прошлаго года мы высказали свое предчувствіе, что это наша послѣдняя побѣда.

ными какія-либо наступательныя дѣйствія. Поздно вечеромъ метель, однако, стихла, и въ нашихъ окопахъ былъ полученъ приказъ объ атакѣ. Первыми двинулись латышскіе стрѣлки. Ударъ латышей былъ такъ стремителенъ, что нѣмцы не успѣли опомниться, какъ ихъ первыя линіи были уже въ нашихъ рукахъ. Наши этимъ не ограничились и, не давая передышки врагу, двинулись дальше.

Сибиряки, наступавшіе рядомъ съ латышами, соперничали съ послѣдними въ лихости и храбрости. Они также забирали нѣмецкія укрѣпленія одно за другимъ. А укрѣпленія эти были очень сильны.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, забившись въ блиндажи и лисьи норы, нѣмцы оказывали упорное сопротивленіе. Ихъ пришлось выбивать оттуда ручными гранатами.

На слѣдующій день, т. е. 24-го декабря, передъ нашими стрѣлками впереди показались туманныя очертанія Митавы. Летчики донесли, что нѣмцы, согнавъ окрестное населеніе, спѣшно эвакуировали городъ, а 25-го декабря Митава запылала. Нѣмцы зажгли ее съ нѣсколькихъ сторонъ. Три дня поднимались къ небу черные клубы дыма, три noci въ небѣ стояло огромное зарево. Теперь отъ Митавы остались однѣ дымящіяся развалины...

Нѣмцы изобрѣли новый пріемъ для увеличенія стойкости своихъ войскъ. Во взятыхъ нами укрѣпленіяхъ были найдены нѣмецкіе пулеметчики, прикованные желѣзными цѣпами къ своимъ пулеметамъ и бетоннымъ стѣнамъ укрѣпленія.

Въ общемъ это наступленіе, исполненное вопреки всѣмъ доселѣ бывшимъ примѣрамъ въ эту войну, внезапнымъ, суворовскимъ налетомъ, безъ артиллерійской подготовки, доставило намъ въ числѣ другихъ трофеевъ до 40 орудій и свыше 300 пулеметовъ, что свидѣтельствуетъ, прежде всего, о сверхъестественномъ богатствѣ германскихъ позицій на рижскомъ фронтѣ по части артиллеріи и пулеметовъ. Полторы германскихъ дивизіи, разгромленныя нашимъ сибирскимъ корпусомъ за четыре дня потеряли свыше 2.000 плѣнныхъ; общій же уронъ ихъ, во всякомъ случаѣ, долженъ превышать треть наличнаго состава. Лишній разъ наши сибиряки опровергли вредную легенду о несокрушимости германскаго фронта, и въ моральномъ впечатлѣніи заключается сила нанесеннаго нѣмцамъ удара.

В. П.

РУССКАЯ СТАРИНА ВЪ ИЗД. 1918 Г.

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Отзвуки далекаго прошлаго. Сообщ. А. Ф. Кони	3—12
II. Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ. Сообщ. А. И. Савельевъ	13—20
III. П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Горбуновъ и Д. В. Аверкіевъ (встрѣчи и столкновенія). Сообщ. Р. И. Сементковскій	28—39

Ислѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1888 г. Сообщ. М. В. Безобразова	21—25
II. Отрывокъ изъ неизданнаго письма Н. В. Гоголя. Сообщ. С. М. Шпицеръ	26—27
III. Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 г. Перевель со шведскаго А. В. Полторацкій	40—49
IV. Елизавета Григорьевна Темницына — дочь великолѣпнаго князя Тавриды Потемкина и Высокой Особы. Сообщ. В. С. Чважевскій	50—51
V. Мимоходомъ. Сибирская картинка. Сообщ. В. И. Мерцаловъ	52—60

VI. Изъ старыхъ дѣлъ. Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбитіи отъ караула женокъ. Сообщ. М. Ф. Чулицкій	61—64
VII. Къ воспоминаніямъ о Т. Г. Шевченкѣ. Сообщ. Т. Чернятыньскій	65—36
VIII. Пугачевская жалованная грамота на чинъ полковника. Сообщ. священникъ Н. Н. Модестовъ	67—69
IX. Мои встрѣчи съ германскими войсками внутри Россіи наканунѣ войны 1914—16 г. г. Сообщ. Ф. Суринь	70—74
X. Въ чужой странѣ. Сообщ. Л. Н. Бѣльковичъ	75—90
XI. Запѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	91—134
XII. Алексѣй Дмитріевичъ Бутовскій. П. Воронова	135—136
XIII. Императрица Елисавета Алексѣевна и князь Адамъ Чарторижскій. Сообщ. Е. С. Шумигорскій	137—151
XIV. Обзоръ записокъ гр. Матвѣева и вновь сткритыхъ вариантовъ ихъ о стрѣльцкомъ полковникѣ Сухаревѣ. Сообщ. А. В. Лонгиновъ	152—160
XV. Къ портрету Косцюшко. Ред.	162
XVI. И. Г. Головинъ. Императоръ Николай I по характеристикѣ его современника, эмигранта-публициста Н. Г. Головина	163—180

Приложеніе.

Портретъ Алексѣя Дмитріевича Бутовскаго.

Библиографическій листокъ (на обложкѣ).

- I. **Н. А. Янчукъ**. Знаменитый зодчій XVIII вѣка Вас. Ив. Баженовъ и его отношеніе къ масонству (1737—1799). Съ портретомъ. Петроградъ. 1917.—**С. III.**
- II. Пѣсни о русской сестрѣ милосердія 1914—16 г. г., собранныя Евг. Веневчинскимъ. Петр. 1917.—**М. С.**
- III. **Д. И. Дмитріевичъ**. Союзъ Болгаріи съ Германіей передъ судомъ свободной Россіи. Факты и документы. Съ предисловіемъ М. В. Родзянко. Петр. 1917.—**М. С.**
- IV. **Д. И. Десятисильная**. Фабрики и заводы въ царствованіе императора Петра Великаго. Историко-экономическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1917.—**С. М.**
- V. **Мое время**. Записки Г. С. Винскаго. Библиотека мемуаровъ „Огни“.—**С. Я.**

РУССКАЯ СТАРИНА ВЪ ИЗД. 1918 Г.

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Отзвуки далекаго прошлаго. 1868 —69. Сообщ. Е. В. Коршъ	59—90
II. М. Н. Альбовъ и Д. И. Тихомировъ (Встрѣчи и столкновенія). Сообщ. Р. И. Семент- ковскій	93—102
III. Дневныя записки генерала Патрика Гордона. Сообщ. П. М. Майковъ	103—114

Ислѣдованія. — Историческіе и біографиче- скіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Мате- ріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Обзоръ Записокъ гр. Матвѣева и вновь откры- тыхъ вариантовъ ихъ о стрѣльцомъ пол- ковникѣ Сухаревѣ. Сообщ. А. В. Лон- гиновъ	1—28
II. Послѣдніе дни жизни императора Алексан- дра I и его кончина въ Таганрогѣ, по письму камердинера Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Вережкину. Сообщ. священ. Николай Модестовъ	29—40
III. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1888 г. Сообщ. М. В. Безобразова	41—46
IV. Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII вѣкѣ. Сообщ. В. Шереметевскій	47—57

	СТРАН.
V. Курьезы старой Москвы. (Изъ записной книжки „Русской Старины“). Сообщ. С. В. Танъевъ	58
VI. Указъ императрицы Елизаветы Петровны Правительствующему Сенату въ 1755 г. о бережномъ доставленіи въ Петербургъ священника Аѳанасія Иванова, имѣющаго 144 челоѡвка потомства. Сообщ. З. И. Тиманъ	91—92
VII. Замятки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. Сообщ. В. П.	115—136

Приложеніе.

Портретъ Тадеуша Косцюшки.

Библиографическій листокъ (на обложкѣ).

- I. **Юлій Гессенъ.** Пльнные въ Россіи съ древнихъ временъ. В. I. Выкупъ пльнныхъ. Петроградъ. 1918.—**С. Я.**
- II. **Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.** Матеріалы для біографіи. Подъ редакціей Влад. Княжина. Изд. Пушкинскаго Дома при Академіи Наукъ.—**С. Ш.**
- III. **Николай Морозовъ.** Повѣсти моей жизни. Томы II и III. Москва, 1918, изд. „Задруги“.—**С. Я.**
- V. **Русскіе Проилей.** Томъ IV. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. О. Гершензонъ. М. 1917.—**С. М.**

Николай Морозовъ. Повѣсти моей жизни. Томы II и III. Москва, 1918, изд. „Задруги“.

Повѣсти извѣстнаго шлиссельбуржца Н. А. Морозова посвящены изображенію его дѣятельности и скитаніямъ въ качествѣ одного изъ самыхъ видныхъ и главныхъ народовольцевъ. Второй и третій томы повѣстей, только что вышедшіе въ свѣтъ, посвящены началу и срединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ описаны переживанія автора въ Россіи и за границей въ связи съ его революціонной дѣятельностью, разсказывается о его злоключеніяхъ въ отечественныхъ узилищахъ, много мѣста посвящено описанію скитаній автора въ народѣ, прекрасно изображены его наблюденія надъ психологіей народа—рабочихъ и сѣрой крестьянской массы. Поучительны мысли автора о сущности социализма, о путяхъ и методахъ осуществленія его и горячая проповѣдь въ „повѣстяхъ“ великаго значенія науки. Написанныя очень талантливо и красиво, повѣсти Н. А. Морозова читаются съ большимъ увлеченіемъ и являются незамѣнимымъ матеріаломъ для ознакомленія современнаго читателя съ народовольческимъ движеніемъ, имѣющимъ такое огромное значеніе въ исторіи Россіи съ 70-хъ годовъ вплоть до нашихъ дней.

С. Я.

Русскіе Пропилеи. Томъ IV. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. О. Гершензонъ. М. 1917.

Четвертый томъ „Пропилеевъ“ М. О. Гершензонъ посвятилъ Герцену и Огареву и ихъ взаимоотношеніямъ—отчасти общественно-политическимъ, главнымъ образомъ, семейно-интимнымъ. Въ этомъ томѣ изслѣдователь и историкъ использовалъ часть такъ счастливо доставшагося ему архива Н. П. Огарева, напечатавъ документы, относящіеся къ 1838—1865 гг. Здѣсь, въ письмахъ и дневникахъ Нат. Ал. Тучковой-Огаревой, въ письмахъ Н. П. Огарева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова, Н. М. Сатина и другихъ, проходитъ передъ читателемъ великая сердечная драма Огаревыхъ и Герцена, который невольно сталъ на пути семейнаго счастья Н. П. Огарева и его второй жены Н. А., страстно полюбившей А. И. Герцена и ради него оставившей Огарева, при чемъ, однако, между Герценомъ и Огаревымъ продолжались прежнія дружескія, литературно-политическія отношенія, причинявшія, понятно, всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ этой драмы невыразимыя мученія. „Словно на фантастической сценѣ,—говоритъ М. О. Гершензонъ,—они сызнова живутъ свою неподдѣльную жизнь, переживаютъ во второй разъ публично все то, что когда-то во плоти изживали скрытно отъ всѣхъ. Между сценой и нами смерть провела таинственную грань; стоя за чертою, мы въ благоговѣйномъ молчаніи смотримъ, какъ совершаются роковыя вины и строятся судьбы, какъ малые соблазны неодолимо влекутъ обреченную жертву и какъ въ самой гибели, въ безвыходной тѣсотѣ страданій, человѣчскій духъ тѣмъ жарче горитъ немеркнущимъ огнемъ тоски, надежды и боли, чуя ложь воплощеннаго міра и правду иную“. Въ книгѣ—нѣсколько снимковъ съ рисунковъ изъ семейнаго альбома Герценовъ.

С. М.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1918 года.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ТРИДЦАТЬ ДВА руб.**—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“—Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропущаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно извести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзыви о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для печатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „РУССКУЮ СТАРИНУ“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890, 1892—1908, 1910 и 1911, и 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 и 1916 г.г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА
Михаиль Ивановичъ Семевскій.
ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 7.

